А. Леонтьев

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАРТЕ ЯЗЫКОВ МИРА

научные развлечения

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вы хотите узнать, когда чукчи «пальчат»? А как считают в Новой Гвинее? Почему по-японски фамилия автора звучит Реонтиефу и где встречаются самые длинные слова? В каком родстве состоит русский язык с бенгальским и персидским? Куда слова путешествуют и почему в одних языках их сотни, а в других — сотни тысяч?

На эти и другие, не менее интересные вопросы вы найдете ответы в книге академика Алексея Леонтьева «Путешествие по карте языков мира».

Произведения, посвященные науке, изучающей язык, — лингвистике, ее прошлом, настоящем и будущем, написаны ярко и вполне доступно и заставят читателя задуматься над многими вещами, о которых он раньше, может быть, не имел представления.

- Алексей Леонтьев
  - От редактора
  - Тайны языка и загадки языков
    - Предисловие автора
    - Язык и наука о нём
      - Что такое язык?
      - Лингвистика — наука о языке
    - Языки мира
      - Языковые семьи
      - Карта языков мира
      - Языки идут друг другу навстречу
      - Языки подают друг другу руки
      - Спрашивай — отвечаем
      - Грамматические особенности разных языков
      - Язык и общество
    - Как мы говорим
      - О происхождении языка
      - Почему мы умеем говорить?
      - Человек, общество, личность
      - Как мы говорим?
      - Речь и виды речи
      - Владеете ли Вы русским языком?
  - Язык и разум человека
    - Предисловие автора
    - Заместители языка

- Быть или не быть семиотике?
- Знаковая? Система?
- Язык и семиотика
- Ближайшие "родственники"
- Рассказ о господине Жи
- Простейший способ выучить эскимосский язык
- Язык до Киева доведет
- Путеводитель по радиоприемнику
- Чувства — Глаза — Луна
- С птичьего полета
- Что познавали мореплаватели?

- Путешествие по карте языков мира
  - Предисловие автора
  - От автора
  - Несхожие братья
    - От имени науки
    - Родословное дерево языков и как его составляют
  - Что же это за карта?
    - Снова индоевропейцы
    - Афразийские (Афро-Азиатские) языки
    - Уральские языки
    - Алтайские языки
    - Кавказские языки
    - Чукотско-камчатские и другие языки Сибири и Дальнего Востока
    - Китайский язык и его соседи
    - Австроазиатские языки
    - Дравидские и прочие языки континентальной Азии
    - Языки Тихого океана
    - Не ходите в Африку…
    - Новое об индейцах
    - Подведем итоги
  - Звуки, которые мы выбираем
    - Миша, Мкртич и Мауи
    - Ах, фремя, фремя!
    - Немножко о фонеме
    - Звуки в упаковке, или что такое ударение
  - Бывают ли языки без грамматики?
    - Куда склоняются наши слова?
    - Нельзя ли просклонять глагол?
    - Мать видит дочь

        - Нужна предикативность, дядя!
        - Трое делают что-то с двоими, или язык-бухгалтер
        - «Мы» — много «я»?
        - «Детский род» и «плавающий класс»
        - Совсем немножко о виде глагола
        - О прилагательном и его родственниках
        - «…От говорящего на низ или к дверям…»
        - «Трудный» русский язык
      - Как это называется?
        - «Первобытные» языки в кривом зеркале и на самом деле
        - Сколько слов нужно человеку?
        - Синий или зеленый?
      - Справа налево? Слева направо? Сверху вниз?
        - А может быть — еще как-то?
        - III? З? Три?
        - Человек + слово = верить
        - Рождение букв
        - Биография вашего письма
      - Язык, на котором не говорят
        - Можно ли стоять не по-русски?
        - Что такое этикет?
        - Что означает заяц?
      - Заключение
    - Лингвистика XXI века[15]
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

Алексей Леонтьев
Путешествие по карте языков мира

От редактора

В этой книге собраны вместе несколько научно-популярных работ о языке, написанных для молодых читателей одним из крупнейших отечественных языковедов, академиком Российской академии образования Алексеем Алексеевичем Леонтьевым (1936–2004): книги «Что такое язык» и «Путешествие по карте языков мира», а также глава из книги «Язык и разум человека». Все они не переиздавались уже более четверти века, но отнюдь не утратили своего значения. Автор готовил их к переизданию несколько лет назад, слегка обновив и отредактировав тексты, однако его неожиданная смерть отодвинула их новую встречу с читателем. Поскольку книги хорошо дополняют друг друга, их объединение под одной обложкой вполне логично и придает объемность картине: разговор о языке как, возможно, главной специфической способности человека переходит в разговор о языках во всем их неисчерпаемом разнообразии.

Текст печатается на основе первых публикаций с учетом редакционной правки, внесенной автором в 2003 году.

Тайны языка и загадки языков

Предисловие автора

Первое издание этой книги было выпущено в 1976 году московским издательством «Педагогика» почти невероятным сейчас тиражом в 200 тыс. экземпляров. Оно вышло в серии «Библиотечка "Детской энциклопедии". Ученые — школьнику».

Упоминание о "Детской энциклопедии" здесь закономерно: большая часть книги — это статьи, написанные мной для второго издания «Детской энциклопедии» и опубликованные в ее седьмом томе (1966) — «Мышление» и «Речь» — и одиннадцатом томе (1968) — «Языки мира» и «Письменность» (то же в третьем ее издании и в однотомнике «Познание продолжается»). Заключительная главка была опубликована в журнале «Семья и школа», 1970, № 8.

Книга выходила также на эстонском и монгольском языках (1980).

Настоящее издание отличается от первого лишь незначительными сокращениями и необходимой редакторской правкой.

А. А. Леонтьев Декабрь 2003 г.

Язык и наука о нём

Что такое язык?

В романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» есть глава, где описывается, как путешественники, плывшие на корабле по океану, нашли на палубе… замерзшие слова. Похожие на красные, желтые, зеленые градины, эти слова в руках оттаивали и начинали звучать.

В этих словах Рабле скрыт глубокий смысл. Действительно, слова как будто существуют вне человека. Если они напечатаны в книге, их можно увидеть, как можно увидеть любой предмет внешнего мира. Если они сказаны, их можно услышать, как можно услышать любой звук, а записав на аудиокассету или лазерный диск, их можно сохранять «впрок». Если же слова написаны специальным шрифтом из выпуклых точек, то их можно даже пощупать. А если так, почему не допустить, хотя бы в шутку, что на слова распространяются законы, действующие в мире физических тел?

Такой взгляд на слова и вообще на язык высказывался в прошлом веке вполне серьезно. Язык называли организмом и думали, что языки ведут между собой «борьбу за существование» и подчиняются закону естественного отбора, совсем как животные или растения.

Но очень скоро поняли, что такой взгляд на язык неправилен. Тогда же решили: язык — это явление примерно того же типа, что мышечная деятельность, и поэтому язык, или речь, целиком обусловливается строением и работой организма **каждого отдельного человека.** А так как совершенно независимых от человеческого общества людей не бывает, то люди, общаясь, якобы сглаживают индивидуальные особенности своих языков и начинают говорить на «среднем» языке.

Так ли это? Действительно ли каждому отдельному человеку свойственно говорить, как ему свойственно дышать или ходить, и действительно ли язык народа — это простое «среднее арифметическое» индивидуальных языков?

Если так, значит, человек, изолированный от общества, все равно стал бы говорить, разве что его речь была бы несколько иной, чем речь других людей. Науке же известно свыше 30 случаев, когда дети вырастали среди животных, как Маугли из повести Киплинга. **И ни один из этих детей не умел говорить.**

Значит, умение говорить — не врожденная способность

человека. Язык, как и все другие **человеческие** способности, входит в социальный опыт человечества, развивается вместе с человеческим обществом и усваивается каждым отдельным человеком только благодаря общению с другими людьми.

Потому и возникло представление о языке как о чем-то, имеющем самостоятельное существование. Для каждого человека язык как будто действительно что-то внешнее, но, если бы не было человеческого **общества,** не было бы и языка. Язык — это продукт общественной деятельности, это отличительная особенность общества.

А зачем нужен язык? Для чего нужна человеку членораздельная речь?

Во-первых, для того, чтобы люди могли обмениваться мыслями при всякого рода совместной деятельности, т. е. он нужен как средство **общения.** Правда, кроме языка для этой цели могут использоваться и другие средства, например система знаков, регулирующих уличное движение.

Во-вторых, язык нужен для того, чтобы **закреплять** и **сохранять** коллективный опыт человечества, достижения общественной практики. Когда Архимед открыл свой знаменитый закон, то первое, что он при этом сделал, — сформулировал этот закон в словах, выразил свою мысль так, что она стала доступной для понимания и его современникам, и нам — его далеким потомкам. Когда вы учитесь в школе, вы усваиваете достижения общественного опыта по учебникам, где необходимые сведения изложены в языковой форме.

Наконец, в-третьих, язык нужен для того, чтобы человек мог с его помощью **выразить** свои мысли, чувства, эмоции. Например, в стихах человек передает самые сокровенные мысли, чувства, переживания. И все это благодаря языку.

Без языка не было бы самого человека, потому что все то, что есть в нем человеческого, связано с языком, выражается в языке и закрепляется в языке.

Лингвистика — наука о языке

Как-то я увидел необычную сцену. Группа московских школьников шла по улице Волхонка. Заметив на одном из домов вывеску «Институт русского языка Академии наук СССР», они удивились — такой странной показалась им мысль, что целый институт может заниматься изучением понятного даже им языка!

А странного ничего нет. Многие ученые посвятили свою жизнь изучению того, что такое язык— как он устроен, как функционирует, для чего нужен. Наука, которая всем этим

занимается, называется языкознанием или лингвистикой — от латинского слова «лингва», что означает «язык». О ней и о том, что она изучает, — речь в этой книге.

Лингвистика появилась не потому, что кому-то захотелось поразмышлять о языке. Как и все науки, она родилась из потребностей практики. Произошло это впервые в древней Индии. Вам, вероятно, известно, что у индийцев есть священные книги — «Веды», написанные еще в III–II тысячелетиях до н. э. Шли века, язык изменялся, и в конце концов уже к началу нашей эры индийцам стало трудно понимать свои священные книги. Возникла необходимость сравнить язык «Вед» и язык, на котором люди говорили в обыденной жизни, чтобы можно было специально учить жрецов-брахманов чтению священных книг. Так и началась наука о языке.

Но наукой в подлинном смысле слова лингвистика стала только 150 лет тому назад, когда ее предмет был четко отграничен от предметов других наук. Стало ясно, что лингвистика — это не часть философии и не часть истории, что она не совпадает ни с литературоведением, ни с логикой, ни с психологией, хотя все эти науки изучают в какой-то мере язык. Были разработаны специальные приемы и методы, позволившие за полтора века узнать о языке столько, сколько человечество не смогло узнать за две тысячи лет.

В чем же подход лингвистики на язык отличается от взгляда на него других наук?

Все другие науки изучают язык не сам по себе, а как средство, орудие какой-то определенной деятельности. Скажем, психолога язык интересует как орудие мышления, как опора памяти, как предмет изучения в школе. Логик занимается языком как формой логических утверждений. Для литературоведа язык — это первоэлемент любого произведения. Для историка — это ключ к древним памятникам: надписям, грамотам и т. д.

Для лингвиста же менее важны способы использования языка в разных областях жизни и деятельности человека. Можно сравнить лингвиста с физиком: в сущности, логик и психолог, литературовед и историк так же пользуются плодами работы лингвиста, как инженер пользуется плодами работы физика.

Попытаемся разобраться в том, что же видит в языке лингвист. Прежде всего поговорим о сущности языка, о его важнейших свойствах. Часто ограничиваются тем, что считают: язык — орудие общения, орудие коммуникации. Это, конечно, верно, но не исчерпывает всей языковедческой проблематики. Самое главное для человека состоит в том, что язык является одновременно и орудием общения, и орудием обобщения. Он

позволяет нам передавать друг другу сложнейшие идеи и понятия и в то же время дает возможность закрепить эти идеи и понятия в определенных внешних формах слов, словосочетаний и предложений, общепонятных и общепринятых, и свободно оперировать ими.

И устроен язык так, что он может выполнять эти свои функции наилучшим образом. Как же именно он устроен, какова его внутренняя организация?

Одно из важнейших понятий современной лингвистики — это понятие единицы языка. Вы уже сталкивались в своей практике с различными лингвистическими единицами. Примеры такой единицы — слово, предложение, слог, основа, суффикс или окончание, наконец, отдельный звук. Лингвисты изучают, из каких отдельных «кирпичиков» складывается (или, если хотите, на какие «кирпичики» может распадаться) речевое высказывание, в каких отношениях эти единицы находятся друг к другу в языке и в потоке речи. Например, различные грамматические формы слова — стол, стола, столу и т. д. — составляют друг с другом систему, которую называют системой падежей, а все звуки составляют систему, называемую звуковой или фонологической системой. Главное различие между звуками разных языков как раз и заключается не в том, насколько эти звуки внешне похожи или непохожи друг на друга, а в том, в каких взаимоотношениях они находятся. В русском языке все согласные делятся на твердые и мягкие, а в английском, французском, немецком языках такого противопоставления нет. И русский в процессе речи бессознательно контролирует себя, чтобы не сказать, допустим, СТОЛЬ вместо СТОЛ — получится другое слово; а англичанин может сколько угодно смягчать свое Л — от этого английское слово будет странно звучать для уха англичанина, но в смысле слова ничего не изменится.

Пример того, как связаны единицы друг с другом в потоке речи, — правила строения слова. Скажем, слог вроде ВСПЯТЬ, в русском языке не такой уж необычный, совершенно невозможен в некоторых других языках.

В полинезийских языках островов Океании невозможен потому, что там вообще не бывает слогов, оканчивающихся на согласный: город ГО-НО-ЛУ-ЛУ, острова ТУ-А-МО-ТУ.

Во вьетнамском языке — потому, что слог в этом языке никогда не начинается с нескольких согласных и не может кончаться ни на один согласный, кроме носовых: Ли Тоанг Тханг.

Можно считать, что большие единицы — слова — построены из меньших — звуков. Вся эта «постройка» состоит из последовательных «этажей»: из звуков складываются грамматические единицы (корни, суффиксы, окончания); из них, в свою очередь, строится слово; из слов предложения. Такие «этажи» в лингвистике называют уровнями языка: уровень звуков, уровень слов и т. д.

И в зависимости от того, какой уровень языка мы изучаем, лингвистика распадается на отдельные дисциплины, или отрасли.

Перечисление этих составных частей лингвистической науки лучше всего начать с фонетики, которая изучает звуки. Нередко говорят о двух самостоятельных областях: фонетике и фонологии. Фонетика занимается тем, что изучает, каковы звуки языка, не обращая внимания на их взаимоотношения в системе языка. А фонология как раз интересуется прежде всего системой звуков. Один и тот же звук каждая из этих двух дисциплин рассматривает с разных сторон. Скажем, последний звук в слове **столб** для фонетиста ничем не отличается от последнего звука в слове **поп.** А фонолог увидит здесь две разные единицы: для него Б в слове **столб** — это так называемый позиционный вариант звука, или фонемы, Б, которая ясно слышится в форме родительного падежа **— столба.**

Следующий «этаж» — грамматические единицы — изучается

грамматикой. Она, в свою очередь, распадается на словообразование, которое изучает, из каких грамматических единиц составлено слово, морфологию и синтаксис.

Значения слов и словосочетаний изучает семантика, или семасиология. А взаимоотношения различных слов внутри языка изучаются лексикологией. Наконец, особая область, называемая стилистикой, занимается тем, какие слова и конструкции принято употреблять в различных условиях общения: например, на собрании человек, выступая, использует больше книжных слов, чем во время разговора в коридоре, даже если разговор происходит на ту же тему.

Чтобы наука смогла ответить на вопрос, как группируются языки мира по своим родственным связям, какие группы, или семьи, языков существуют на земном шаре, ей надо было сначала понять, что такое родственные языки и каким способом можно узнать, родственны они или нет. Этим занимается лингвистическая дисциплина, называемая сравнительно-историческим языкознанием. Она разработала особый точный метод, называемый сравнительно-историческим. Применяя этот метод к различным языкам, удалось, в частности, установить, что очень многие языки, казалось бы, мало похожие друг на друга, связаны общностью происхождения от одного и того же древнейшего языка и, значит, родственны. Их объединяют в так называемые семьи. Таких семей сейчас обнаружено несколько десятков.

Лингвистика занимается и историей того или иного отдельного языка, прослеживая, как он развивался от своего первоначального состояния (например, древнерусского языка) до современного (скажем, нашего с вами современного русского языка). Особая ее отрасль, называемая диалектологией, изучает территориальные разновидности языка (например, в одной части нашей страны говорят по-русски окая («в**о**да»), а в другой — акают («в**а**да»).

В последнее время появилась масса новых отраслей лингвистической науки. Это не удивительно. Сейчас происходит общий процесс сближения наук, ранее считавшихся различными; появляются пограничные науки: астробиология, физическая химия, биохимия и т. д. Тот же процесс породил такие направления, или области, в современной науке о языке, как математическая лингвистика — она занимается исследованием языка математическими методами; социолингвистика, изучающая, как отражается в языке социальная структура общества, и другие аналогичные вопросы; психолингвистика — она интересуется тем, какие единицы языка имеют свои

параллели в деятельности коры головного мозга, результатом которой является речь. А совсем недавно появились первые работы по космической лингвистике, где изучается вопрос о том, как мы сможем прочитать и расшифровать сообщения, переданные нам с других планетных систем представителями иных, чуждых нашей цивилизаций.

Как видите, в лингвистике есть чем заняться. Это наука сложная, интересная. Предмет ее исследований — язык — стоит в центре многих проблем, связанных с жизнью и деятельностью человека в обществе. Ведь, как известно, именно труд и язык сделали человека человеком.

И такая отвлеченная и на первый взгляд ненужная наука, как лингвистика, на самом деле неизмеримо важна. Она помогает нам понять законы жизни и развития человечества.

Языки мира

Языковые семьи

«Языковая семья», «семья языков» — это совсем не метафора, выдуманная нами для занимательности. Специалисты-языковеды употребляют этот термин вполне серьезно. Так же серьезно они говорят о том, что один язык родствен или не родствен другому. А один известный лингвист, — правда, наполовину в шутку, — говорил даже о языках, которые находятся между собой не в родстве, а в «свойстве», как родители мужа с родителями жены.

Из каких же «родственников» состоят эти «семьи» и какое родство их связывает? Казалось бы, довольно трудно установить, какие из языков родственны, какие нет, какие более «близкие родственники», какие «седьмая вода на киселе». Любому внимательному человеку ясно, что сходство в словарном составе, например, еще ничего не говорит о родстве: оно может быть результатом простого заимствования.

Вместе с животными, растениями, продуктами и различными предметами, перевозимыми с одного континента на другой, путешествуют и их названия; вместе с идеями, распространяемыми но земному шару, распространяются и связанные с ними слова. В русском языке есть слова, взятые из языков Австралии **(динго, кенгуру, бумеранг),** Африки **(кофе, тамтам),** Америки **(вигвам, томат, лама).** Но это совсем не означает, что русский язык — родственник, скажем, австралийским языкам. Языковедческая наука давно выработала строгий метод, позволяющий с почти математической точностью установить степень родства и сам факт этого родства, — так называемый сравнительно-исторический метод.

Родственными лингвисты называют такие языки, которые восходят к одному языку-предку. До того, как появились отдельные славянские народности: русские, поляки, чехи, болгары — и отдельные языки: русский, польский, чешский, болгарский, — существовала одна народность, говорившая на общеславянском языке. В этом языке были, как и в любом другом, диалекты, несколько отличавшиеся друг от друга. Затем, когда различные группы славян расселились по разным местам Европы, разница между этими диалектами становилась все больше и больше, пока они не разошлись настолько, что стали самостоятельными языками. Общеславянский язык существовал 1,5–2 тысячи лет назад, а вот, скажем, общеполинезийский

распался совсем недавно — лет 500 тому назад, и возникшие из него языки туземцев Океании (гавайский, самоа, маори) еще очень похожи друг на друга: гаваец хотя и с трудом, но может понять самоанца.

Почему же мы с полной уверенностью утверждаем, что славянские языки родственны друг другу? Потому, что мы знаем правила, по которым, взяв русское слово, можем точно сказать, как оно должно звучать в польском или чешском языке (если, конечно, соответствующее слово в этих языках сохранилось). Например, все незаимствованные русские слова, в которых имеется сочетание **— оро-,** имеют в польском **— го-,** а в чешском **— га-: город** — польск. grodzic («град- жич») — загораживать, чешек, hrad («град»); **корова** — польск. krowa («крова»), чешек, krawa («крава»). Там, где русский произнесет **ре, ри,** поляк обязательно скажет rze, rzy **(же, жи): море** — morze («може), **гриб** — grzyb («гжиб»); почти всякому д или **т** в русском слове (за редкими, хорошо известными исключениями) будут соответствовать в польском слове d и t, но смягченным русским **дь** и **ть** в польском языке отвечают совсем другие звуки — c (мягкое **ц** или **ч)** и **dz** (мягкое «дзь»): **тетя** — ciocia («чоча»), **гость —** gosc («гошчь»), **дикий** — dziki («дзикий»), **медь** — miedz («медзь»).

Таким образом, если сходные по значению слова в разных языках связаны строгими правилами «фонетического перевода», эти языки родственны. Можно восстановить даже то, как звучали слова в языке-основе, в нашем случае — в общеславянском. Вот как рассуждал, например, известный русский лингвист А. Х.

Востоков. Некоторым русским словам со звуком **у (зуб)** в старославянском (мертвый ныне язык IX–XI вв.) соответствуют слова, в которых на месте **у** писалась буква **ж** («юс большой»): **зжбъ.** Как она могла читаться? А. Х. Востоков сравнил, как те же слова звучат в других славянских языках. Оказалось, что в польском все эти слова пишутся с **о** носовым, т. е. z p Ь. В македонском языке, который из современных славянских языков ближе всего стоит к старославянскому, произносится сочетание «гласный + носовой согласный»: **зомб.** Потому он выдвинул предположение, что старославянский «юс большой» произносился как **о** носовое и что именно такое произношение было свойственно общеславянскому языку, из которого развились все современные славянские языки.

Славянские языки — это языки близкородственные (впрочем, внутри них можно найти еще более тесно сплоченные языковые ячейки: русский, украинский и белорусский языки ближе друг к другу, чем к польскому или чешскому, а эти два, в свою очередь, ближе друг к другу, чем к русскому или сербскому языку). Следующая степень родства связывает их с балтийскими языками — литовским и латышским. И общеславянский и общебалтийский языки, вероятно, возникли из единого — общебалтославянского.

Более дальними родственниками славянских языков являются другие языки, причисляемые — вместе со славянскими — к индоевропейской языковой семье. Сюда относятся германские языки, романские, греческий, армянский, албанский, иранские (например, персидский, таджикский, осетинский), индийские (например, хинди, бенгальский) и т. д. Таким образом, если считать общеславянский язык языком-отцом, то русский язык находится с немецким в троюродном родстве. Не мудрено, что они так мало похожи друг на друга! Но и здесь есть строгие законы, доказывающие их родство. Если взять, например, древнеиндийское слово bhratar[1] и проследить, как звучит то же слово в других индоевропейских языках: древнегреч. frater, лат. frater, древненем. bruoder, старослав. братъ, — то можно написать такую «формулу»: древнеинд. bh = древнегреч. f = лат. f = древненем. b = слав. б. Проверим эту формулу: возьмем другое древнеиндийское слово на bh, например глагол bharami — «несу»: древнегреч. fero, лат. fero, готское[2] baira, слав, бером[3]. Наша формула «сработала». Попытаемся еще раз: древнеинд. nabhas (облако), древнегреч. nefos, слав. небо, но почему-то латинское nebula (туман), древнесаксонское[4] newal (облако).

Почему? Обратите внимание на одну тонкость: в словах **брат** и **несу** согласный bh(f) стоит в начале слова, перед гласным или согласным. А в словах **облако, небо** тот же звук стоит в середине

слова между двумя гласными. Значит, важно не только то, какой звук мы имеем, но и то, в какой позиции, в каком положении он стоит.

Существуют целые толстенные тома, где эти правила изложены со всеми тонкостями (а их гораздо больше, чем можно подумать!). В заглавии таких томов обязательно встречаются слова «сравнительная грамматика», а далее указывается, какие языки мы сравниваем.

У читателя может возникнуть недоумение. Понятно, что носители будущих славянских языков когда-то вполне могли жить очень близко друг от друга — ведь и сейчас они не так уж далеки. Но как-то трудно поверить, что предки нынешних жителей севера Европы — датчан, шведов, норвежцев — были некогда соседями будущих индусов. Что заставило их разойтись в разные концы света, а их языки — стать такими непохожими?

Ответить на этот вопрос точно мы не можем. Но у нас нет никакого сомнения в том, что дело было именно так. Сравнивая различные индоевропейские языки и устанавливая, какие слова общи для всех них, можно примерно представить себе словарный состав общеиндоевропейского языка, узнать, названия каких природных явлений, растений, животных в нем были, т. е. какая природа окружала индоевропейцев в ту пору. Оказалось, что это природа, соответствующая в общих чертах условиям центральной Европы.

Прослеживая сходства и несходства в языках, узнавая, какие слова заимствовались из других языков в индоевропейские и из индоевропейских в другие языки, можно судить о том, что было с индоевропейцами дальше. Вот два примера. У армянского языка есть черты, объединяющие его с языками Балканского полуострова; наверное, какую-то часть исторического пути армяне шли вместе с греками и албанцами. В текстах на языке древнего государства Митанни (в районе теперешней Сирии) есть слова, очень похожие на слова древнеиндийского языка. Все они связаны с коневодством. Ученые предполагают, что будущие индийцы проходили «мимо» Митанни и что от них митаннийцы впервые узнали о лошадях и научились коневодству.

До сих пор неизвестно, есть ли у индоевропейских языков еще более далекие «родственники». Неоднократно пытались, например, доказать родство индоевропейских языков с семитскими (ассиро-вавилонский, арабский, древнееврейский, эфиопский), но без особого успеха: еще не удалось найти правил закономерного звукового соответствия, которым подчинялись бы если не все, то по крайней мере основная масса слов этих языков.

В некоторых случаях среди ученых нет единства: одни

объединяют языки так, а другие — несколько иначе. Это бывает тогда, когда до нас не дошли сведения об истории данного языка и нам трудно восстановить язык-основу. Вы, конечно, обратили внимание, что индоевропейские примеры взяты сплошь из древних языков: современные испытали слишком много различных влияний, и непосредственно сопоставлять их очень сложно. А вот, например, история вьетнамского языка нам совершенно неизвестна — остается только догадываться, как звучали вьетнамские слова четыреста, пятьсот, тысячу лет тому назад. Поэтому взаимоотношение его с китайским (и тибетским: эти два языка явно родственны, — впрочем, мы знаем их и в древнейшем состоянии!) и бирманским языками не совсем ясно. То же относится и к языкам Западной Африки, индейским языкам Америки.

Есть, правда, и такие языки, родственные связи которых, несмотря на все усилия, не удается установить. Сюда относятся баскский, японский, корейский языки, а в нашей стране — язык нивхов, или гиляков, на Сахалине, кетский язык в среднем течении Енисея и некоторые другие.

Очень сложно обстоит дело с языками Кавказа. Известно только, что все кавказские языки[5] распадаются на четыре группы. Абхазский родствен адыгейскому и кабардинскому, чеченский — ингушскому, аварский — лакскому, лезгинскому и другим языкам Дагестана, грузинский — сванскому, мегрельскому, чанскому. Но вот родственники ли, скажем, абхазский и грузинский языки или только «соседи» и «близкие знакомые» — сказать трудно.

То же относится к палеоазиатским, т. е. древнеазиатским, языкам. Их условно, «в кредит», объединяют в одну группу, но никто не доказал, что чукотский язык родствен юкагирскому или языку нивхов на Сахалине. Правда, доказано родство чукотского с языками Камчатки.

Классификация языков по родству называется в науке генетической или генеалогической. Есть и другая классификация — морфологическая, или типологическая, для которой неважно родственны языки друг другу или нет.

Карта языков мира

И все же лингвистам удалось классифицировать большую часть языков мира, распределив их по семьям и группам. Расскажем о важнейших группировках языков. Понятия «семья» и «группа» языков не общеприняты: часто их употребляют вперемешку. Иногда группы называют ветвями. В последнее

время вместо, например, индоевропейская или афразийская семья пишут просто индоевропейские языки, афразийские языки и т. д.

Индоевропейские языки — 2,5 млрд. человек, около 40 % всего населения мира.

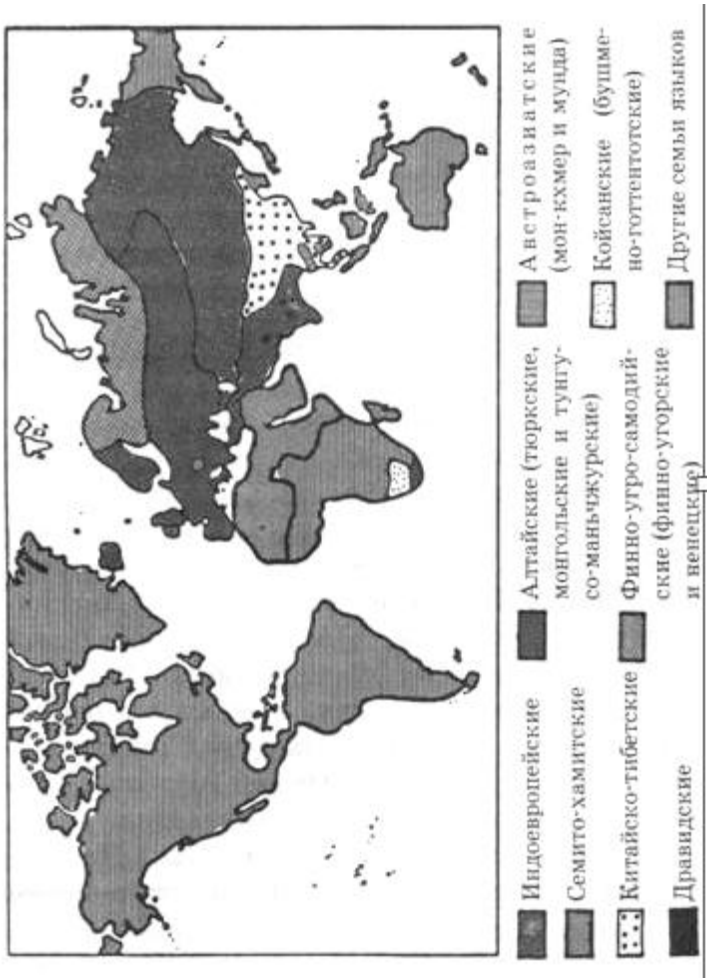
Славянская группа (400 млн. человек) делится на три подгруппы: восточнославянскую (русский, украинский, белорусский языки), западнославянскую (польский, чешский, словацкий и лужицкий языки) и южнославянскую (словенский, сербохорватский, македонский и болгарский языки). На языках этой группы говорит более 3/4 населения СНГ и основная часть населения Польши, Чехии, Словакии, Болгарии

и бывшей Югославии.

К славянским языкам во многих отношениях близки балтийские, или лето-литовские языки (6,2 млн. человек) — латышский и литовский.

Германская группа (550 млн. человек). Сюда относится большая часть языков Западной Европы: скандинавские языки (датский, шведский, норвежский, исландский), английский, голландский, немецкий и ряд других языков. По-английски говорят свыше 322 млн. человек не только в Англии, но и в США, Канаде, ЮАР, Австралии, Новой Зеландии и т. д.; по-немецки (свыше 110 млн. человек), кроме Германии, говорят в Австрии и Швейцарии. И только один язык германской группы распространен в Южной Африке — это бурский язык переселенцев из Голландии.

Кельтская группа (2,6 млн. человек). На языках этой группы говорят в Ирландии, а также во Франции, на полуострове Бретань (бретонский язык) и в Великобритании — в Шотландии (гэльский язык) и в Уэльсе (валлийский язык). Из мертвых языков сюда относится язык древних галлов, живших на территории современной Франции.



Романская группа (более 1 млрд. человек) французский, испанский (на нем говорит кроме испанцев большая часть населения Латинской Америки), итальянский, румынский, португальский (португальцы и бразильцы) языки. Кроме того, к романским языкам относятся: провансальский (язык Южной Франции, ныне частично вытесненный французским), сардинский (остров Сардиния), каталанский (Восточная Испания), молдавский.

Индийская (индоарийская) группа. Это одна из самых больших (по количеству говорящих) групп языков: на индийских языках говорят 570 млн. человек. Сюда относится большая часть языков Северной и Центральной Индии, Пакистана и Бангладеш, в том числе хиндустани (он имеет две литературные формы: хинди — распространенную в Индии и УРДУ — государственный и литературный язык Пакистана), бенгальский, маратхи, пенджаби и др. На языках этой группы говорят цыгане, которые

переселились в Европу из Индии в V–X вв. н. э. Из числа мертвых языков назовем уже знакомый нам древнеиндийский язык — санскрит, на котором написана знаменитая древнеиндийская эпическая поэма «Махабхарата».

Иранская группа (60 млн. человек). На языках этой группы говорят, как ясно из ее названия, в Иране (персидский язык), а также в Афганистане (афганский, или пушту, и язык фарси-кабули). Некоторые языки иранской группы распространены в России и других странах СНГ (таджикский, осетинский, курдский и др.).

Среди иранских языков есть мертвые, в частности язык скифов — древних жителей Северного Причерноморья, язык древнего Хорезма.

Кроме перечисленных языковых групп к индоевропейским языкам относятся отдельные языки — греческий (15 млн. человек), албанский (6,0 млн. человек), армянский (8–9 млн. человек), вымершие хеттские языки (в Малой Азии) и тохарские (в Центральной Азии).

Афразийские (семито-хамитские) языки — более 300 млн. человек. К этой семье относится большинство мертвых языков древнего Ближнего Востока: ассиро-вавилонский, древнееврейский, финикийский и др. А из живых к семитским языкам причисляются, в частности, арабский (свыше 260 млн. человек) и амхарский (25 млн. человек), — государственный и литературный язык Эфиопии. Хамитская группа включает ряд языков Северной Африки (берберские, кушитские) и ныне вымерший древнеегипетский язык. Наконец, сюда же относится язык хауса, на котором говорят свыше 24 млн. человек в странах Центральной Африки, и другие чадские языки (от названия озера Чад).

Баскский язык — 1 млн. человек. На нем говорят жители Западных Пиренеев, на территории Испании и Франции, у берегов Бискайского залива. Некоторые лингвисты связывают баскский язык с кавказскими, но их родство не доказано.

Кавказские языки — 11 млн. человек. Они распространены на территории России и других стран СНГ.

Язык бурушаски, или вершикский. На этом языке, родственные связи которого тоже неизвестны, говорят около 50 тыс. человек, живущих на самом севере Индии, в горах Каракорума, на стыке границ Таджикистана, КНР и Афганистана.

Следующая группа языков распространена на севере материка Евразия. Это **финно-угорские языки** — 23 млн. человек. Кроме языков РФ (коми, мордовского, марийского, удмуртского и др.) и эстонского, сюда относятся венгерский и

финский.

Самодийские языки — 0,03 млн. человек — ненецкий, селькупский и др. — часто объединяются с финно-угорскими в уральскую семью языков.

Тюркские языки — 157 млн. человек. Кроме языков СНГ (азербайджанского, туркменского, узбекского, казахского и многих других) сюда относится турецкий.

Монгольские языки — 7 млн. человек. Это бурятский, калмыцкий языки, а за пределами России — монгольский.

Тунгусо-маньчжурские языки — 3,5 млн. человек. Это маньчжурский язык и некоторые языки народов Восточной Сибири — эвенкийский, нанайский и др.

Корейский язык — 78 млн. человек. Тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, а в некоторых случаях и корейский язык объединяются под названием алтайских языков.

Изолированные языки Северной Азии, или **палеоазиатские языки** — 0,1 млн. человек. Под этим названием объединяются языки крайнего северо-востока нашей страны — чукотский, корякский, ительменский и юкагирский, а также язык нивхов на Сахалине и язык кетов в среднем течении Енисея. Впрочем, язык кетов иногда выделяется особо.

Айнский язык. На нем говорят древнейшие жители Японских островов — около 20 тыс. человек.

Эскимосско-алеутские языки — 85 тыс. человек. По-эскимосски говорят на Крайнем Севере западного полушария — от нашей Чукотки до Гренландии. Алеутский язык распространен на Алеутских (США) и Командорских (РФ) островах.

В Африке, к югу от Сахары, распространены языки, которые объединяют в три крупные семьи, или ствола, — **конго-кордофанские, суданские и койсанские.**

Основную часть Тропической и Южной Африки, а также Западного и Центрального Судана заселяют многочисленные народы **конго-кордофанской** семьи — 185 млн. человек. В ее состав входят группы: бенуа-нигер (включающей языки банту и восточно-бантоидные), атлантическая, мандинго, гур, ква, иджо, адамуи и кордофанская.

Суданские, или нило-сахарские, языки (11 млн. человек) распространены в Центральном и Восточном Судане и в бассейне Верхнего Нила. В их состав входят языки сонгаи, сахарские, маба, фур, шари-нильские (нилотские) и кома.

В Южной Африке (главным образом в ее юго-западной части) кроме банту обитают народы, относящиеся к **койсанской языковой семье** (0,37 млн. человек), — бушмены, готтентоты, горные даммара, сандаве и хатса. В прошлом они занимали

огромную территорию в Южной Африке, но в XVIII–XIX вв. были в значительной степени истреблены европейскими колонизаторами, а остатки их загнаны в центральные области пустыни Калахари.

Сино-тибетские языки — более 1,2 млрд. человек. Сюда относятся прежде всего китайский язык (число говорящих более 1 млрд.), а также языки тибето-бирманской группы (тибетский, бирманский, каренский и др.) — 50 млн. человек.

Австроазиатские языки — 90 млн. человек. Языки, на которых говорит большинство населения Южной Индии. Они не родственны другим индийским (индоарийским) языкам.

Австронезийские (малайско-полинезийские) языки — 300 млн. человек. Сюда относится индонезийский язык и большинство других языков Индонезии и Филиппинских островов, а также языки островитян Океании — гавайский, Самоа, маори (полинезийские), Соломоновых островов (меланезийские).

Андаманские языки. Совершенно изолированная группа языков, на которых говорят несколько сотен человек, живущих на Андаманских островах у берегов Индостана.

Папуасские языки — 4,6 млн. человек — языки коренного населения Новой Гвинеи. Известно о папуасских языках очень мало. Некоторые из них впервые описал Н. Н. Миклухо-Маклай.

Языки исконного населения Австралии — около 70 тыс. человек. На них говорили коренные жители Австралии и Тасмании (тасманийцы истреблены европейскими колонизаторами). О языках Австралии науке известно очень мало, не доказано даже их родство.

Языки индейцев Америки — около 30 млн. человек. Их родственные связи мало известны.

Во всяком случае, индейских языков в Америке не меньше 296, а может быть, и много больше. Упомянем среди них ацтекский (Мексика), язык майя (Центральная Америка), язык ботокудов (Бразилия, его исследовал в 10-х годах XX в русский ученый Г. Г. Манизер), восходящий к языку древних инков кечуа (на нем говорят в Боливии, Эквадоре и Перу).

Мы не говорили здесь о многих вымерших языках Европы и Азии, чьи родственные связи неизвестны. Естественно, они не отражены и на нашей карте. Упомянем о некоторых из них, двигаясь с запада на восток. На Канарских островах еще не так давно говорили на языке гуанчей, но сейчас все гуанчи вымерли. В древней Италии еще до римлян жили этруски; мы знаем этрусский алфавит и можем даже прочитать этрусские надписи вслух, но понять их невозможно. В Малой Азии сохранились памятники хаттского языка. На территории Армении много веков

назад располагалось государство Урарту. Язык урартцев известен, но найти его родственные связи пока не удалось. Таким же изолированным пока остается шумерский язык в древнем Двуречье.

Языки идут друг другу навстречу

До сих пор мы говорили о родстве языков и при этом исходили из того, что они всегда развиваются в одном направлении: от меньшего числа языков к большему, от праязыка к дочерним языкам. На самом деле все гораздо сложнее. Языки могут не только расходиться; не реже они идут друг другу навстречу.

Случается так, что народ, говоривший раньше на своем языке, постепенно переходит на новый язык. Это самый простой из случаев, когда один язык как бы поглощает другой. Таких примеров в истории любого языка множество. Например, среди русского, украинского и белорусского народов когда-то жило много небольших народностей, говоривших на своих языках: мурома, чудь, торки, черные клобуки. Смешиваясь со славянами, они постепенно стали двуязычными, т. е. начали говорить одинаково хорошо, например, и по-торкски и по-русски (при этом по-торкски они говорили только друг с другом). Живя среди русских, дети, а тем более внуки двуязычных торков забывали родной язык и, как все кругом, говорили уже только по-русски.

Часто бывает, что языки при взаимодействии просто смешиваются друг с другом. Наука о языке знает три этапа такого смешения. Приведем примеры каждого из них.

Носители индийских языков пришли в Индию откуда-то с северо-запада. И когда они осели на теперешней территории, то, естественно, вступили в общение с расселенными здесь прежде дравидскими племенами. Индоевропейцы были если не более цивилизованным, то более сплоченным в политическом и культурном отношении народом, чем дравиды, и они не потеряли своего языка и не растворились в массе дравидов.

Находясь с ними в постоянном контакте, они невольно приспосабливали свой язык к пониманию дравидов. Например, несколько праиндоевропейских гласных звуков в древнеиндийском языке (санскрите) слилось в один гласный **а**. Поэтому санскритские тексты буквально кишат гласными **а** — рассказ о Нале и Дамаянти в поэме «Махабхарата» (посмотрите, сколько а даже в этом слове!) начинается словами: «Асид раджа Нало нама, Вирасена суто бали» — «Жил царь по имени Наль, храбрый сын Вирасены»; на 16 гласных здесь приходится 9 **а**.

Это явление понять нетрудно, если взять любой, даже современный дравидский текст, например, на тамильском языке: «Нари атика турам алаинтатал атаркук катум пачи унтайирру» — «Так как лисица бегала очень далеко, она сильно проголодалась». Здесь на 23 гласных 13 а — больше половины, **а** остальные — гласные **и** и **у**, которые как раз сохранились и в древнеиндийском языке.

По-видимому, древнеиндийский язык подвергся влиянию дравидских: он, как говорят в языкознании, развивался на **субстрате** (буквально — «подслое») дравидских языков.

А вот другой тип взаимодействия языков. В русской речи жителей городов и деревень, близких к границе Украины, Белоруссии или другой страны, то и дело проскальзывают слова, выражения, интонации соседнего языка, который они постоянно слышат и которым обычно владеют. В подобных случаях языковеды говорят об **адстрате** (буквально — «сослое», «прислое»).

И, наконец, третий тип. Он возникает в тех случаях, когда тот или иной народ, подчинив себе другой народ и передав ему полностью или частично свой язык, сам в силу исторических причин не смог удержаться как самостоятельное целое и исчез с лица земли. Например, современный английский язык возник в результате смешения двух языков — англосаксонского и норманского (диалект французского). Их взаимоотношение исторически верно охарактеризовано в романе Вальтера Скотта «Айвенго». Норманские завоеватели не смогли вытеснить, уничтожить «грубый», «мужицкий» англосаксонский язык;

наоборот, не прошло и трех-четырех веков, как никто в Англии уже не говорил по-нормански, т. е. по-французски. А англосаксонский же язык за это время испытал серьезное влияние французского, в нем появилось много французских слов, сильно упростилась грамматика, изменилась фонетика. Французский язык норманнов послужил **суперстратом** («надслоем») для англосаксонского.

При смешении одного языка с другим обычно происходит упрощение его грамматики. Это упрощение особенно заметно в тех случаях, когда мы имеем дело не с настоящим языком, а с жаргоном, возникшим как вспомогательное средство при общении народов, каждый из которых говорит на своем собственном языке. Впрочем, такие жаргоны иногда становятся единственным языком той или иной народности.

В Индийском океане есть остров Маврикий. Когда-то французские колонизаторы владели там плантациями и для работы на них ввозили из Африки рабов-негров. Эти негры принадлежали к разным народам и говорили на разных языках. Согнанные на небольшой остров и вынужденные работать бок о бок, они старались понять друг друга. Естественно, что средством взаимопонимания послужил французский язык, на котором обращались к рабам белые хозяева. Но рабы вполне обходились ломаным французским языком. И произошла интересная вещь: французский язык развился на острове Маврикий в особый, креольский язык, как бы упрощенный вариант французского. Например, во французском языке существует четыре отдельных местоимения 1-го лица единственного числа: moi, когда нужно сказать «именно я» или употребить «я» в косвенном падеже (donnez-moi quelque chose — «дайте мне что-то»); je — при глаголе (je vous aime — «я вас люблю»); me — в косвенном падеже (il me disait — «он мне сказал»); наконец, притяжательное местоимение mon (ma) изменяющееся по родам в зависимости от рода определяемого существительного (mon pere, ma mere — «мой отец, моя мать»). В креольском языке острова Маврикий все эти формы слились в одной — mo. Там говорят mo manze — «я ем», хотя житель Франции сказал бы je mange («же манж») или moi, je mange («муа, же манж», т. е. «я-то ем» или «что касается меня, то я ем»); по-французски следует сказать «я болен» так: je suis malade («же сюи малад» — «я есть больной»), а на острове Маврикий скажут mo malade («мо малад»).

Наконец, упомянем еще об одной форме схождения языков. Это так называемые языковые союзы, когда несколько неродственных или отдаленно родственных языков, развиваясь в близком контакте, начинают приобретать сходные черты. Так

получилось, например, на Балканском полуострове. Там соседствуют четыре индоевропейских языка, принадлежащие, однако, к разным группам: румынский (романская группа), болгарский (славянская группа), греческий, албанский. И вот у всех этих языков, как оказалось, стали возникать одни и те же особенности, не существующие в других, родственных им языках за пределами Балкан. Например, артикль, который в других языках стоит перед именем (нем. **die** Sprache, франц. **la** langue — «язык»), в балканских языках стоит после имени: болг. език**ът**, рум. limba**jul**.

Языки подают друг другу руки

Часто языки, которые друг с другом не смешивались и вообще никогда в непосредственном контакте не были, все равно влияли и влияют друг на друга. Только такое влияние выступает здесь в форме заимствований.

Заимствования — это слова и выражения, перенесенные из одного языка в другой и преобразованные в этом языке по его законам (фонетическим, грамматическим). Это очень важная оговорка: мы можем просто вставить в свою речь иностранное слово, и это не будет заимствованием. В разных языках количество заимствований разное. Например, в персидском и языке урду масса арабских слов. В других языках заимствований меньше, например в русском, немецком, французском. Есть языки — чешский, китайский, венгерский, — которые всячески сопротивляются введению иноязычных слов и стремятся образовать для новых понятий новые слова и выражения своими средствами. Но нет и не может быть языка, в котором совсем не было бы заимствований, потому что нельзя отгородить один народ от другого и искусственно прекратить их культурное, научное, торговое общение.

Заимствования бывают разных видов. Чаще всего заимствуется то или иное слово. Обычно это происходит вместе с проникновением соответствующего предмета или усвоением нового понятия. Так, слово **спутник** заимствовали многие европейские языки из русского после запуска первого советского искусственного спутника Земли. С другой стороны, такие слова, как **шоколад, чай, кофе, какао**, названия различных южных напитков, пряностей попали в языки народов Европы, в том числе и в русский, из различных языков Азии, Африки, Америки вместе с теми кушаньями и напитками, которые они обозначают. Некоторые обычные, казалось бы, слова на самом деле преодолели много десятков тысяч километров, прежде чем войти

в русский язык. Например, слово **томат** пришло из Южной Америки. Кстати, оно по дороге приобрело двойника: в Италии овощ, обозначенный этим словом, назвали несколько по-другому — pomo d'oro — «золотое яблоко». Отсюда русское слово **помидор.**

Заимствования проникают в язык обычно двумя путями. Один из них — передача, так сказать, из уст в уста, причем услышавший слово иногда не очень точно его воспроизводит. Так вошли в русский язык из немецкого слова **противень** («братпфанне»), **шумовка** («шаумлоффель»), **струбцинка** («шраубцвинге»), **домкрат** («даумкрафт»). Другой путь заимствования — книжный. Так передавались философские и общественно-политические термины.

Кроме простых заимствований встречаются еще и так называемые кальки — это слова или выражения, созданные по образцу иностранных, но с помощью средств родного языка. Например, **падеж** — это слово так же образовано от глагола **падать,** как в латинском языке слово casus — «падеж» образовано от глагола cadere. Дело в том, что древние грамматисты считали, что слово в косвенных падежах как бы «отпадает», отклоняется от основной формы. Многие кальки образованы путем педантичного перевода иностранных слов по частям. Так возникло в XVIII в. слово **впечатление** при переводе по частям французского слова impression. В этом слове im- приставка, которая переводится как **в-,** — press- корень, обозначающий **печать,** а — ion — суффикс, переведенный русским суффиксом **— ение.** Получилось слово **впечатление** — как бы точный снимок, копия французского слова, сделанная на прозрачной бумаге. Поэтому такие слова и

названы кальками.

Спрашивай — отвечаем

Сравните на карте мира названия рек, гор, городов в разных странах.

Легко можно заметить, что на Чукотке, Аляске, в Северной Канаде и Гренландии часты длинные, тяжеловесные названия, в которых то и дело встречаются скопления гласных: Араканчечен, Митлетукерук, Микисагиннут, Пангниртунг, Ангмагсалик, Канчердлугсуак… В Центральной и Южной Африке названия не такие длинные и легче произносятся, причем большинство из них начинается либо на **у**, либо на **ка**, **ки**, **лу (ло):** Каумбура, Каматанда, Кирунду, Луньяна… Что же касается Китая, Вьетнама, Лаоса, Бирмы, то там все географические названия как будто сложены из кубиков: Наньчен, Гуйпин, Гуйян, Аньян, Аньцин.

Даже не зная, что они означают, легко догадаться, что в них отразились какие-то особенности языка местного населения.

О них мы теперь и поговорим.

Араканчечен, Митлетукерук, Микисагиннут, Пангниртунг...
Каумбура, Каматанда, Кирунду, Луньяна...
Наньчен, Гуйпин, Гуйян, Аньян...

До сих пор мы занимались родословной различных языков и тем, как эту родословную установить.

Если мы хотим построить роту по росту в одну шеренгу, нам совершенно неинтересно, из какой губернии родом каждый солдат. Это высказывание принадлежит поэту Виктору Хлебникову.

А в языкознании есть очень много задач, для решения которых языки необходимо построить вот так — «в одну шеренгу». Приведем только один пример: чтобы создать правильную методику обучения, скажем, русских английскому языку (или узбеков румынскому, или грузин бенгальскому), надо сопоставить строение этих языков — их фонетику, грамматику, систему значений — безотносительно к тому, родственны они или нет, — просто по внешним признакам.

Правда, в одну шеренгу языки не построишь. Конечно, можно взять только один-единственный признак, — скажем, количество звуков в языке — и все языки расположить соответственно этому признаку. Но тогда у нас окажутся соседями языки, друг на друга во всех остальных отношениях совсем не похожие. По-видимому, необходимо учитывать не один, а сразу несколько признаков.

Какие это должны быть признаки? В том-то и заключается важнейшая задача лингвистической типологии, чтобы эти признаки найти и расклассифицировать все языки мира наиболее удобным и правильным образом.

Пока что эта задача остается не решенной до конца. Впрочем, она и не будет никогда до конца решена, так как для разных надобностей нам придется «задавать» языкам разные «вопросы».

Мы не случайно выразились так. Ведь когда мы стремимся расклассифицировать языки по их внешним признакам, по особенностям их строя, не обращая внимания на их генетические связи, то вся эта процедура очень напоминает заполнение анкеты.

Первыми додумались до такой классификации (она называется в языкознании типологической или морфологической) братья **Шлегель** — Фридрих и в особенности Август. Они «спросили» у различных языков, есть ли в них грамматические аффиксы приставки, суффиксы, окончания. Ответы оказались разные, хотя большинство языков «ответило», что есть. Второй вопрос, заданный А. Шлегелем, был таков: выражаются ли грамматические значения только при помощи аффиксов («внешняя флексия») или также при помощи «внутренней флексии», т. е. изменения звуков в корне слова? И здесь «ответы» разошлись. Оказалось, что можно разбить все языки на три группы. Языки без аффиксов были названы позднее

изолирующими (иногда их вслед за А. Шлегелем называют также аморфными, т. е. бесформенными). Языки с «внешней флексией» назвали агглютинирующими или агглютинативными (т. е. присоединяющими, приклеивающими)[6]. Наконец, языки с «внутренней флексией» были названы флективными или флектирующими (т. е. сгибающимися)[7].

Август Шлегель задал языкам еще один вопрос: выражаются ли в них грамматические значения с помощью частей самого этого слова или с помощью специальных служебных слов? И в зависимости от ответа выделил в каждом из ранее найденных им типов языков два подтипа — синтетические и аналитические языки.

Окончательный вид классификация Шлегеля приобрела в 1818 г. А уже через четыре года величайший лингвист XIX в., основоположник теоретического языкознания Вильгельм Гумбольдт обнаружил, что есть очень много языков, в которых грамматическое значение может выражаться не в отдельном слове, а сразу в предложении. В таких языках трудно разделить, где кончается слово и начинается предложение. Посудите сами, говорил Гумбольдт. В одном из мексиканских языков фраза «Я ем мясо» переводится одним-единственным словом: **нинакаква**. **Ни-** значит я-, **нака** — ед-, а — **ква** — мяс-. Слово это или уже предложение? А в чукотском и некоторых других языках нашего Севера в такое слово-предложение можно «вгонять» сколько угодно «членов предложения», так что получается что-то вроде «я-болыш-жирн-красив-молод-олень-убивание-произвожу».

В. Гумбольдт предложил выделить такие языки в специальный тип, который был назван инкорпорирующим (включающим) или полисинтетическим (многообъединяющим).

После Гумбольдта эта классификация множество раз уточнялась и видоизменялась. Однако в ней есть недостатки, и очень серьезные: дело в том, что в «биографии» языков оказались весьма существенные «подробности», которые в анкете Шлегеля — Гумбольдта не нашли соответствующих «пунктов». Поэтому эта анкета оказалась весьма приблизительной.

Возьмем изолирующие языки, например китайский. В нем можно употребить в предложении один корень слова без всяких грамматических аффиксов: **«хуа мэй»** — «цветок прекрасен», **«юнь ми»** — «тучи сгустились» (а точнее — **«цвет крас», «туч густ»**). Подчеркнем: можно употребить. Но в китайском языке все-таки есть аффиксы. Например, в предложении **«та ицзин каньла»** — «он уже посмотрел» — нельзя сказать вместо **«каньла»** просто «кань» — «смотр»: здесь обязателен суффикс совершенного вида **— ла,** обозначающий законченность действия. Так что китайский

язык можно сказать, выпадает из той «ячейки», в которую его помещает традиционная типологическая классификация, и «тянется» к агглютинативным языкам.

Но и они ведут себя «недисциплинированно». Обычно говорят, что типичные агглютинативные языки — это тюркские. Например, в казахском языке **«аттыларымга»** означает «моим всадникам»: **ат** — «лошадь» (вернее — «лошад-»), **ты** — «обладающий», **— лар** — суффикс множественного числа, **ым** — «мой», **— га** — суффикс дательного падежа. Но уже и это слово имеет гораздо более сложное строение, которое можно изобразить так: (((ат + ты) + лар) + ым) + га[8]. А если взять менее «типичные» агглютинативные языки, то они никак не укладываются в простую схему, все время «путаясь» то с флективными, то с полисинтетическими языками. Что касается флективных языков, скажем, русского, то в них есть элементы всех трех остальных типов Например, наряду с характерными признаками флективного типа **(счет-считать-сочти; стол-ам; раздел,** но **расписание)** в русском языке есть и элементы изолирующего строя **(Дочь прыг вниз; Мать — ах! Нет, уж все),** и элементы агглютинирующего **(Пойдемте-ка!),** и даже какие-то элементы полисинтетизма. Ну, а о полисинтетических языках и говорить нечего: оказалось, что они совсем не состоят целиком из полисинтетических слов-предложений: наряду с ними в таких языках употребляются предложения, построенные самым обычным образом.

Одним словом, выяснилось, что языки приходится спрашивать еще об очень и очень многих ранее не предусмотренных вещах, прежде чем разложить их по полочкам.

Когда стали выяснять, о чем же их все-таки спрашивать, обнаружилось, что есть такие вопросы, на которые все языки отвечают одинаково— «да» или «нет». Например, нет языков, в которых не было бы по крайней мере одной гласной. Правда, чаще языки «ставят» тому, кто их спрашивает, определенные «условия»: если во мне есть падежи, то на вопрос о том, есть ли числа, я всегда отвечу «да». Такие распространенные во всех языках (или, по крайней мере, в большинстве их) явления называют языковыми универсалиями.

Типологическая классификация — вещь очень полезная в тех случаях, когда для каких-то особых целей мы сравниваем заведомо разные по происхождению языки или когда мы вообще не знаем их происхождения. Но она может оказаться вредной, если вытесняет классификацию генеалогическую или подменяет ее.

Грамматические особенности разных языков

Бросим беглый взгляд на многочисленные средства и способы, с помощью которых говорящие на разных языках строят свою речь.

Начнем со звуковых особенностей различных языков — с фонетики.

Звуки английского, французского, немецкого языков несколько отличаются от звуков русского по способу произношения. Но есть такие языки, звуки которых не имеют даже самой отдаленной параллели в русском языке. У некоторых народов Южной Африки (например, у бушменов) существуют так называемые щелкающие звуки. Они отличаются от других звуков тем, что произносятся не при выдыхании воздуха, а при вдыхании (правда, частичном): в результате получается либо звук, похожий на чмоканье, либо щелчок. В арабском языке существуют гортанные звуки, которых совсем нет в русском языке.

В русском языке 34 согласных звука и 6 гласных. Если взять язык острова Рапануи (Полинезия), то в нем согласных оказывается всего 9 (гласных — 5). Примерно так же обстоит дело в других полинезийских языках. Поэтому на географической карте Тихого океана часты певучие, звучные названия, иногда почти из одних гласных: Тубуаи, Мангаиа, Папеэте, Эиао. А вот в языке абазин (Северный Кавказ) согласных 65, гласных же всего 2 — **а** и **ы.** Еще больше согласных в языке народа саами, живущего на Кольском полуострове: в некоторых диалектах этого языка их число приближается к 100!

Но главное, что отличает в звуковом отношении один язык от другого, — это не состав звуков, а характер их использования, иначе говоря, то, какие различия между звучаниями могут использоваться для различных слов. Например, в русском языке мы можем произнести звук **э** по-разному: как в **тень** (закрыто) и как в **цеп** (открыто); если мы произнесем слово **цеп** — с закрытым **э**, оно будет звучать странно, но останется понятным. Но во французском языке такую операцию безболезненно проделать не удается: если мы заменим открытое э в слове **fait** («фэ») — «сделано» на закрытое, получится совсем другое слово — «фе» («фея»), которое пишется как **fee.**

Существенные различия между языками есть и в их грамматике. Одно и то же значение в разных языках может быть выражено разными грамматическими способами.

Один из них — уже известный нам способ аффиксации, когда используется специальная часть слова (по-люб-ит). Другой способ, особенно распространенный в семитских языках

(например, арабском), — это «внутренняя флексия». По-арабски лексическое значение убивать выражается сочетанием трех согласных **q-t-l** (первый из них — **q** — звучит как гортанное **к**). Между этими согласными, перед ними и после них могут вставляться гласные; и в зависимости от того, какие это гласные и где они вставлены, меняются грамматические значения слова: qata- la — «убил», qutila — «был убит», uqtul — «убивай» и т. д. Примерно то же мы можем найти в английском и немецком языках: англ. I sing — «я пою», но I sang — «я пел», нем. Bruder — «брат», Brüder — «братья» и др.

Еще один способ — это способ повтора. По-индонезийски «человек» — orang (отсюда **орангутан,** т. е. orang-utan — «лесной человек»); «люди» — orang-orang (чтобы сэкономить место, сейчас в Индонезии пишут сокращенно «orang^2»). Способ служебных слов нам с вами хорошо знаком по русскому языку, где он широко используется наряду со способом аффиксации: служебные слова в русском языке — это все предлоги**(в, на…)**, союзы**(и, а…)**, частицы **(же, ли…).**

Очень распространен способ порядка слов. Он играет важную роль и в русском языке: в предложении **Мать любит дочь** только из порядка слов видно, кто кого любит.

Впрочем, не только то, как выражается, но и то, что выражается в языках, неодинаково: одно и то же значение может быть выражено в корне в одном языке (или даже вообще не быть в нем выражено) и в аффиксе в другом. Вот несколько примеров.

По-русски на вопрос **Кто пришел?** и на вопрос **Пришел Иван?** мы ответим одинаково: **Иван пришел.** Разница будет только в интонации или в ударении: мы выделим голосом в первом случае слово **Иван,** во втором — слово **пришел.** В японском же языке при ответе на этот вопрос придется употребить совершенно разные падежи: «Токунага сан-га кимасита» — «(Это именно) господин Токунага пришел» или «Токунага сан-ва кимасита» — «(Да), господин Токунага (действительно) пришел».

В очень многих языках есть так называемое притяжательное склонение. Например, в ненецком языке существует падежная форма «вэнекохоюни'ня», обозначающая «двум собакам, принадлежащим нам двоим». Меланезийские языки в Океании идут еще дальше: в них грамматически выражается, можно или нельзя отделить вещь, о которой говорится, от человека, которому она принадлежит. Например, **твоя одежда** будет звучать nugu mal, так как ее можно отделить от хозяина, но **твоя голова** — ulu-m требует другого суффикса, так как отделить голову от человека нельзя без серьезных последствий.

Прилагательные во многих языках имеют черты глагола. Например, в лакском языке (Северный Кавказ) они могут иметь суффикс времени: «гъансса» — «близкий», «гъан-ма-сса» — «долгое время близкий».

Особенно различные, зачастую очень странные для русского языка значения могут выражаться в глаголе. Многообразны, например, формы вида. В языке коми один и тот же глагол «мунны» — «идти» может, получая разные суффиксы, приобретать значения «ходить много раз», «ходить по разным местам», «потихоньку идти» или даже «уйти, чтобы потом вернуться».

В грузинском языке есть специальная заставительная форма, причем она может быть двойной: «вацер-инэб-инэб-цэрилс» — «я заставлю его заставить еще кого-то писать письмо». В языке кечуа (Южная Америка) от одного-единственного глагола можно образовать несколько сот видовых форм!

В одном из папуасских языков Новой Гвинеи форма глагола вроде он ел имеет различные наклонения в зависимости от того, видел ли говорящий, как он ел, или не видел, но слышал, как он жевал, или не видел, но объедки налицо, или объедки были, но их убрали, или и объедков не было, но какие-то следы того, как он ел, остались (скажем, грязная посуда), или, наконец, говорящий просто убежден, что он не мог не есть…

О некоторых грамматических категориях стоит рассказать подробнее. Начнем с категории лица глагола.

Не следует думать, что эта категория была присуща глаголу с самого начала. Если сравнить самые различные, совсем не родственные друг другу языки, мы увидим, что в них личное окончание глагола возникло из слияния личного или притяжательного местоимения с причастием или существительным. Например, по-мордовски лицо глагола и принадлежность существительного до сих пор выражаются совершенно одинаковым окончанием: «кун-дай-т» — «ловил ты» и «вал-т» — «слово твое». На древнеегипетском языке **ты ловишь** тоже выражается как «ловля твоя». Чтобы сказать я ловлю по-арабски, нужно употребить форму типа «я ловец» или «я ловящий» и т. д.

Близость глагола к имени сказывается не только в этом исконном единстве окончаний. В некоторых современных языках, например чукотском, одни и те же слова могут и склоняться, как прилагательные, получая показатели падежей, и спрягаться, как глаголы, принимая показатели лица. Например, можно сказать «эвирь-ылъигын», что значит «я одежный» («я имею одежду»), «эвирь-ылъигыт» — «ты одежный» и т. д., но, будучи употреблено не в качестве сказуемого, а в роли определения, это же слово

может склоняться: «аверъ-ылъепы» — «от одежного», «аверъ-ылъеты» — «к одежному».

Из сказанного выше видно, что категория лица глагола тесно связана с употреблением слова в предложении.

Характерно, что глагольные окончания лица обычно связаны с личными или притяжательными местоимениями только в 1-м и 2-м лице, т. е. в тех случаях, когда достаточно употребить это окончание, чтобы было понятно, что (или кто) действует. Но в 3-м лице этого уже недостаточно — действующее лицо может быть обозначено любым существительным. И вот оказывается, что в очень многих языках глагол в 3-м лице или совсем не имеет окончания, например в алеутском языке, многих африканских и т. д., или это окончание возникло сравнительно недавно, например в индоевропейских, тюркских, финно-угорских языках.

Мы в русском языке объединяем категорию лица с категорией числа глагола и говорим, например, о «2-м лице множественного числа». На самом деле это не совсем точно. Ведь мы — это не совсем я во множественном числе, а вы — не совсем ты во множественном числе. Это особенно ясно видно в индонезийском и некоторых других языках Африки и Кавказа, где встречаются два первых лица множественного числа: мы без тебя и мы вместе с тобой. Первая из этих форм называется исключающей (эксклюзивной), а вторая — включающей (инклюзивной). А если учесть, что есть языки, в которых кроме обычных двух чисел есть еще двойственное и тройственное, то число возможных лиц вырастает из 6 до 15! Именно 15 форм и встречается в языке жителей острова Абрим (Океания), где глагол спрягается следующим образом:

Я иду	Мы с тобой вдвоем идем	Мы с тобой и еще с кем-то втроем идем	Мы с тобой и еще с кем-то идем
	Мы вдвоем без тебя идем	Мы втроем без тебя идем	Мы без тебя с кем-то идем
Ты идешь	Вы вдвоем идете	Вы втроем идете	Вы идете
Он идет	Они вдвоем идут	Они втроем идут	Они идут

В некоторых языках в глаголе бывает выражено не только лицо и число субъекта — того, кто совершает действие, но и лицо и число субъекта — человека или предмета, над которым совершается действие. Например, в одном из папуасских языков существует целая коллекция глагольных суффиксов, которые позволяют обозначить, сколько человек действовало, сколько человек подвергалось этому действию и когда оно происходило: так, суффикс **— амарумо** прибавляется, когда много людей действовали на двоих в прошедшем времени, а суффикс **— анабидурумо** — когда на тех же двоих действуют трое людей в настоящем времени.

Лицо — это такая категория, в которой особенно сильно отражаются общественные отношения, социальный строй общества. Например, в языке индейцев племени блэкфут (Северная Америка), у которых сохранились остатки родового строя, существует специальное, 4-е лицо для обозначения члена чужого рода. А в Австралии, в языке аранта, еще сложнее. Чтобы описать систему лиц в этом, казалось бы, «первобытном» языке, нужно затратить несколько страниц. Мы ее описывать не будем, а приведем пример из русского языка, отдаленно напоминающий положение в языке аранта. Представьте себе, что 1-е лицо выражалось бы по-разному в следующих трех случаях: мы, сидящие за одной партой, идем; мы, одноклассники, идем; мы, учащиеся одной и той же школы, идем…

До сих пор мы сталкивались с языками, где лиц вполне

достаточно и даже слишком много. А в корейском языке, например, разграничивается только 1-е лицо и лицо не 1-е, для обозначения которого существует специальный суффикс **— си.**

Теперь расскажем о падеже. Начнем с того, что эта категория, оказывается, очень тесно связана с переходностью или непереходностью глагола. Во многих языках, совершенно не связанных взаимным родством, все глаголы делятся на две группы: глаголы активного действия (переходные) и глаголы пассивного действия (непереходные). В зависимости от того, какой глагол употребляется, предложение строится по-разному. В случае непереходности оно такое же, как в русском языке, т. е. подлежащее стоит в именительном падеже. Например, по-чукотски: «клявол чейвыркын» — «человек ходит», «кора чейвыркын» — «олень ходит». Но если глагол переходный, то все меняется подлежащее ставится не в именительном, а в особом, так называемом эргативном падеже, обозначающем только действующее лицо. Что касается объекта действия, то для него употребляется не винительный, как в русском, а именительный падеж (впрочем, он часто совпадает с винительным по форме). Например, в том же чукотском языке: «клявол-я кора нмыркынен» — «человек (в эргативном падеже) оленя (олень — в именительном падеже) убивает». Такая конструкция, называемая эргативной, встречается во многих кавказских языках, баскском, палеоазиатских и многих языках Америки.

Некоторые следы такого эргативного или близкого к нему строя можно найти в индоевропейских языках. По мнению некоторых лингвистов, в индоевропейском праязыке все существительные делились на две группы — активные и пассивные. Первые могли быть подлежащими при переходных глаголах, вторые — нет. Показателем активности (эргативности) был **— s** в конце слов, а показателем пассивности — **— m** в конце слова. В дальнейшем показатель активности закрепился за именительным падежом подлежащего (ср. такие латинские и греческие слова, заимствованные русским языком, как казус, модус, космос), а показатель пассивности стал употребляться как показатель винительного падежа (ср., например, лат. terram — «землю») и как показатель среднего рода (ср., например, лат. templum— «храм»).

В русском языке, как вы знаете, шесть падежей. На наш взгляд, это немного. Но с точки зрения англичанина или француза падежей в русском языке многовато. Существуют, однако, языки, где число падежей перевалило далеко за дюжину. Это, например, языки Кавказа, такие как лакский, аварский, даргинский. Сколько в каждом из них падежей, определить

нелегко, так как трудно разграничить падеж от простого сочетания существительного со специальным служебным словом, так называемым послелогом (предлогом, который ставится не перед словом, а после него). В некоторых языках падежей насчитывается 52! Заметно меньше их в финно-угорских языках. Например, в эстонском — «всего-навсего» 14.

Откуда же берется такое количество падежей? Мы рассмотрим язык, где падежей не так много, но все же порядочно, — чукотский (здесь их 9). Вот какие падежи в чукотском:

1. Именительный:
нилг-ын («ремень»), кэйн-ын («медведь»).
2. Творительный:
нилг-э («ремнем»), кэйн-эй («медведем»).
3. Местный:
нилг-ык («на ремне»), кэйн-ык («у медведя, на медведе»).
4. Отправительный:
нэлг-эпы («от ремня»), кэйн-эпы («от медведя»).
5. Направительный:
нэлг-эты («ремню»), кэйн-эта («к медведю, медведю»).
6. Определительный:
нилг-ыгйит, кэйн-ыгйит.

Этот падеж необычный. Он служит для того, чтобы обозначить предмет, на который ориентируется в своем действии человек или животное, обозначенное именительным падежом. Например, в предложениях, соответствующих русским: Охотники с моря возвращаются, **ориентируясь по горе**; Собаки остановились **против камня**; Наш народ живет **по новым законам**; Сделай нож **по образцу отцовского**, — выделенные слова переводятся определительным падежом.

7. Совместный:
гэ-нилг-э («ремнем»), гэ-кэйн-э («с медведем»).
8. Сопроводительный:
га-нэлг-ыма («с ремнем»), га-кайн-ыма («с медведем»).

Разница между последними двумя падежами следующая: если сказать **я иду с медведем** в совместном падеже, то получится, что идем мы оба вместе — и я и медведь; а если сказать то же, употребив сопроводительный падеж, то это будет означать, что я иду и несу с собой медведя. Ну, а можно сказать (как в русском языке), что мы идем — я и медведь.

9. Назначительный:
нилг-у («в качестве ремня»), кэйн-у («в качестве медведя»).

Например, в предложении типа **Собака завыла волком** должен быть употреблен именно назначительный падеж.

Выше мы говорили об эргативном падеже в чукотском языке, но его формы есть не у всех слов, и в наш перечень он не включен.

Приведенный пример хорошо показывает, за счет чего образуется множество падежей; все дело в том, что при помощи падежей выражаются различные оттенки места, времени, обстоятельств и цели действия. А так как этих оттенков может быть очень много, то и падежей может быть очень много. Скажем, в лакском языке специальные падежи существуют для того, чтобы сказать: **в доме** — «къатлуву», **сзади дома** — «къатлух», **на доме** — «къатлуй», **под домом** — «къатлулу». А в русском языке все эти значения выражаются куда более скромными грамматическими средствами.

Кстати, в русском языке, с известной точки зрения, можно найти два подобных этим необычных падежа. Вы много раз употребляли их, но, наверное, никогда не задумывались, что это, в сущности, совершенно особые падежные формы со своим особым значением. В предложении **Дайте мне чаю** мы находим именно такую форму со значением «некоторое ограниченное количество чего-то». А то, что называется обычно предложным падежом, в сущности, представляет собой два падежа, которые можно условно назвать рассказывательным (предложный падеж в старых русских грамматиках как раз и назывался сказательным) — **говорить о снеге, о лесе** — и местным — **вываляться в снегу, заблудиться в лесу**. В школе для простоты говорят в таких случаях не о разных падежах, а о разных окончаниях.

Чтобы покончить со всякого рода «странностями» в грамматике различных языков, остановимся еще на некоторых грамматических категориях, в частности на числительных.

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, почему наша система счисления десятеричная? Ответ на этот вопрос очень прост: потому что у человека на руках десять пальцев. Недаром по-чукотски, например, глагол **считать** («рылгык») происходит от слова «рылг» — «палец» и значит, собственно, **пальчить**. **Десять** по-чукотски обозначается **две руки**, а слово **двадцать** происходит от слова **человек — весь человек**, т. е. все пальцы на руках и ногах. Вообще, по-видимому, сначала у большинства народов господствовала не десятеричная, и двадцатеричная система. Это отразилось и в строении числительных: например, по-французски 80 обозначается quatre vingt, т. е. «четырежды 20» — совсем как по-чукотски. То же явление мы находим и во многих иранских языках, например у курдов, где 50 обозначается как «дважды 20 + 10», и в языках германских, кельтских, в албанском, баскском и

т. д. У некоторых народов, например в Западной Африке, считают «сороковками»: для них 80 будет «дважды 40». Кстати, обращали ли вы внимание на то, что слово сорок в русском языке резко отличается от других числительных, обозначающих десятки (**тридцать**, т. е. три × десять; **пятьдесят**, т. е. пять × десять); а чтобы обозначить очень большое число, употребляют старинное выражение **сорок сороков**? По всей вероятности, это след такой же, как в Африке, системы счета «по сорока».

Очень показательны названия числительных в языках банту — у жителей Южной Африки. Там **большой палец правой руки** означает **шесть** (счет идет от мизинца левой), **указательный — семь**; чтобы сказать **восемь** и **девять**, соответственно употребляются выражения **согни два пальца** и **согни один палец**, а **десять — все пальцы**. Кстати, почему **согни два пальца**? Потому, что если считать с помощью одной правой руки, то при счете от 6 до 9 пальцы поочередно разгибаются: при счете 6 согнуты 4 пальца, при счете 7–3 пальца и т. д.

Не все народы и не всегда считают только с помощью пальцев. Иногда для этого пользуются другими частями тела. Например, одно из папуасских племен Новой Гвинеи считает так: мизинец левой руки, следующий палец, средний палец, указательный палец, большой палец, запястье, локоть, плечо, левая сторона груди, правая сторона груди и т. д. — до мизинца правой руки. Но характерно, что и здесь используется в качестве опоры именно человеческое тело. Лишь в дальнейшем числительные как бы отрываются от этой опоры и начинают употребляться самостоятельно. Впрочем, у многих народов до сих пор невозможно употребить числительное вообще, не обозначая им чего-либо определенного. Вообще **девяти** в таких языках нет: есть **девять оленей**, **девять нарт**… С этой трудностью столкнулись, между прочим, учителя арифметики в чукотских и корякских школах.

У многих народов при счете разных предметов употребляются и разные числительные. Например, в языке нивхов (остров Сахалин) нельзя сказать вообще **пять**; нужно выразиться одним из следующих способов: «т'ом» (если считаем лодки), «т'орш» (если считаем нарты), «т'ор» (если считаем связки рыбы), «т'овор» (если считаем невода) и т. д. Некоторые явления, напоминающие подобное положение, встречаются и в русском языке — это счетные слова.

Например, мы часто говорим: **сорок голов скота, пять человек детей, шесть названий книг, двадцать штук портфелей** и т. д.

На свете есть много языков, иногда совсем не похожих друг на друга. Но, как бы они ни отличались один от другого, любой язык способен выразить все, что захочет высказать говорящий на нем человек.

Нет плохих и хороших языков. Каждый язык хорош по-своему.

Язык и общество

Некоторые ученые, занимающиеся исследованием языков небольших народов Африки, Австралии, нередко утверждают, что у этих народов свой особый склад мышления, отражающийся в их языке; что их мышление «первобытное», «дологическое», «конкретное»; что они не знают или почти не знают общих названий (например, «рыба»), но зато имеют множество названий для отдельных видов (например, «судак», «окунь», «щука», «лещ»…). Эти утверждения просто ошибочны.

Общие названия, как правило, есть во всех языках; а если их в каком-либо языке и нет, то это совсем не признак «первобытности».

Почему же так много особых названий животных и растений встречается в «первобытных» языках? Объясняется это просто. Если мы послушаем любителей птиц, говорящих о соловьином пении, то узнаем, что для них соловей не «поет», как для нас с вами. В пении соловья они ясно различают двенадцать «колен»: «пульканье», «клыканье», «дробь», «раскат», «пленканье» и т. д. Конюх или жокей никогда не скажет, что лошадь «бежит». Для них это не бег, а — смотря по его особенностям — аллюр: рысца, нарысь, хлынца и т. д.

Это и не удивительно. Любитель-птицевод или конюх употребляет в каждом случае особое слово для обозначения разновидности соловьиного пения или лошадиного бега потому, что для дела, которым он занят, эти разновидности играют важную роль. А коренные жители Океании имеют десятки названий для банана именно потому, что каждую из его разновидностей они используют по-разному и различать их необходимо.

Однако вернемся к особенностям речи конюха и любителя птиц. Они говорят по-русски, и отличительных особенностей в их речи так мало, что говорить о каком-то особом «языке конюха» мы не можем. Но бывает, что «язык» представителя той или иной профессии, класса, социальной группы до такой степени своеобразен, что становится малопонятным людям, не принадлежащим к этой профессии или социальной группе.

Такие «языки» правильнее было бы назвать социальными диалектами. Они отражают социальное расслоение общества.

Социальные (и профессиональные) диалекты образуют как бы слои в общенародном языке. Но есть и другие диалекты — территориальные. Иначе говоря, если мы будем путешествовать по какой-нибудь стране, то увидим, что в разных местах люди говорят немного по-разному, хотя и на одном языке. В таких случаях обычно и употребляется термин «территориальные диалекты».

В русском языке диалектные различия невелики, и любой русский человек, даже если он говорит на своем диалекте, всюду будет понят. В Германии же разница между диалектами такая, что жители Баварии и, например, окрестностей Гамбурга совершенно не поймут друг друга, если не владеют общенародным немецким языком.

Но даже речь одного человека не может быть всегда одинаковой: в зависимости от обстоятельств, от условий, в которых человек говорит, в речи его появляются стилистические отличия.

Сейчас, когда мы дошли до понятия стиля, настало время сказать и о норме языка. Часто мы слышим, что то или иное слово или выражение «нельзя» употреблять, что «так не говорят», или что это «нелитературно», или что «надо говорить так-то».

Что значит «надо», «нельзя»? Кто может запретить или рекомендовать говорить так, а не иначе?

Понятно, запретить тут ничего нельзя, да и не нужно. Ведь в конечном счете «надо» говорить так или иначе не кому-то другому, а самому говорящему. Представьте себе женщину, вышедшую на работу в поле в шелковом платье и туфлях на

высоких каблуках. Кому придет в голову запрещать надевать в поле такой наряд? Заинтересованная сторона здесь — сама женщина. Но то же нарядное шелковое платье и туфли весьма уместны в другое время. Так же и язык: он различен у одного и того же человека в зависимости от времени и места.

Поэтому когда нас учат в школе, что «надо» говорить определенным образом, то это отнюдь не насилие над нашей личностью. Школа должна научить, в частности, тому, при каких обстоятельствах как надо говорить. А так как обычную разговорную речь мы усваиваем и без школы, то основная задача школы — сформировать у нас навыки литературной речи, научить литературному языку, т. е. такой форме общенародного языка, которая используется в художественной и научной литературе, в газетах, журналах и т. д. Никто не обязывает нас во всех случаях жизни непременно пользоваться только литературным языком — это могло бы привести к комическим ситуациям; но там, где принята литературная речь, например на трибуне, надо говорить на литературном языке.

Совокупность правил литературного языка, по которым принято строить свою речь в тех или иных конкретных условиях общения, и принято называть нормой языка.

Как мы говорим

О происхождении языка

Французский поэт XV в. Шарль из Орлеана писал в одном из своих стихотворений: «Нет ни одного зверя, ни одной птицы, которые не пели бы или не кричали бы на своем языке!» Но ученых интересует, конечно, не всякий звук, издаваемый животным, и не всякий сигнал, в той или иной форме «передаваемый» им. Нас волнует, как из звуков и других сигналов, присущих животным, мог возникнуть человеческий язык — величайшее достижение человеческой истории. Ведь язык — это не просто орудие общения; весь накопленный человечеством общественный опыт, почти все научные, практические и «житейские» знания хранятся и передаются от поколения к поколению в языковой форме. Каждый человек, входящий в мир и овладевающий его материальными и духовными богатствами, использует при этом язык и заменяющие его вспомогательные средства — письмо, чертежи, карты. Само сознание человека существует благодаря языку. Одним словом, человеческая культура и вообще все человечество может существовать и развиваться только потому, что человек владеет языком.

Секрет здесь в том, что язык имеет важную особенность, отмеченную еще основоположником научного языкознания Вильгельмом Гумбольдтом: он «умудряется» быть одновременно и общественным явлением, отражая достоинства коллективного знания, и не зависит от воли и сознания каждого отдельного человека; но он является в известном смысле и индивидуальным — той формой, в которой только и может протекать логическое мышление, внутренняя речь, поэтическое творчество каждого отдельного индивида. Выступая как орудие мышления, язык, однако, сохраняет и свою объективность, свой общественный характер: благодаря языку человек всегда как бы меряет свое поведение общественной меркой, членит и воспринимает окружающую действительность так, как диктует ему при помощи языка общественный опыт человечества, и т. д.

Еще в античности люди ломали себе голову над вопросом: почему и как мог возникнуть язык? Ученые Древней Греции выдвинули две противоположные точки зрения, две теории. Одна из них называлась теорией «фюсей», что значит «по природе, естественно» (от того же греческого корня произошло название

науки физики); другая называлась теорией «тесей», что значит «по установлению, искусственно». Согласно первой из них, язык возник сам по себе, без сознательного вмешательства человека, в силу действия законов природы. Согласно второй теории, язык появился в результате соглашения или договора людей: этот предмет давайте назовем вот так-то, а тот — так-то.

Совершенно ясно, что теория разумного договора неверна — она предполагает, что люди уже имели сознание к тому времени, как у них появился язык. А современная наука совершенно точно установила, что человеческое сознание невозможно без языка. Только общество делает человека человеком, и делает это при помощи языка.

Итак, теория «тесей» ошибочна, и язык возник в силу естественных закономерностей.

Но, в таком случае, какие причины привели к возникновению языка? Как выглядел первобытный язык?

С полной уверенностью ответить на эти вопросы наука пока не может! Но благодаря совместной работе ученых разных специальностей — философов, антропологов и этнографов, археологов и лингвистов — в последние годы стало возможным, опираясь на объективные научные факты, выдвинуть некоторые предположения, касающиеся происхождения древнейшего языка.

Вы знаете, что труд создал человека и что членораздельная речь возникла благодаря трудовой деятельности; в процессе труда, как писал Энгельс, у первобытных людей появилась «потребность что-то сказать друг другу». Но потребность эта появилась не на голом месте. Не существует ни одного вида животных, у которого не было бы собственной системы сигналов, используемых для коммуникации, для общения. Например, в стаде павианов-гамадрилов используется более десятка различных звуков, каждый из которых вызывает у гамадрила совершенно определенную реакцию.

Но в отличие от людей, сознательно воспринимающих речь, понимающих то, что им говорят, гамадрилы ничего не могут понимать. То или иное поведение в ответ на услышанный сигнал возникает у них благодаря простейшему условному рефлексу. Скажем, если гамадрил услышит, как другой гамадрил кричит «ак, ак!», то он автоматически обратится в бегство, потому что в его психике этот звук условно-рефлекторно связан с представлением об опасности. И наоборот: всякий страх, всякое ощущение опасности вызовет у гамадрила непроизвольный крик «ак!». В этом отношении звуковые сигналы гамадрилов напоминают междометия человеческого языка: мы с вами одинаково вскрикиваем «ой!», независимо от того, обожгли мы

палец, укололи или прихлопнули дверью.

Вот такие-то звуковые сигналы, наверное, и послужили основой для формирования человеческого языка.

Известно, что речь современного человека членораздельна. Это значит, что в ней можно выделить предложения, слова, морфемы (т. е. корни, приставки, суффиксы и окончания), слоги, наконец, звуки. Внимательное изучение механизмов речи и того, как ребенок овладевает языком, показывает, однако, что не все эти единицы человеческой речи возникли одновременно.

Почти с уверенностью можно сказать, что речь древнейшего человека не распадалась на звуки — слог был самой меньшей частицей его речи. Эта особенность первобытного языка отразилась, — правда, не непосредственно — в строении некоторых современных языков и в особенности в закономерностях овладения языком. Например, ребенок, еще не знающий грамоты, как правило, не умеет выделить в слоге гласные звуки — они для него слиты вместе с согласными в слоги. Его приходится специально учить, как говорят психологи, звуковому анализу слова.

Очевидно, что разделение речи на морфемы — дело довольно позднее. Ведь есть языки, почти совсем не имеющие ни приставок, ни суффиксов, ни окончаний. Большую часть морфем в самых различных языках можно возвести к полнозначным словам — обычно наречиям или местоимениям. Очень вероятно, что в первобытном языке морфемы не выделялись.

В современном языке слог, слово и предложение совпадают только в редких случаях (например, если мы окрикнем кого-нибудь: «Стой!»). А в первобытном языке, по всей видимости, слог был одновременно и словом, и предложением. А в дальнейшем первобытные слова-предложения стали по-разному разлагаться на звуки и слоги, по-разному сочетаться в речи, что привело к

разнице в звуковом и грамматическом строе разных языков.

Но все описанные черты характерны только для «настоящего» человеческого языка.

В сигналах, используемых животными, нет ничего похожего на это. И не так легко ответить на вопрос: что должно было произойти с нашими обезьяноподобными предками, чтобы их система коммуникации получила новое качество и смогла стать орудием мышления?

В поисках ответа на него ученые обратились к исследованию живущих сейчас обезьян. Изучая высших, человекообразных обезьян, или антропоидов, они выдвинули гипотезу о том, что человеческий язык возник из так называемых жизненных шумов— непроизвольных звуков, биологически не существенных и сопровождающих различные действия шимпанзе или орангутанов. Однако эта гипотеза имеет одну слабую сторону: ведь шимпанзе, орангутан и другие антропоиды — животные не общественные, они живут в одиночку или небольшими семьями. А наш предок был, конечно, стадным животным, напоминая этим гамадрилов, макак, т. е. «низших» обезьян.

Между тем у гамадрилов и других обезьян, живущих стадами, существуют совершенно особые звуковые сигналы, служащие специально для общения внутри стада. А так как человеческий язык возник, без сомнения, в обществе, для целей общения в процессе труда, то вероятнее всего, что основой для его формирования послужили не «жизненные шумы», а средства сигнализации в стаде.

Например, у питекантропа большую роль играла совместная трудовая деятельность, положим, охота. И нужны были такие средства общения, которые помогли бы регулировать поведение, направлять его тем или иным образом, а не просто сигнализировать о чем-то.

Но человек на этой ступени, вероятно, еще не располагал сознанием. Оно появилось позже, когда потребовалось обозначать уже не отдельные действия, а отдельные предметы. «На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились… потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам… предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира» (К. Маркс).

Теперь человек, слыша звуки речи, уже не слепо реагирует на их звучание, а осознает значение, содержание речи. Язык приобрел знаковый характер.

Происхождение языка пока еще не объяснено окончательно, и

требуется большая и серьезная совместная работа ученых разных специальностей, чтобы ответить сколько-нибудь определенно: так это было или не так? Но во всяком случае проблема интересная.

Почему мы умеем говорить?

Часто говорят: язык — это способ, средство общения. Это, конечно, верно, но только до известной степени. Посудите сами: ведь животные тоже общаются — пчелы и муравьи, рыбы и птицы, кошки и собаки… Однако каждый из нас интуитивно прекрасно понимает, что между средствами общения, скажем, у пчел или у рыб и человеческим языком есть какая-то существенная разница. Какая же именно?

Давайте попытаемся в этом разобраться.

После работ академика И. П. Павлова всякий школьник знает, что такое рефлекс. Но мы все-таки напомним, что это реакция, или ответ, организма на разного рода внешние воздействия, которые физиологи называют раздражителями или стимулами. Раздражители бывают биологически важными, существенными для жизни, или безразличными. Например, кусок мяса для собаки — биологически важный раздражитель, а для коровы — безразличный. Клок сена, наоборот, будет биологически важным раздражителем для коровы и безразличным для собаки.

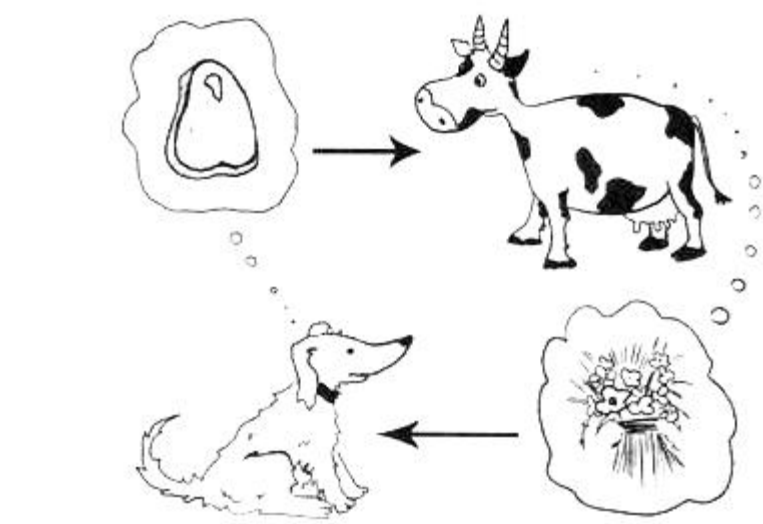
Вид куска мяса вызовет у всякой собаки, хотя бы она была отнята у матери маленьким щенком и никогда не видела других собак, одну и ту же реакцию — будет бурно выделяться слюна, собака потянется к мясу. Так, кстати, реагирует на пищу и голодный человек. Такой слюнный и вообще пищевой рефлекс называется безусловным, врожденным, он закреплен в строении нервной системы собаки.

Чтобы он «сработал», собаке достаточно столкнуться с биологически важным раздражителем, соответствующим этому рефлексу.

Не будь безусловных рефлексов, животные да и человек просто не смогли бы жить и удовлетворять самые необходимые потребности, поддерживать свое существование.

Кроме безусловных у животных и у человека есть еще так называемые условные рефлексы. Например, пословица о пуганой вороне, которая, как известно, «куста боится», как раз и описывает условно-рефлекторное поведение. Сначала ворона не боялась куста. Но в куст спряталось какое-то опасное для вороны существо, скажем человек с дробовиком, и испугало ворону. Теперь вид куста превратился для нее из безразличного в биологически важный раздражитель. Она уже не дожидается,

чтобы в нее всадили заряд дроби, а прямо летит восвояси.



Такой условный рефлекс не врожденный. Он формируется у каждого животного и каждого человека в отдельности каждый раз заново. Образно говоря, каждую ворону, чтобы она «куста боялась», нужно заново пугать. Но это, пожалуй, единственная серьезная разница, в главном же условный рефлекс мало чем отличается от безусловного: условно-рефлекторная реакция такая же автоматическая и бессознательная, как и безусловно-рефлекторная. Знаменитый философ Рене Декарт недаром сравнивал рефлекторное поведение с работой машины.

Но есть и еще одна форма поведения — так называемое интеллектуальное поведение, интеллектуальная деятельность. В чем его отличие?

Когда раздражитель вызывает у животного или человека ту или иную рефлекторную реакцию, связь раздражителя и реакции, так сказать, «жестка». У животного (или у человека) нет выбора. Рефлекс диктует ему один-единственный путь: голодной собаке — вцепиться в мясо; пуганой вороне — лететь прочь от куста; тому, кто обжегся на молоке, — дуть на воду. Можно сказать, что во всех этих случаях раздражитель как бы нажимает на кнопку звонка. А раздающийся при этом звонок — это рефлекторная реакция.

Интеллектуальное же поведение всегда предполагает выбор из нескольких возможностей. Знаменитый шахматист, экс-чемпион мира Эммануил Ласкер так описывает типичный случай интеллектуального поведения — игру в шахматы: «Многие мысли стремятся к воплощению — правильные и ошибочные, сильные и слабые, практичные и непрактичные. Они зарождаются и борются между собой, пока одна из них не одержит верх». При

интеллектуальном поведении перед нами не категорическое требование: «Делай так не иначе», как при рефлекторном; мы стоим перед задачей, и выбор правильного решения зависит от нашего ума, жизненного опыта, умения пользоваться усвоенными знаниями.

Каждый акт интеллектуального поведения, интеллектуальный акт (а их в поведении столько, сколько поставлено перед человеком задач), состоит из трех частей, или фаз. Первая из них — это ориентировка в условиях задачи и выработка плана действий. Вторая — это осуществление определенного варианта поведения. Третья — сопоставление получившегося результата с поставленной задачей. Как пример интеллектуального акта мы можем привести деятельность Александра Невского, обеспечившую победу над псами-рыцарями на Чудском озере. Сначала, поднявшись на Вороний Камень Александр оценил ситуацию и сопоставил несколько возможных вариантов действия, чтобы выбрать из них наиболее правильный. Затем решив поставить свои войска на льду в виде клина и заманить в этот клин тевтонских рыцарей он осуществил вторую часть интеллектуального акта. И наконец наступила третья часть этого акта когда Александр с удовлетворением наблюдал, как гибли в холодной воде тяжеловооруженные рыцари — в строгом соответствии с его военным замыслом.

Это пример интеллектуального акта, частично (во второй и третьей фазах) проходившего в форме практического действия. А чисто теоретическим, проходившим целиком «в уме», был, например, акт решения Архимедом задачи, поставленной правителем Сиракуз. Доказательством «теоретичности» этого интеллектуального акта является то, что решил эту задачу Архимед в ванне.

Так или иначе, но в каждый интеллектуальный акт у человека обязательно входит фаза планирования в уме будущего действия. Как раз эту особенность интеллектуального поведения у человека подчеркнул К. Маркс: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове».

Восприятие человеком окружающих предметов — это тоже интеллектуальный акт, но сокращенный. Почему мы воспринимаем, скажем, часы как часы? Это легко понять, проследив, как познает мир ребенок или как мы с вами стараемся понять, для чего служит незнакомый нам предмет. Мы

ориентируемся в своих впечатлениях и выдвигаем определенную гипотезу — с чем мы имеем дело (первая фаза); затем стараемся проверить эту гипотезу — непосредственно или задавая вопросы другим людям (вторая фаза); наконец сопоставляем гипотезу и результаты ее проверки (третья фаза).

Нас сейчас интересует одна сторона восприятия. Чаще всего, увидев незнакомый предмет, мы спрашиваем не «Для чего это?», а «Что это?». Нам отвечают, скажем: «Часы», и мы этим ответом вполне удовлетворяемся.

Почему нам достаточно слова, откуда мы знаем, какие признаки связаны с этим ярлычком — словом «часы»? Это «знает» за нас язык, вернее, опыт многих поколений, закрепленный в языке. Все предметы, показывающие время, мы называем часами не потому, что нам так нравится, а потому, что так принято у говорящих на русском языке. (А вот в английском языке есть не одно, а два слова и соответственно два понятия — watch (часы ручные или карманные) и clock (башенные или настольные часы).)

Слова как раз позволяют нам объединить наш собственный, личный опыт и опыт всего человечества, использовать в нашей деятельности не только то, что мы увидели или услышали сами, но и то, что узнали до нас другие люди. Когда мы, допустим, читаем учебник, то тоже пользуемся этой способностью нашего языка — мы ведь едва ли можем собственноручно измерить, скажем, высоту горы Килиманджаро, а уж о том, чтобы своими глазами увидеть битву на Куликовом поле, и речи быть не может. Во всех подобных случаях мы как бы верим «на слово» опыту других людей, закрепленному и переданному нам с помощью языка. Великий русский биолог К. А. Тимирязев в одной из своих работ сказал по этому поводу: «Если заурядный, но получивший современное образование человек обладает в наше время сведениями о природе, которым позавидовал бы Аристотель, то причина тому лежит не в исключительном каком-либо умственном превосходстве, а, конечно, в тех двадцати двух веках, которые недаром же прожило с тех пор человечество».

Язык играет громадную роль и в любом другом интеллектуальном акте. Именно он является главным орудием, при помощи которого мы можем планировать в уме свои действия (хотя и не единственным таким орудием). Вот эти-то его признаки, две функции языка — как средства познания мира и как средства мышления — и являются главным в психологическом отношении. Мышление, сознание человека, как говорят, опосредствовано языком. Именно благодаря тому, что человечество располагает языком как средством закрепления

общественного опыта, оно может передавать от поколения к поколению самые сложные достижения познания. Чем дальше, тем больше этих элементов познания, этих крупиц общественного опыта, общественной практики оказывается в распоряжении человечества. И каждый из нас, появляясь на свет, не просто взаимодействует с окружающей действительностью и с другими людьми. Чтобы жить и действовать как полноценный член человеческого общества, каждый должен научиться при помощи языка тому, что знают о действительности другие люди, человечество в целом.

Ну, а что касается языка как средства общения, как орудия коммуникации, то из сказанного выше ясно — никаких других функций он, наш язык, просто не мог бы выполнять, если бы не служил для общения. Но в том-то и отличие его от средства коммуникации у животных, что он служит человеку не только для этого. И когда мы употребляем словосочетание «язык животных», то это, в сущности, неправильно: ведь для пчелы, муравья, сороки или обезьяны их «язык» не является ни орудием познания, ни способом усвоения «общемуравьиного» или «общесорочьего» общественного опыта. Такого опыта и не существует. Даже если мы иногда называем пчел или муравьев общественными животными, это означает лишь, что они живут, как говорят биологи, «сообществами» — пчелы в улье, муравьи в муравейнике. Но каждый член такого «сообщества» в биологическом отношении совершенно самостоятелен; а человек — это прежде всего член человеческого общества.

Наш раздел называется «Почему мы умеем говорить?». Из того, что мы сказали, видно, что вопрос этот стоило бы поставить немного по-другому: зачем мы умеем говорить, зачем человеку язык. Ответ ясен: язык нужен человеку, чтобы быть полноценным членом человеческого общества, чтобы мыслить и действовать по-человечески. Потому-то мы и умеем говорить, что человечество, человеческий род или, выражаясь более строго, вид «хомо сапиенс» — человек разумный — нуждается в языке, в речевом общении, чтобы развиваться, эволюционировать. Ведь основное биологическое отличие вида «человек разумный» от других видов животных заключается совсем не в особенностях строения тела или, скажем, в весе мозга: оно заключается в том, что человек живет в человеческом мире, что он сталкивается с природой не один на один, а через посредство придуманных обществом орудий труда, через посредство общественно выработанных знаний и умений, социальных норм поведения и способов общения. И чем дальше, тем все более совершенными становятся эти внешние средства, помогающие взаимодействию человека с

окружающей средой.

В животном мире эволюция касалась только развития и изменения индивидуальных биологических признаков, а у человека она распространяется на совершенствование его, как говорил Г. В. Плеханов, «искусственных органов» — органов мышления и органов труда.

И именно поэтому, несмотря на все наши усилия, дельфины никогда не заговорят с нами ни на человеческом, ни тем более на своем, дельфиньем языке. Дельфин как раз всегда стоит один на один с окружающим его миром в этом смысле он типичное животное. А раз так, то откуда взяться у него языку? Как ни жаль, но «собратьев по разуму» нет смысла искать на нашей планете — за это ручаются антропология, психология и философия.

Правда, находятся ученые, в том числе очень квалифицированные в своей области, которые придерживаются иного мнения (а о журналистах и нечего говорить).

Но среди этих ученых, обратите на это внимание, нет и никогда не будет психологов. Это биологи, кибернетики… Дело в том, что о психике и ее законах почему-то очень часто считают возможным судить не специалисты.

Человек, общество, личность

Для языков, с которыми мы можем столкнуться вне Земли, вероятно, совершенно не обязательны слова в том виде, в каком мы находим их в русском и других европейских языках. Важно не наличие или отсутствие именно слов, а наличие или отсутствие средств, позволяющих человеку или другому разумному существу передавать и усваивать общественный опыт, общественно выработанные знания, умения, нормы поведения.

Но на словах акт речи еще не кончается. Чтобы речь прозвучала, была услышана и понята, эти слова нужно произнести. И сразу же обратим внимание, что человек произносит их совсем иначе, чем «произносит» человеческие слова, скажем, попугай. Мы уже говорили об этом: для человека, в отличие от любого, даже «говорящего» животного, речь распадается на отдельные звуки. Каждый звук в его сознании противопоставлен другим звукам: **кол**, а не **гол**; **рак**, а не **рок**; **ком**, а не **кон**. И весь сложный механизм произношения отдельных звуков и целых слогов, существующий у человека, как раз и предназначен для того, чтобы не просто приблизительно воспроизвести звучание слова, а обеспечить тончайшие значимые различия в этом звучании. И не случайно у человека развилась

специфическая физиологическая система, особая способность, отсутствующая у животных, — так называемый речевой или фонематический слух.

Зачем нужны человеку все эти тонкости? Почему мы не можем разговаривать друг с другом, используя те же механизмы, что, скажем, собака, когда она воспринимает команду «ложись»?

Собаке, в сущности, все равно, сказать ли ей «ложись» или «ажи», она ориентируется на общее звуковое впечатление.

Может быть, дело просто в том, что человека окружает много предметов, что ему приходится иметь дело с множеством понятий и для каждого из них надо придумывать какой-то особый отличительный значок? Если бы дело обстояло именно так, то логично было бы предположить, что у тех народов, у которых в языке сравнительно мало слов, и звуков должно быть меньше. Да, наверное, и слова тоже должны быть короче — зачем тратить лишнюю энергию? Кроме того, если бы это было так, для каждого понятия, вероятно, должно было бы существовать особое слово.

Но на самом деле все обстоит далеко не так. Во-первых, есть народы с первобытной культурой, очень далекой от европейской, у которых сравнительно мало слов (скажем, несколько тысяч, в то время как словарь таких языков, как русский или английский, включает до 100 тысяч слов). Но в то же время в языках этих народов нередко имеются сложнейшие системы звуков, во много раз более сложные, чем, например, система звуков русского языка. То же касается длины слов. Например, простое слово **синий**, которое почти во всех языках очень короткое (по-немецки — blau, по-английски — blue), в одном из папуасских языков острова Новая Британия в Океании звучит совершенно устрашающе: **киндемпумаун**! Чтобы вы не подумали, что мы специально искали такое слово, вот вам другое — для понятия **красный** (по-немецки — rot, по-английски — red): **эденпинакодок**.

Значит, дело не в количестве слов. Кстати, очень распространено мнение, что у так называемых «первобытных» народов слов очень мало — иногда называют цифру 300–400. Это совершенно ошибочное мнение. Конечно, языки с развитой литературой, языки с научной терминологией имеют больше слов, чем язык какого-нибудь затерянного в пустыне бушменского племени. Но не настолько! Ведь как бы «первобытна» ни была культура бушменов, у них своя жизнь, свои общественные отношения, свой, хотя и самый неразвитый, способ производства материальных ценностей, свои мифы, сказки, легенды, свои рецепты на случай болезни, свои знания об окружающем мире, которые они сообщают детям… А для всего этого нужны слова.

Так что их никак не может быть меньше, чем несколько тысяч.

Попытаемся проверить и второе допущение — о том, что для каждого понятия должно существовать особое слово. Здесь нам не нужно путешествовать: вы и из собственного опыта знаете, как многозначны слова любого языка, например русского, не говоря уже о случайных совпадениях в звучании — омонимах — вроде **коса** у девушки и **коса**, которой косят. А если вы все-таки хотите экзотики, то вот вам список значений одного только слова **са** в африканском языке эве: **гулять, течь, продавать, откладывать в сторону, не хватать, привязывать**, — кажется, достаточно!

Да и вообще нет необходимости разлагать слова на звуки, чтобы их противопоставить друг другу. Любое животное может различать на слух очень тонкие особенности звучания — такие эксперименты делались с собаками. Почему бы не обойтись теми же возможностями и нам?

Видимо, дело не только в том, что нам нужно обозначить много разных предметов, явлений, понятий. Большую роль играет здесь другая сторона языка — не обобщение, а общение, то, что нам нужно с наименьшими потерями донести наше слово до собеседника, так сказать, повысить надежность нашей речи.

То, что наши слова состоят из звуков, а звуки противопоставлены друг другу, как раз и служит для повышения такой надежности. Мы теперь не обязательно должны произносить слово совершенно одинаково: важно, чтобы мы произносили те самые звуки, которые нужны для данного слова.

А их мы можем произносить с отклонениями от обычной нормы: многие произносят **р** картаво, а **л** почти как **в**, но это не мешает взаимопониманию, потому что все это — различные допустимые варианты одних и тех же звуков. Кроме того, в слове есть свои «запасы прочности»: если вместо **корова** мы скажем **горова**, то это не повлияет на понимание, потому что слова **горова** в русском языке нет, а из контекста, из обстоятельств, в которых это слово произнесено, мы наверняка догадаемся, что речь идет о корове.

Покажем на примере, почему этот принцип выгоден. Представьте себе, что вы — разведчик и должны передать условное сообщение. Вы договорились о том, что если на окне стоит слева герань, а справа кактус, то все в порядке, а если кактус на месте, а вместо герани стоит фикус, то явка провалена. Тому, кто будет смотреть на окно, совершенно несущественно, что это будет за герань, сколько лет фикусу и какой разновидности кактус: ему важно само присутствие этих растений, а их индивидуальные особенности роли не играют. Так и в языке. Важно, что в слове **кот** первый звук — **к**. Произнесете ли вы его громче или тише, с придыханием или без, долго — **кккот**, или сразу, взрывом — **кот**, — несущественно.

У этой проблемы есть две стороны. Одна — почему именно таким способом мы противопоставляем друг другу слова? Да просто потому, что человеку было удобно приспособить для этой цели имеющийся у него физиологический аппарат. Но можно представить себе и такой случай, когда в качестве способа противопоставления используются другие особенности звучания — например музыкальный тон. Кстати, на нашей Земле есть множество языков, где этот принцип действительно используется, правда, вместе с принципом членения слова на звуки. Это так называемые тональные языки, например вьетнамский.

Но язык ведь нужен обществу не только для этого, не только для того, чтобы сделать человека полноценным членом общества. Вся повседневная жизнь общества совершается через язык, при помощи языка. И ошибочно думать (а иногда можно встретить такие высказывания), что язык — это что-то приплюсованное сверху к жизни и деятельности общества, прежде всего к труду, что это какая-то добавка, полезная, но не необходимая. Помните у Энгельса? Он говорил: «Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как… стало ясней сознание пользы… совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу». Из этих слов видно, что для Энгельса язык —

это именно средство совместной деятельности.

Обратите внимание на это положение. Оно очень важно не только для интересующего нас с вами вопроса о контактах с иными цивилизациями, но и вообще для понимания того, что такое язык.

Итак, язык — это средство, обеспечивающее тесное сплочение и совместную деятельность членов человеческого общества. Язык, наряду с другими особенностями общества, и прежде всего наряду с совместным трудом, общественным производством, является одним из необходимых признаков общества, необходимых моментов, без которых общество просто не может существовать.

Люди способны совместно трудиться и вступать в различные общественные отношения в значительной мере благодаря тому, что у них есть могучее средство общения — язык. И язык позволяет обществу осуществлять внутреннее совершенствование, внутреннее развитие. Конечно, и здесь прежде всего мы имеем дело с развитием производства: но одно развитие производства при современном уровне развития человеческого общества, человеческой культуры уже не могло бы обеспечивать его поступательное, прогрессивное развитие.

Колоссальные области человеческой деятельности опосредованы языком, невозможны без него: наука, искусство, философия, — одним словом, вся духовная жизнь общества.

Как мы говорим?

С чего начинается речь? Совсем не с поиска слова для обозначения каких-то реальных предметов и явлений. Процесс общения начинается с того, что мы оказываемся один на один не с предметом, не с явлением, а с целым множеством явлений и предметов, с целой ситуацией, которую нам нужно облечь в языковую форму. И это совсем не что-то внешнее по отношению к говорящему. Он не просто отражает предметы и явления, как в зеркале, в своей речи; они для говорящего часть его собственной деятельности.

Вы когда-нибудь задумывались над тем, что в окружающем нас мире вещей есть и такие, для которых у нас нет специального названия, и поэтому они оказываются, как правило, вне поля нашего внимания? Так вот, имеют названия и осознаются лишь те предметы и явления, которые оказались важными для общественной практики, и прежде всего для трудовой, производственной деятельности людей.

Например, для нас с вами мельчайшие различия в масти

северных оленей несущественны, и мы не имеем специальных слов для обозначения этих оттенков. А в языках народов Севера все эти оттенки, как правило, называются особыми словами.

Но вернемся к той ситуации (она всегда связана с определенной деятельностью), которая подлежит языковому обозначению. Люди, говорящие на разных языках, выделяют в ней не совсем совпадающие элементы. Например, синий или голубой — это разные цвета. Но в английском и немецком языках оба они обозначаются одним словом. Такие различия могут быть довольно большими: например, чтобы сказать «он приглашает гостей к ужину», русский и индеец племени нутка употребят совершенно разные слова, причем в индейской фразе не будет ни слова «приглашать», ни слова «ужин», но в целом мысль останется все той же.

Итак, первое, что делает человек, — он расчленяет ситуацию на элементы, обозначаемые отдельными словами, и в то же время соединяет друг с другом эти отдельные слова по законам своего языка — пока еще мысленно, причем он сам еще не осознает того, что делает. Собственно, он оперирует даже и не словами, а какими-то признаками, сигналами слов. Какими, мы не знаем. Не знаем мы и того, как конкретно происходит такой процесс: о нем можно только догадываться. Наука пока не знает методов исследования этой стороны речевого общения.

Вероятнее всего, на этом этапе еще нет и речи ни о какой грамматике в нашем обычном понимании: вспомним, как мы, уже начав говорить, иногда вдруг задумываемся, в какую грамматическую форму нам облечь свою мысль.

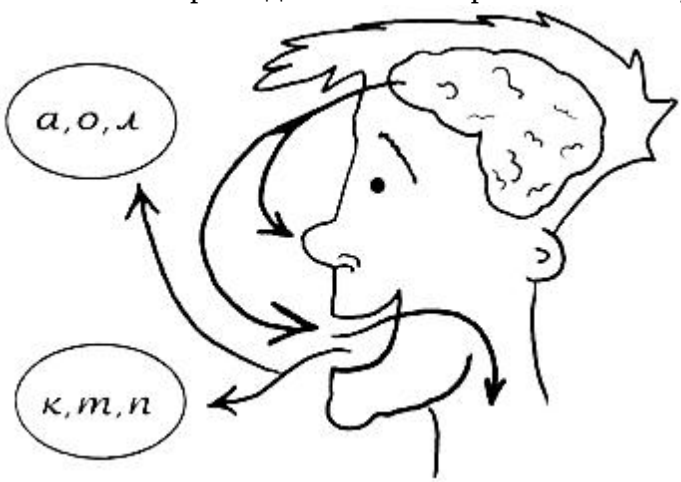
Но вот у нас где-то в мозге уже есть схема будущего предложения. Что с ней происходит дальше? По всей вероятности, она поступает в какой-то другой «отдел» или сразу в несколько «отделов» мозга, где на место сигналов слов ставятся настоящие слова, т. е. слова облекаются в свойственную им звуковую (фонетическую) форму. Или, вернее, для каждого сигнала подбирается последовательность тех команд, которые будут подаваться мозгом в органы речи. Надо думать, что эти команды подбираются не сразу для всего предложения, а для определенных слов, по мере того как мы говорим.

Куда же подаются команды? Изучением этого вопроса занимается специальная наука, называемая экспериментальной фонетикой.

Работами советского ученого Н. И. Жинкина установлено, что мозг подает сигналы в три разные точки организма. Во-первых, это органы дыхания, от которых зависит, будет ли подан в глотку, в рот и в нос воздух, необходимый для говорения. Во-вторых, это

специальный механизм глоточной регулировки дыхания. Он «распоряжается» членением речи на слоги и регулирует подачу воздуха в зависимости от того, какие именно звуки произносятся: есть звуки громкие сами по себе, например**а, о, л**, и для них не нужно дополнительной порции воздуха; есть звуки тихие, неслышные, например к, т, п, которые нужно «обеспечить» наибольшим давлением воздуха.

У М. М. Пришвина есть рассказ «Двойной след» — о собаке по кличке Кэт. Там говорится: «…Кэт от первоначального, неудачно данного первым ее владельцем, Китти. Тот был не охотник, не понимал, что кричать на букву **и** громко нельзя…» Именно потому и нельзя, что весь запас давления воздуха в этом слове уже оказывается израсходованным на произнесение звука.



Наконец, третий сигнал подается в органы артикуляции, собственно речевые органы, особенно в язык.

Не все эти три сигнала во времени совпадают. Дело происходит так: одновременно подаются сигналы только в органы артикуляции и в глотку. Эти сигналы согласованы между собой. Конечно, такое согласование получается не сразу — для него нужна долгая речевая практика. Кстати, именно поэтому взрослому человеку, знающему только свой родной язык, обычно бывает очень трудно заговорить на иностранном языке. В каждом языке произношение звуков и деление речи на слоги согласованы между собой по-разному, а у взрослого человека уже образовалась условно-рефлекторная связь между глоткой и органами артикуляции.

Лишь после того как поданный сигнал достигнет глотки, она «произведет расчет» необходимого количества воздуха, и результаты этого «расчета», вернувшись в мозг, будут им переданы дальше — органам дыхания.

Техника произнесения отдельных звуков вам, вероятно,

известна. Любой звук любого языка всегда можно отнести к одной из двух групп: согласным или гласным. Гласные звуки образуются только благодаря колебанию «струн», находящихся у нас в гортани, — голосовых связок. Звучание этих «струн», как и в любом струнном инструменте, например гитаре, усиливается и несколько изменяется с помощью резонаторов. В гитаре это пустое пространство внутри корпуса гитары. В нашем речевом механизме это глотка, рот и нос.

Все прочие звуки — согласные. Они возникают в результате трения воздуха о различные части речевого механизма. Это трение может быть двух родов: или оно происходит постепенно, так, что звук можно тянуть, или воздух скапливается перед какой-то преградой, а затем она открывается и получается нечто вроде щелчка. Звуки, получающиеся при первом способе, — это так называемые щелевые (спиранты), например **ф, в, с, з, ш, х**, и так называемые сонанты, например **р, л, м, н**. При втором способе получаются так называемые взрывные звуки: **б, п, д, к**. Если гласные напоминают звучание струнного инструмента, то согласные можно сравнить со звуком духового инструмента, например трубы.

Все эти звуки, в свою очередь, могут быть разделены на группы по разным принципам. Например, в зависимости от того, происходит ли во время произнесения согласного звука только трение или также и колебание голосовых связок, он может быть глухим или звонким. Можно разделить звуки и на губные, зубные, нёбные и т. д.

Так или иначе, речь осуществилась: в виде последовательности звуковых волн наше сообщение отправилось в путешествие. Но вот оно достигло конечного пункта — нашего собеседника. Что происходит при этом?

Раньше думали, что мы по очереди передаем в мозг и «расшифровываем» сведения об отдельных звуках речи. Сейчас установлено, что это не так.

Во-первых, выяснилось, что в восприятии речи принимают самое активное участие органы артикуляции. Чтобы понять слово, нужно его сначала самому проговорить; и не случайно дети или малограмотные взрослые, читая, часто шевелят губами.

Во-вторых, как установила физиолог Л. А. Чистович, мы имеем дело при восприятии не с отдельными звуками, а с образующими их мельчайшими элементами. Мы запоминаем и потом «складываем» в звуковой образ слова не **а, к, т,** а звонкость, губность, взрывность. Если мы слушаем обычную, осмысленную речь, то первое объединение этих признаков происходит в слоге, а затем получившиеся результаты еще раз

проверяются и уточняются уже в целом слове. И вот, когда мы уже услышали и правильно отождествили целое слово, описанный нами раньше процесс начинает осуществляться в обратном порядке: слово заменяется каким-то очень кратким емким сигналом; отдельные сигналы, постепенно накапливаясь, объединяются и воспринимаются все вместе как носители единой мысли.

Мы уже упоминали, что внутренняя речь осуществляется так же. Только, конечно, здесь совершенно необязательно, чтобы подаваемые в органы речи сигналы вызывали реальное звучание. Организм наш как раз и экономит на этом. Хотя все сигналы подаются точно тем же порядком, что и при обычной речи, но органы произношения двигаются едва-едва, так сказать, только намечают направление и способ действия. Для того чтобы выяснить, что они вообще действуют, требуется специальная, очень тонкая аппаратура. Но они все-таки действуют!

После всего сказанного вы вправе задать вопрос: ну, а как же обстоит дело у глухонемых, не умеющих говорить? Да почти так же. Ведь «речь» глухонемых, — во всяком случае, взрослых — это копия, слепок нашей звуковой речи: она состоит из тех же предложений и слов. Только вместо того чтобы подавать их в органы дыхания, мозг «переадресует» их рукам.

Речь и виды речи

До сих пор слова «язык» и «речь» мы употребляли в одном значении, хотя для лингвистов это не одно и то же. Конечно, каждый из нас говорит на русском языке, пользуется лексикой русского языка, строит фразы по правилам русской грамматики.

Но можно ли считать, что все то, что и как мы говорим, заранее предусмотрено в словаре и в грамматике русского языка? Конечно, нет. Например, словарь знает только общеязыковые значения слов; ему известно, что такое, допустим, кошка, только в самых общих чертах. Но вы-то говорите не о какой-то кошке вообще, а о вашей кошке Мурке и связываете со словом «кошка» свои собственные, очень индивидуальные воспоминания, ощущения, эмоции. То же с грамматикой: она предусматривает, как строить, например, предложение, но ей нет дела до того, как именно вы построили данное, конкретное предложение в заданных ею рамках.

Вот эти-то особенности нашей речевой деятельности, не предусмотренные грамматикой и словарем языка, и заставляют говорить наряду с понятием языка и о понятии речи.

Вот отрывок из стихотворения Сергея Есенина:

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны… —

и отрывок из книги профессора М. А. Сапожникова «Речевой сигнал в кибернетике и связи»:

«Сравнение ширины частотного диапазона трехполосной передачи с равноценной по разборчивости одной полосы частот показывает, что трехполосная передача дает сужение частотного диапазона примерно в 1,5 раза».

Неужели вся разница между этими отрывками только в индивидуальных особенностях речи авторов? Всякий школьник младшего класса понимает, что в первом случае мы имеем дело со стихами, с поэтической речью, а во втором — с речью научной. Язык остается в обоих случаях один и тот же — русский. Правда, из сокровищницы русского языка здесь и там отбираются разные слова; но забудьте об этом на минуту и сравните между собой только грамматическую и звуковую, фонетическую, сторону обоих отрывков — все равно увидите громадную разницу. У Есенина— короткие назывные предложения (**Золото… Запах…**), необычный порядок слов (**Золото холодное**); в технической книге — сложная, запутанная конструкция, построенная по самым строгим требованиям грамматики. У Есенина — ритм, рифма, повторение одних и тех же звуков (**золото — запах; золото — холодное — луны; голубой — ласковый; олеандра — левкоя**); у Сапожникова ничего похожего на это нет. И самое главное — все эти особенности в определенной мере типичны для всяких стихов и всякой научной книги. Следовательно, поэтическая и научная речь — это разные виды речи. Даже один и тот же человек в зависимости от условий пользуется разными видами речи. Сравните хотя бы речь монологическую (например, лекцию, доклад, рассказ учителя на уроке) и речь диалогическую, когда собеседники обмениваются вопросами, ответами, краткими репликами, иногда не высказывая до конца свою мысль и понимая друг друга с полуслова.

Можно выделить и другие виды речи, например речь устную и письменную.

Внутренняя речь — тоже вид речи. Этим термином ученые называют речь, не произносимую вслух, а существующую только в нашем мозге. Это такая речь, которую мы обращаем к самим себе. Допустим, вы не выучили урока. Учитель берет журнал и смотрит, кого бы ему вызвать. Вы говорите себе мысленно: «Хоть бы меня не спросил». Это и есть внутренняя речь, и даже очень характерный для нее случай — когда в предложении нет подлежащего. Оно для внутренней речи обычно и не нужно: ведь то, о чем мы думаем, в таких случаях у нас перед глазами или, по крайней мере, достаточно ярко представляется нам.

Впрочем, внутренняя речь, хотя она и беззвучна, не так уж отличается от речи внешней, звучащей. И та и другая управляются одними и теми же речевыми механизмами.

Владеете ли Вы русским языком?

Не спешите отвечать на этот вопрос утвердительно. Все зависит от того, что понимать под «владением» языком.

Начнем с того, что русским языком во всем богатстве его грамматики и особенно словаря вообще никто не владеет. Количество слов в современном русском литературном языке приближается к 100 тысячам. Но если мы возьмем количество слов, употребляемых даже самыми крупными русскими писателями, то оно далеко не будет достигать этого числа. Например, Пушкин, к произведениям которого сейчас составлен

полный словарь, употреблял «всего-навсего» 21 тысячу слов.

Дело даже не в этом. Владеть языком — значит максимально использовать все выразительные возможности, скрытые в нем; уметь вложить даже в самый малый запас слов, выражений все, что можно в него вложить; уметь понять сказанное так, как оно было сказано. Все это не так просто.

В процессе овладения языком одни и те же результаты могут достигаться разными способами. И ребенок, который учится говорить и уже правильно употребляет звуки и грамматические формы, совершенно необязательно пользуется при этом точно тем же механизмом, что мы с вами.

Когда ребенку исполняется год три — год четыре месяца, он говорит многие слова как будто уже правильно. Но если для нас важно ясно различать похожие слова — именно «кошка», а не «кашка», именно «сало», а не «зала», то ребенок этого возраста, наоборот, усвоив какие-то слова, подгоняет все новые слова под уже знакомые образцы. Поэтому совершенно разные слова начинают у него звучать очень похоже.

В следующие полгода ребенок выучивается различать похожие слова. Но он их различает не потому, что понимает, в чем разница, а только потому, что знает от взрослых, что это разные слова. И только в начале третьего года жизни он овладевает фонетикой родного языка настолько, чтобы не только ясно различать слова, но и понимать, в чем их различие.

А разлагать слова на составляющие их звуки он обычно так и не может научиться до 6–7 лет, иногда до самого поступления в школу. Первоклассники, например, часто не умеют выделить в слове гласные и на вопрос, из каких звуков состоит, скажем, слово «корова», говорят: **к, р** и **в** или **ка, ро, ва.** Но чтобы научиться писать и читать, необходимо уметь разлагать слова на звуки; поэтому все грамотные люди делают такой анализ безошибочно.

Интересно, однако, что в китайском языке дело обстоит не так. Китаец, даже грамотный (знающий иероглифы), если он не знаком с письменностью типа нашей, т. е. с письменностью буквенной, не осознает внутри слога гласный звук.

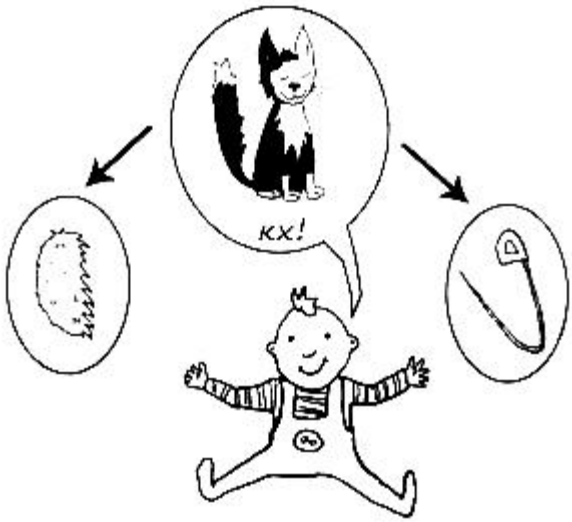
Значит, есть основание думать, что если бы мы тоже пользовались иероглифической, а не буквенной письменностью (т. е. обозначали бы не отдельные звуки, а целые слова), то, быть может, не умели бы, даже и будучи взрослыми, разлагать слоги на звуки.

Похожее развитие замечается при овладении грамматикой. Какое-то время ребенок правильно употребляет грамматические формы, но они еще изолированы в его мозге, как если бы это

были отдельные слова. Лишь потом он начинает понимать, что «столу» и «кошке» — это формы, имеющие одинаковую грамматическую характеристику, а «кошка», «кошки», «кошке» и т. д. объединены в языке в единую систему.

Но особенно важно развитие значений слов. Оно было исследовано в начале 30-х годов советским психологом Л. С. Выготским. Вот что у него получилось.

Оказывается, когда дети разного возраста употребляют даже одни и те же слова, они связывают с ними совершенно разное содержание. Самый маленький ребенок беспорядочно объединяет предметы под одной «шапкой», под одним именем по самым случайным признакам. Например, одно и то же слово (или, вернее, один и тот же звук «кх»), обозначающее кошку, ребенок применяет также к меху (потому что он мягкий) и к булавке (потому что она царапает). Затем образуется, как говорил Выготский, «мышление в комплексах». Это значит, что ребенок объединяет под одним названием разные предметы, исходя не из того, что у них у всех есть какое-то общее качество (т. е. не производя абстракции), а только из того, что в речи взрослых все эти предметы уже объединены. Выготский сравнивал это с положением в семье, все члены которой носят единую фамилию: мы знаем, что Иван Федорович и Мария Сергеевна — Петровы не потому, что у них есть какие-то внешние признаки, специфические именно для Петровых, а чаще всего просто потому, что кто-то нам сказал, что их фамилия Петровы. И только много позже у детей появляется настоящая абстракция и, следовательно, можно говорить о настоящих понятиях.



* * *

Язык — это не что-то застывшее и неизменное. Он находится в вечном движении, потому что на говорящих людей постоянно действует множество самых различных факторов — и внешних, как говорят, экстралингвистических, и внутренних, собственно языковых. Русский языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ в одной из своих статей удивлялся тому, что, несмотря на такое количество самых разнообразных обстоятельств, обусловливающих изменения в языке, язык изменяется все-таки не очень сильно и сохраняет свое единство. Но ничего особенно удивительного в этом нет. Ведь язык — это важнейшее средство взаимопонимания людей. И если бы язык не сохранял свое единство, то он не мог бы выполнять эту важнейшую функцию.

Язык и разум человека

Предисловие автора

В числе моих опубликованных работ довольно много научно-популярных статей и небольших книг, рассчитанных в основном на школьников средних и старших классов и на молодежь. Кроме той книжки, которая (во втором, исправленном издании) лежит сейчас перед читателем, это книги «Возникновение и первоначальное развитие языка» (научно-популярная серия издательства АН СССР, М., 1963), «Языкознание и психология» (то же издательство «Наука», 1965), «Что такое язык» (М., «Педагогика», 1976), «Путешествие по карте языков мира» (М., «Просвещение», 1981; издание второе, дополненное — 1990), «Мир человека и мир языка» (М., «Детская литература», 1987), «Л. С. Выготский» (М., «Просвещение», 1991), статьи в «Детской энциклопедии» (издание второе), однотомнике «Познание продолжается» (1970), «Энциклопедическом словаре юного филолога» (1984), в различных журналах и газетах, в частности в журналах «Наука и жизнь», «Знание — сила», «Семья и школа», «Литературная учеба».

Данная книга была выпущена в первом издании Издательством политической литературы (М., 1965) в серии «Философская библиотечка для юношества». В последующие годы она выходила в переводах на другие языки: испанский (в Уругвае), литовский, финский, эстонский. Материал этой книги был использован в моей книге «Мир человека и мир языка».

При переиздании книга подверглась очень незначительному сокращению за счет естественных в советское время «реверансов» в сторону марксизма-ленинизма и упоминаний «буржуазной науки» и «буржуазной философии». Но я горд тем, что таких сокращений почти не пришлось делать! Кроме того, в текст внесена — также очень небольшая — чисто редакторская правка.

Я позволил себе сохранить в тексте термины «ЭВМ» (электронно-вычислительная машина) и «кибернетика», дав только сноску в начале соответствующей главы. Сейчас то же называется «компьютером» и «информатикой».

Как ни странно, но книжка эта, процентов на 95 оставшаяся с 1965 года неизменной, продолжает быть актуальной…

А. А. Леонтьев

Заместители языка

Быть или не быть семиотике?

Вы, наверное, слышали о семиотике. Для того чтобы узнать о ней, вам не пришлось, вероятнее всего, читать научных трактатов. Семиотика (общая теория знаков), как и кибернетика, вошла в научный обиход с изрядным шумом. Более того, вне науки — в толстых и тонких журналах, популярных книгах и т. д. — она снискала гораздо большую известность, чем внутри науки, у специалистов по лингвистике, психологии, философии, логике.

«Семиотика — это новая наука, объектом которой являются любые системы знаков, используемые в человеческом обществе», — пишет один известный лингвист. Семиотика, «без сомнения, в близком будущем должна занять первостепенное место в ряду новых наук, определяющих перспективы развития современной науки в целом».

Другие, менее горячие головы осторожно поправляют: «Семиотика как самостоятельная наука еще находится в стадии становления и формирования… Вопрос о предмете семиотики, о сфере применения ее понятий и методов все еще остается дискуссионным»[9].

Что же это за наука, у которой не ясны ни предмет, ни сфера применимости, которая, едва родившись, уже, как русский дворянский недоросль XVIII столетия, «записана в полк», да еще в первую шеренгу?

Наиболее обычный способ передачи сообщений — языковый: мы говорим. Но не единственный. Например, то же самое сообщение можно написать; закодировать азбукой Морзе и передать по телеграфу или простым постукиванием; можно «отмахать» флажковым кодом с мостика корабля, «набрать» условными флагами на флагштоке и т. д. В каждом из этих случаев мы имеем дело со знаковой системой — системой условных знаков, кодирующих, т. е. преобразующих, наше сообщение в новую форму. Виды таких систем, их строение, общее и различное в них в первую очередь и изучает семиотика. Обратите внимание: пока мы говорили только о системах, которые используются для передачи языкового сообщения.

Но есть и другие знаковые системы, тоже изучаемые семиотикой. Например, в обществе существуют правила поведения, этикета: при разговоре со старшим надо встать; здороваясь, неудобно первому протягивать руку женщине или

пожилому человеку; неприлично перебивать собеседника, есть рыбу ножом… Система этих правил — семиотическая, знаковая. Да и обыкновенная игра тоже семиотическая система. Такие знаковые системы не служат для кодирования языкового сообщения, они существуют как бы рядом с языком, дополняя его.

Знаковая? Система?

У всех перечисленных семиотических систем есть что-то общее. Все они являются **знаковыми**, т. е. обозначают для человека больше, чем содержится в материальной, внешней их стороне. (Когда ребенок воображает себя всадником, он скачет не на палочке, а, в сущности, на горячем мустанге и не во дворе, а в прериях; когда я снимаю шляпу, то встретившийся мне человек прекрасно понимает, что я приветствую его, а не просто хочу подставить голову освежающему ветерку.) И все они суть **системы**. (Пиковая дама не просто картинка: она имеет в картах определенную относительную **ценность**, занимает определенное место в иерархии между королем и валетом, король — между тузом и дамой. В другой семиотической системе (игра в «кинга») король имеет другую ценность, хотя мы можем использовать ту же, так сказать, материальную колоду.)

Когда мы говорим, что знаковые системы что-то «обозначают для человека», то это может быть выражено еще и по-другому: они регулируют поведение, деятельность человека. Я должен бежать на вокзал, получив телеграмму: встречай такого-то числа поезд номер такой-то, диктует мне знаковая система азбуки Морзе; я должен подождать, пока собеседник первым со мной поздоровается, — диктует знаковая система этикета; если меня «осалили», я должен сам кого-нибудь «осалить», — диктует знаковая система игры в салочки.

Язык и семиотика

Совершенно очевидно, что и язык тоже может быть представлен как семиотическая система. Ведь и у него, как мы показали в первой главе, есть функция регулирования человеческого поведения, человеческой деятельности. Поэтому в работах по семиотике язык всегда стоит на видном месте. Да, собственно, и начало семиотике положило исследование как раз языка, и лишь впоследствии от языка перешли к другим знаковым системам.

Итак, семиотика изучает язык с точки зрения его регулирующей функции. И другие знаковые системы,

эквивалентные языку по этой функции, тоже служат для регулирования человеческого поведения. Заметьте: такие семиотические системы, как азбука Морзе, флажковая азбука и т. д., **односторонне коммуникативны**, они используются только для сигнализации. Никто не будет ни думать флажковыми сигналами, ни учиться по учебникам, написанным азбукой Морзе.

Существует, правда, одно, но немаловажное исключение — азбука глухонемых и вообще все системы, служащие слепым или глухонемым для сообщения с внешним миром. Таких систем несколько: «язык жестов», так называемая тактильная азбука (когда глухонемой пишет на ладони), у слепых — брайлевский точечный шрифт и т. д. Глухонемые не только **говорят**, они и **думают** жестами. Один из специалистов по речи глухонемых рассказывает, что как-то глухонемой девушке предложили поехать в дальний город на интересную работу. Она попросила разрешения немного подумать и пошла в соседнюю комнату. Когда туда заглянули, то увидели, что она сидит совершенно одна и разговаривает сама с собой жестами, как бы раздумывая вслух. Другой глухонемой заметил: «Я чувствую при мышлении, что пальцы движутся, хотя они лежат спокойно» — совсем как при внутренней речи, когда органы речи хотя и не движутся, но мозг посылает в них импульсы. Но здесь все дело в том, что у глухонемых нет звукового языка и ручной, жестовый язык попросту замещает его во **всех** функциях. Точно так же для слепого брайлевская «грамота» **полностью** замещает письмо. Поэтому мы не будем принимать во внимание таких знаковых систем.

Типичной семиотической системой, эквивалентной языку, является всем нам знакомая система знаков, регулирующих уличное движение. На ней особенно хорошо видно, что ее объединяет с языком именно функция регуляции, а не какая-либо другая. Существует строгое семиотическое описание системы знаков уличного движения, т. е. такое описание, где дан подробный анализ всех возможных сигналов и их сочетаний («единиц плана выражения») в их соотношении с возможными значениями этих сигналов («единицами плана содержания»). Такое описание дал московский лингвист А. А. Зализняк в сборнике «Структурно-типологические исследования».

Сопоставляя язык с другими явлениями по регулирующей (коммуникативной) его функции, семиотики почему-то игнорируют тот факт, что у языка могут быть эквиваленты и по другим функциям. О них нам и предстоит рассказать.

Ближайшие "родственники"

Начнем с того, что язык не единственное средство передачи и усвоения общественно-исторического опыта человечества. Конечно, все достижения духовной культуры можно усвоить только через язык. Но нельзя только по учебнику овладеть, скажем, токарным делом: нужно, чтобы кто-то встал за токарный станок и показал, как на нем работать. Затем уже у станка и вы будете подражать тому, как на нем работал ваш учитель. А ведь умение работать на токарном станке тоже входит в общественно-исторический опыт! И таких его элементов, которые можно усвоить только путем подражания, очень много. Они отнюдь не маловажны: ведь при всем значении теоретической, духовной деятельности не она, а практика, труд в первую очередь делает человека тем, что он есть. Таким образом, у языка имеется очень знатный «родственник» по функции быть средством овладения общечеловеческим опытом — труд. И те, кто сопоставляет языковую, речевую деятельность с трудовой, не так уж неправы; для такого сопоставления никак не меньше оснований, чем для сопоставления языка с другими семиотическими системами.

Нечего и говорить о другом ближайшем «родственнике»

языка по той же «линии» — о письме. В сущности, именно оно, а не язык чаще всего выступает в функции орудия усвоения опыта: мы в своей жизни гораздо больше знаний черпаем из учебников и записей, нежели из лекций и объяснений учителя.

Здесь нужно сразу же уточнить одну важную деталь. Обычно считают, что, когда мы читаем, происходит как бы перешифровка письменных знаков, нечто вроде перевода рукописного или печатного текста на звуковой язык. Но на самом деле это не так. Вернее, так, но лишь для тех, кто только учится читать или читает медленно и неуверенно, т. е. для так называемых малограмотных. В огромном же большинстве случаев дело обстоит гораздо сложнее.

Мы не будем углубляться в описание физиологических механизмов говорения и понимания речи. Но одно нам важно знать: слова, которые мы черпаем из нашей словесной (вербальной) памяти, не хранятся в ней в развернутом виде, со всеми своими звуковыми, грамматическими и семантическими особенностями. Мозг человека устроен экономнее. Еще точно неизвестно, в какой конкретной форме в нем хранятся слова (или, точнее, в каком нервном коде они закодированы), однако уже сейчас ясно, что при говорении сигналы нервного кода пропускаются через сложный механизм развертки, примерно так, как электрический ток пропускается через динамик и преобразуется в слышимую речь — звуковые волны. Лишь тогда получаются слова в привычном их виде. Когда мы строим предложение, то, по-видимому, «одной рукой» орудуем его содержанием, которое возникает в нашем сознании независимо от значений конкретных слов, входящих в предложение (не случайно мы, точно зная, что именно хотим сказать, нередко затрудняемся в выборе подходящих слов!); а «другой рукой» одновременно «черпаем» из вербальной памяти подходящие слова в закодированной форме — своего рода условные значки слов или их «адреса» в вербальной памяти. Принципиально то же происходит и при слуховом восприятии речи, только здесь мы производим не развертывание, а свертывание слов.

Так вот. При чтении тоже происходит свертывание, только свертывается не звуковой образ слова, а его графический образ. Мы читаем не буквами и не сочетаниями букв, а, как правило, целыми словами, тут же переводя их в нервный код. Поэтому звуковой язык и письмо — не оригинал и перевод, а две совершенно равные, сосуществующие в сознании любого грамотного человека знаковые системы.

Рассказ о господине Жи

Для доказательства обратимся к примеру, взятому из китайского языка. Пример привел в своем докладе на конференции по кибернетике, состоявшейся в 1953 г. в Нью-Йорке, живущий в США китайский психолог и лингвист Чжао Юань-жень. Он сочинил небольшой рассказик. Как он выглядит, будучи записан китайскими иероглифами, представлено на рисунке:

А вот его перевод на русский язык: «Поэт из каменного дома господин Жи любил львов и решил съесть десять львов. Этот господин время от времени ходил на рынок, чтобы выбрать львов. Когда он пришел в десять часов на рынок, случилось так, что на рынке появилось десять больших львов. И вот этот господин посмотрел на десять львов и, доверившись силе десяти каменных стрел, заставил десять львов покинуть наш мир. Этот господин подобрал туши львов и направился в каменный дом. Каменный дом был сырой, и он приказал слуге, чтобы тот попытался вытереть насухо каменный дом. После того как каменный дом был вытерт, этот господин стал пытаться съесть туши десяти львов. Когда он ел их, он стал осознавать, что туши этих десяти больших львов были на самом деле тушами десяти больших каменных львов. И он начал понимать, что это в действительности было так. Попытайтесь-ка объяснить, в чем дело».

Можно видеть, что рассказик особыми художественными достоинствами не обладает. Но от него их и не требуется. Во всяком случае, он написан на литературном китайском языке и легко понимается при чтении любым грамотным китайцем.

Однако у него есть одна особенность, которая дает себя знать, как только рассказик начать читать вслух (по-китайски, конечно). Дело в том, что он состоит из **одного и того же слога «жи»**, повторенного подряд 106 раз, правда, с четырьмя разными музыкальными тонами. Поэтому понять рассказик на слух абсолютно невозможно. Перед нами яркий пример относительной независимости письменного текста от его звуковой реализации.

История литературы знает немало интересных случаев, когда такая независимость использовалась для ловкой маскировки истинного содержания произведений:

Гнать и гнать и гнать его!

Цензор этих стихов вслух не читал. А письменный текст его подвел: ведь строка явственно звучит: «Гнать и гнать Игнатьева!» Игнатьев же был петербургским полицмейстером. В том же стихотворении была строка:

Лупят под лопатку ли…

То есть «Лупят подло Паткули» (Паткуль — московский полицмейстер).

Заговорив о письме, нельзя не упомянуть о том, что оно выступает «заместителем» языка не только в функции быть средством усвоения общечеловеческого опыта. У него есть и другая особенность, делающая его частично подобным языку, — письмо может служить для закрепления результатов мышления. В европейских письменностях эта функция письма выступает не очень явно; пожалуй, более всего она сказывается в орфографии — например, различие между двумя словами с одинаковым звучанием в выражениях «наша земля» и «наша Земля» заключается только в противопоставлении строчной и заглавной буквы. По-иному обстоит дело в тех языках, где мы сталкиваемся не со звуковой, а с так называемой идеографической или иероглифической письменностью, т. е. где существует специальный знак для каждого слова или по крайней мере для значащей части слова (морфемы), а не для каждого звука или слога. Мы уже видели на примере рассказа о господине Жи, который ел львов, что китайские иероглифы могут выразить гораздо больше, чем звуковая реализация тех же слов[10].

Конечно, рассказ специально составлен; но и в обычной речевой практике, когда встречается необходимость уточнить, какое из нескольких одинаково звучащих слов имеется в виду, китайцы часто ссылаются на иероглиф. Кстати, если бы в Китае вдруг была введена звуковая письменность — на латинской или русской основе, — это вызвало бы массу осложнений именно из-за того, что все омонимы тогда писались бы одинаково.

Чтобы больше не возвращаться к китайской письменности, укажем еще на одну интересную ее особенность. Она способна не только успешно подменять звуковой язык в функции коммуникации (т. е. регулирующей функции), как и всякая иная письменность, но и полноценно может обслуживать людей в ситуациях, когда звуковой язык им помочь не может. Пример: общение между собой китайцев, живущих в разных районах страны и говорящих на разных диалектах китайского языка. Диалекты различаются очень сильно: кантонец не понимает на слух шанхайца, а оба они не могут договориться с пекинцем. Слово «жэнь» (человек) пекинец произносит «жэнь», шаньдунец — «инь», шанхаец — «нин», кантонец — «янь». На различии диалектов построено множество китайских анекдотов. Например, рассказывают, что один школьник, желая сообщить учителю, что в классе 31 человек — «цзяоши-ли сань-шингэ жэнь», — произнес фразу по нормам своего родного диалекта, так что получилось: «в классе убит один человек». И вот оказывается, что для грамотных китайцев из разных районов Китая (если они специально не изучали пекинский, литературный, вариант китайского языка) единственным способом понять друг друга являются иероглифы, которые в затруднительных случаях «пишут» пальцем на ладони. Образованные вьетнамцы, корейцы, даже японцы могут, совершенно не понимая китайского языка, общаться при помощи китайских иероглифов. И. Г. Эренбург в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» вспоминает: «На заседаниях Всемирного Совета Мира я несколько раз видел, как пожилые вьетнамцы переписывались с китайцами и корейцами — разговаривать они не могли, но иероглифы понимали»[11].

И наконец, у письма есть еще одна функция, объединяющая его с языком (ее можно назвать орудийной), — способность выступать в качестве средства, орудия мышления.

0 различных «психологических орудиях» в свое время много писал Л. С. Выготский. Мы остановимся лишь на нескольких «психологических орудиях» из числа описанных Выготским и его учениками (А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьевым), и в первую очередь на так называемых мнемо- технических средствах.

Простейший способ выучить эскимосский язык

Мнемотехнические средства — вспомогательные приемы для запоминания. В качестве такого средства может выступать и часто выступает язык. Вот, например, как описывает психолог П. П. Блонский процесс запоминания эскимосского слова «тингумиссаралуарлонго»: «Прочитав про себя данное слово, я, не глядя на текст, попробовал повторить его. Репродуцирование вышло так: «тингу…лонго»…

Тогда я обратился как раз к неудавшейся мне середине слова. Почти сразу я узнал здесь знакомое мне, и неудавшаяся мне при репродукции середина «миссаралуар» представилась мне как «мис-сар-луар», причем было сознание, что мисс — английская miss, Сар — Саар, которое я обычно произношу как «Сар», и луар — Луара…

Узнав в этих слогах знакомые слова, я опять, не глядя на текст, попытался воспроизвести данное слово и потом проверил. Оказалось, что все репродуцировано правильно, кроме одного: вместо «саралуар» я сказал «сарлуар». Тогда я уже сознательно и преднамеренно применил поправку, чтобы не пропускать в будущем «а»: я эту середину осознал как «мис-сара-луар», т. е. «Мисс Сара» — «луар»…

Через 20 минут после этого я снова попытался вспомнить слово. Оказалось, что теперь, наоборот, я безошибочно воспроизвел… середину слова, а начало и конец его забыл. Тогда я обратился снова к чтению слова, сосредоточив внимание на начале и конце его. Очень скоро я узнал в конце «лонго» знакомое

латинское слово, и с тех пор всегда удачно воспроизводил и конец, в первое время иногда немного сбиваясь в последней гласной (о-е). Но начало слова «тингу» мне упорно не удавалось запомнить…» Понятно, почему: Блонский не мог его связать ни с каким знакомым ему словом.

Таким образом, язык **опосредствует** запоминание, является **орудием** запоминания. Но таким орудием может быть не обязательно язык. У одного из самых отсталых народов на земном шаре — у туземцев Австралии — употребляются так называемые «жезлы вестников». Это круглые палки или деревянные дощечки, которые дают с собой в путь гонцу, посылаемому одним племенем другому племени или одним человеком другому человеку. На них нанесены зарубки. Гонец связывает с каждой зарубкой определенную часть сообщения. На рисунке воспроизведены два таких «жезла».

В Западной Африке профессиональные сказочники пользуются фигурками; каждая фигурка обозначает определенную сказку, и, перебирая по одной фигурке, рассказчик не боится пропустить какую-либо из сказок. А вот еще пример — из воспоминаний известного путешественника и писателя, исследователя Уссурийского края, автора «Дерсу-Узала» В. К. Арсеньева. Он рассказывает, как жители одного удэгейского селения, где ему пришлось быть, просили его по возвращении во Владивосток передать русским властям, что китаец Ли Тан-ку притесняет их. Жители селения пошли провожать Арсеньева. «Из толпы вышел седой старик, он подал мне коготь рыси и велел положить его в карман для того, чтобы я не забыл просьбу их относительно Ли Тан-ку», — вспоминает Арсеньев. В сущности, то же самое — узелки, которые мы завязываем «для памяти» на уголках платка. Все это — мнемотехнические средства, эквивалентные языку в ситуации запоминания.

Язык до Киева доведет

А теперь представим себе иную ситуацию. Вам нужно решить мыслительную задачу, заключающуюся в том, чтобы найти кратчайший путь к дому своих знакомых в районе, где вы еще никогда не бывали. В таком случае естественно обратиться к прохожему и спросить: «Скажите, пожалуйста, где такой-то корпус?» Он ответит: «Прямо, второй поворот направо». Ваш интеллектуальный акт, за которым последует осуществление намеченного маршрута на практике, оказывается опосредствованным языком: язык выступил как орудие мышления, в данном случае — планирования маршрута на

местности.

Именно эта функция языка отражается в известной пословице: «Язык до Киева доведет».

В той же функции может выступить и письмо. Например, приглашая вас в гости, знакомые могли вам продиктовать: сойти на такой-то остановке, идти прямо, второй поворот направо. И, сойдя с троллейбуса, вы уже не станете беспокоить прохожих, а будете сверяться со своей записной книжкой.

Если знакомые пригласили вас не по телефону, а лично, они могли взять у вас записную книжку и начертить схему, как пройти. Советский психолог Ф. Н. Шемякин, который специально занимался проблемой того, как представляют себе люди маршрут движения и как чертят схемы маршрута, выяснил, что все они делятся на две группы. Одни из них чертят схему, так сказать, субъективно, с определенной позиции, с определенной точки зрения, нарушая и ориентировку ее по странам света, и масштаб. Чтобы «привязать» план города к местности, им нужно поворачивать его до тех пор, пока взаимное расположение улиц не будет соответствовать тому, что они мысленно «видят» со своей точки зрения. Шемякин назвал такой способ способом «прослеживания пути». Почему-то, по моим наблюдениям, к этой группе относятся главным образом женщины. Другие чертят схему «объективно», сразу правильно ориентируя ее, находя правильный масштаб и рисуя **не свой путь по местности**, а **самую местность**; лишь потом на схему местности наносится требуемый маршрут (способ «обозрения»).

Начерченные вашими знакомыми схемы (планы), как и язык, **опосредствуют** деятельность. Они позволяют передать бумажке тот груз, который в противном случае пришлось бы взвалить на мышление, память. И в той ситуации, в которой мы нуждаемся в помощи плана, он оказывается полностью эквивалентен «языку», который «до Киева доведет».

Интересно, что, если взглянуть в прошлое картографии, там можно обнаружить оба пути, установленных Ф. Н. Шемякиным. Правда, на дошедших до нас картах и в большинстве географических сочинений мы сталкиваемся уже с настоящей картографией. Но античные географы, описывая ту или иную местность, обычно как бы двигались по этой местности. «Выше персов к северу живут мидяне, над мидянами саспейры, над саспейрами колхидяне, простирающиеся до северного моря, в которое изливается река Фасис» (Геродот). «Конечный пункт мавританского побережья — Мулуха, а начинается оно мысом, который греки называют Аппелусий. Затем следует очень высокая гора Абила, прямо против которой на испанском берегу возвышается другая гора — Кальпе. Обе горы называются Геркулесовыми Столбами… Восточнее Геркулесовых Столбов море становится шире и с большой силой оттесняет сушу» (Помпоний Мела). И понятно: ведь в основе древних «географий» лежат, как правило, путевые дневники путешественников — моряков, купцов, воинов.

Впрочем, иногда тот же «маршрутный» подход отражался и на самих картах. Например, существуют так называемые «Певтингеровы таблицы» — карта Римской империи, состоящая из отдельных полос — дорог с прилегающими к ним местностями. Такие карты называются в исторической географии итинерариями или дорожниками.

Древние и средневековые картографы, если и наносили на карту сведения, которые не были остро необходимы для ориентировки, то делали это случайно, без какой-либо системы. Чаще же всего то, что они имели сказать по поводу той или иной

местности, просто прилагалось к карте в виде так называемой «легенды» («то, что надо прочесть»); впрочем, сведения были обычно отрывочными и бессистемными. А так как, чем дальше, тем больше оказывалось возможным сказать по поводу каждого кусочка карты, то карты стали получать специализацию. Вместо того чтобы снабжать карту подробными комментариями или же надписывать на ней, как средневековые географы: здесь то-то, чертят несколько карт. На одну наносят, скажем, только рельеф (физическая карта), на другую — названия и расселение племен и народов, на третью — плотность населения и т. д. Теперь уже нельзя путешествовать с одной картой, получая от нее все необходимые сведения: она, конечно, «доведет до Киева», но по дороге вы сможете узнать не так много. Если же вы заинтересованы в том, чтобы в каждый момент путешествия представлять себе во всех подробностях и деталях, где вы находитесь и что находится кругом вас, то вам придется брать с собой целый атлас.

Раньше интересы путешественника были уже, и можно было вкратце изложить все, что было ему необходимо. Теперь картограф никак не может предугадать, что может потребоваться путешественнику (независимо от того, путешествует ли он в действительности или, как большинство из нас, только мысленно), и подготавливает для него целую кладовую сведений, из которой берется только то, что призвано опосредствовать конкретный интеллектуальный акт мышления. Но функция любой из карт остается все та же: давать сведения, необходимые для того, чтобы решить ту или иную мыслительную задачу, связанную с движением по поверхности земного шара — реальным или воображаемым.

Путеводитель по радиоприемнику

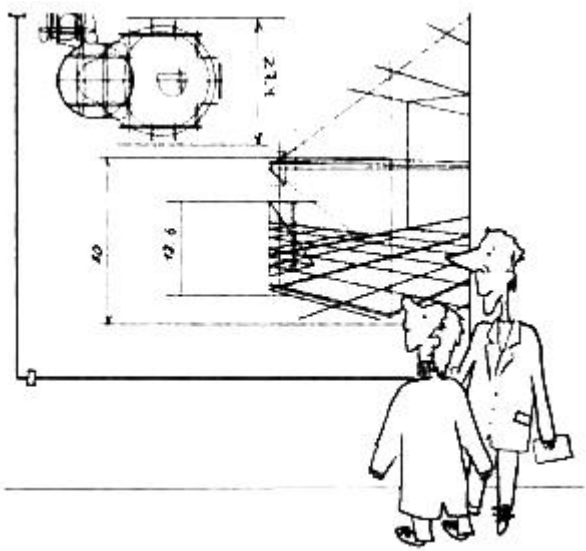
Если карта — чертеж нашего движения по поверхности земли, то чертеж — своего рода карта детали или целой конструкции. Что такое чертеж? Для чего он нужен? У него есть совершенно определенная функция: **опосредствовать творческое мышление** рабочего, техника или инженера, помочь ему в решении мыслительной задачи, которое он призван затем воплотить в дереве, в металле или при сборке отдельных деталей в дом, автомобиль, радиоприемник.

Когда-то чертежей вообще не было. До сих пор мы поражаемся искусству русских мастеров, сумевших буквально на глазок возвести такие бессмертные архитектурные ансамбли, как, например, киевский Софийский собор или деревянные церкви в

Кижах. Все великие сооружения древности и Средних веков: египетские пирамиды и яванский храм Боро-Будур, Парфенон и Колизей, Великая Китайская стена и римские акведуки, дворцы и монастыри, рыцарские замки и городские стены — все строилось без чертежей. Самое большее, если при их строительстве использовались рисунки: вид сверху (прообраз плана) и много позже вид спереди, с фасада. Но, располагая такими рисунками, ничего нельзя было построить в отсутствии архитектора: они могли опосредствовать только его собственное мышление, служить чем-то вроде памятки, лишь напоминающей о замысле, но не воплощающей его в целом.

Только в середине XVIII в. чертежи приобрели современный вид. Это не случайная дата. Если вы вспомните историю, то сразу поймете, почему именно середина XVIII в. — годы промышленной революции, технического переворота, перестройки всей европейской промышленности на новый, капиталистический лад — время рождения технического черчения: резкий скачок в развитии техники требовал большей точности и большей легкости технического планирования. И если раньше только очень высококвалифицированный мастер мог держать «в голове» устройство того или иного механизма, схему сборки прибора и т. д., то теперь практически любой рабочий, умеющий «читать» чертеж (что очень просто), может в кратчайший срок и простым способом вообразить себе, что от него ожидают.

Чертеж во многом напоминает карту, и они вполне закономерно оказались соседями в нашей книжке. Ведь чертеж заменяет словесное описание условий и последовательности изготовления детали. Конечно, можно сказать: «выточить из металла втулку круглого сечения наружным диаметром 34 мм с отверстием круглого же сечения диаметром 30 мм»… и т. д., вплоть до указания границ допустимой неточности (допуска); но зачем так долго и сложно объяснять, если достаточно начертить втулку? А некоторые детали, не говоря уже о целых механизмах, просто невозможно описать с достаточной точностью словами. Пример: хотя бы форма железнодорожного рельса.



У чертежа есть еще одна особенность, роднящая его с картой. План-схема маршрута, как мы помним, может быть двух видов: «как идти» или «где идти». Так и в технике. Чертеж — эквивалент настоящего плана или географической карты. На нем обозначено все, что нужно и не нужно в данном конкретном случае, для данного интеллектуального акта: он содержит всю информацию, которая потенциально может потребоваться. Но наряду с чертежами употребляются и эквиваленты «планов-маршрутов». На них не обозначено до мелочей все, кто касается каждой детали, и даже не указывается реальное взаиморасположение деталей внутри постройки или механизма; они служат лишь для того, чтобы показать, что с чем и как нужно соединять, чтобы получилась данная конструкция. Вы, конечно, уже и сами можете привести пример таких «планов-маршрутов» в технике: это радиосхемы, с которыми каждый из нас сталкивался. Они, как и чертежи, служат вполне определенной цели; их функция — быть «путеводителем» при сборке радиоприемника, при протягивании электропроводки и т. д.

Чувства — Глаза — Луна

Одним словом, чертежи, радиосхемы и родственные им условные рисунки, как и географические карты, являются орудием мышления— «психологическим орудием», по словам Л. С. Выготского, и средством регулирования чужого и своего собственного поведения.

Ну а, скажем, цифры? Конечно, и цифры, как и другие математические символы, тоже относятся к числу

психологических орудий, вспомогательных средств, помогающих решить определенную мыслительную задачу.

Мы уже говорили в первой главе о том, что счет первоначально был неотделим от конкретных предметов. Когда человеку, считающему по такому принципу, приходится делать вычисления, то он оказывается в очень затруднительном положении. Вот что рассказывает о народе дама, или дамара[12], английский путешественник Гальтон: «Когда совершается торг, за каждую овцу нужно платить особо. Так, например, если меновая цена овцы — две пачки табаку, то любой даммара, конечно, придет в большое затруднение, если взять у него две овцы и дать ему четыре пачки. Я раз поступил таким образом и видел, как мой продавец отложил особо две пачки и глядел через них на одну из овец, которых он продавал. Убедившись, что за эту было честно заплачено, и найдя, к своему удивлению, что в руках у него осталось именно две пачки в уплату за вторую овцу, он начинает мучиться сомнениями, пока ему не вкладывают в руку две пачки и уводят одну овцу и затем дают другие две пачки и уводят другую овцу…» Секрет здесь, конечно, не в какой-то редкостной тупости народа дамара, а в том, что они никогда не сталкиваются в своей практике с меновой торговлей.

Им просто не приходилось попадать в такого рода ситуацию, и они в ней теряются.

Итак, на первой ступени в развитии счета и вычисления каждое число имеет свою «индивидуальность». На второй ступени такую «индивидуальность» имеют лишь узловые числа. Например, в нашей десятичной системе 1, 10, 100… Впрочем, существуют еще так называемые алфавитные системы нумерации. К ним относилась и древняя славянская. В ней специальные знаки были не только для 1, 10, 100, но и для 2, 3, 20, 30, 200, 300 и т. д. — соответственно словам: «двадцать», «тридцать», «двести»… Алфавитная система нумерации сохранилась — как своеобразный пережиток — и поныне: мы часто нумеруем тезисы, параграфы, вопросы не **1), 2), 3)**, а **а), б), в)…**

Если по-древнерусски число, скажем, 1936 обозначалось как АЦЛS, т. е. 1000 + 900 + 30 + 6 (тысяча-девятьсот-тридцать-шесть), то в системах, где собственные обозначения имелись лишь у узловых чисел, приходилось тратить гораздо больше знаков, но зато и удобнее было считать. Например, по-древнегречески это число выглядело ΧΡΗΗΗΗΔΔΔΓΙ, т. е. 1000 + 500 + 100 + 100 + 100 + 100 + 10 + 10 + 10 + 5 + 1 (у греков, в отличие от нашей системы, в качестве узлового числа выступают еще пятерка и кратные ей числа)[13]. Такому счету «по узловым числам» соответствует устройство общеизвестного прибора — русских

счетов. Примерно так же считают некоторые негритянские племена в Южной Африке. У них для счета нужны три человека. Мимо одного из них проходят один за другим быки, и для каждого быка загибается палец. Как только счетчик загнет все десять пальцев, второй счетчик загибает один палец, обозначив таким образом десятки. Когда же не хватит пальцев и у второго счетчика, вступает в дело третий, специализирующийся на сотнях. На островах Тихого океана используют для этой же цели камешки или куски скорлупы кокосового ореха — маленькие для десятков, большие для сотен.

Наша, так называемая позиционная система счисления и записи менее «очевидна» и требует известной условности. Она возникла, по-видимому, в Древней Индии, откуда мы через посредство арабов заимствовали не только самую систему, но и арабские цифры. Причем вот что любопытно: историки математики обнаружили, что у древних индусов еще до появления позиционной записи существовала словесная система обозначения чисел, употреблявшаяся преимущественно в научных трудах. Строго говоря, были даже две системы. Одна сокращенная. В ней каждое число обозначалось названием предмета, который обычно встречается в данном количестве (например, единица обозначалась словом «луна», 2 — «глаза», 5 — «чувства»). И число 125 читалось как «чувства-глаза-луна». Другая была более строгой: в ней существовали специальные слова для всех разрядов вплоть до 10^{16}, и, скажем, число 1936 читалось по-древнеиндийски «одна тысяча девять сотен три десятка шесть».

Легко видеть, что здесь встретились два принципа: принцип «мультипликативности», т. е. представление, скажем, 900 как 9x100, 30 — как 3x10 и т. д., и собственно «позиционный» — принцип линейного расположения цифр, соответствующих последовательным разрядам: 5-2-1 (или, что то же самое, 1-2-5). Наша система нумерации своего рода гибрид двух принципов.

Почему же она, несмотря на меньшую наглядность, вытеснила все прочие системы и единовластно воцарилась в математической теории и практике? Как пишет советский историк математики В. И. Лебедев, «причина довольно простая. Нумерации: словесная, азбучная, римская, клинообразная и т. д. — являются пригодными только для **записывания результата исчисления**; наша система способствует с удивительной силой самому выполнению счета. Попробуйте перемножить.

DCXXXII
x CCLXXIV

— римские обозначения помогут мало»… Проще с алфавитными системами, но они тоже не слишком удобны. Чтобы перемножить, скажем, 13х18, в алфавитных системах (византийской, славянской) считали так:

13 х 18 = (10 + 3) х (10 + 8) =
= 10 (10 + 8) + 3 (10 + 8) =
= 100 + 80 + 30 + 24 = 234.

Подумайте, сколько вычислений пришлось бы делать, для того чтобы помножить 132 на 186! Причем все промежуточные операции, такие, как 3 х 10 или сложение 100 + 80 и т. д., делались в уме, без «бумажки». Учитывая, что еще в XVI в. теорема Пифагора, например, называлась «ослиным мостом» и воспринималась как верх математической сложности, легко себе представить, как мучились наши бедные предки с подобными вычислениями!

Мы не будем углубляться далее в историю. Обратим внимание лишь на одну важную особенность. Раньше люди не **считали** с помощью цифр. Они лишь **записывали** числа с их помощью. А считали или при посредстве каких-то предметов, сгруппированных в «кучки» известного размера (пальцы, камешки, косточки счетов), или при помощи языка, который, в сущности, копировал счет по пальцам или по другим предметам. Н. И. Миклухо-Маклай описывает способ счета у папуасов так: «Папуас загибает один за другим пальцы руки, причем издает определенный звук, например «бе, бе, бе»… Досчитав до пяти, он говорит «ибон-бе» (рука). Затем он загибает пальцы другой руки, снова повторяет «бе, бе»… пока не доходит до «ибон-али» (две руки). Затем он идет дальше, приговаривая «бе, бе»… пока не доходит до «самба-бе» и «самба-али» (одна нога, две ноги). В очень многих языках обозначение чисел как раз восходит к подобной манере счета. Скажем, на языке негров зулу «8» буквально значит «согни два пальца», «9» — «согни один палец» (если считать одной правой рукой и начиная с 6 по одному разгибать пальцы). Так вот. Счет развивается, как правило, от предметов к обозначающим их словам и затем к обозначающим слова знакам — цифрам. Язык позволяет удобно считать предметы, но при его помощи затруднительно вычислять — складывать, вычитать, а тем более умножать и делить. Для этого цифры несравненно удобнее.

С птичьего полета

А теперь вернемся назад и взглянем на другие вспомогательные средства мышления и вообще на эквиваленты

языка в человеческой деятельности. Легко видеть, что все они делятся на две группы. А именно: одни из них с самого начала совершенно самостоятельны и лишь впоследствии начинают сочетаться с языком, а затем язык все более и более вытесняет их. Таковы труд в роли передатчика человеческого опыта, мнемотехнические средства. Но есть и другие «заместители» языка, которые, чем дальше, тем больше вытесняют язык в той или иной его функции и становятся на его место, — планы и карты, чертежи, система цифрового обозначения чисел и т. д. Кстати, в различных языках сейчас происходит один и тот же очень любопытный процесс: вместо того чтобы называть числа так, как «положено» по нормам языка, начинают просто перечислять названия цифр, образующих данное число при позиционной записи.

Но хотя цифровые и другие условные знаки для чисел и операций над ними все больше и больше вытесняют язык как орудие счета, он остается все же — пусть на заднем плане — главным действующим лицом. И нельзя научиться высшей математике, не сталкиваясь со словесным определением основных математических понятий, словесной формулировкой аксиом, теорем, постулатов. Другой вопрос, что, занимаясь математическими вычислениями, мы можем как угодно высоко воспарить в небеса абстракции и не мыслить себе никакого реального звучания математических формул; но все равно мы продолжаем стоять на почве языка, и наши представления формул — те же самые образы-мысли, с которыми мы сталкивались в первой главе, когда говорили о внутренней речи. «…Все хорошо отработанные мысли требуют слов», — говорит известный английский философ Б. Рассел.

В этой главе мы рассмотрели различные явления, которые частично совпадают по функции с языком, — семиотические системы, выступающие в функции **регулирования человеческого поведения**. Труд и письмо наряду с языком используются как **средства усвоения общественно-исторического опыта**; то же письмо — как **средство закрепления результатов мышления**; мнемотехнические средства, планы и карты, чертежи и схемы, наконец, цифровые обозначения — как **орудия мышления** и **средства регулирования**. Причем некоторые из заместителей языка вытесняют его, другие же сами вытесняются языком.

Если мы вернемся к началу этой главы, и посмотрим, какие функции способен выполнять язык, то увидим, что в нашем перечне его заместителей отсутствуют заместители по одной, самой важной его функции. Мы говорим о способности языка

быть **орудием познания**.

Что познавали мореплаватели?

Но разве нельзя узнать новое без помощи языка? Сфотографировали же обратную сторону Луны и начертили карту. Где же здесь-то словесное познание? Или вот пример попроще: простая географическая карта Европы с изломанной береговой линией, испещренной впадинами и выступами. Разве, чтобы изучить береговую линию, необходим язык?

Возражение серьезное.

Начнем с Луны. Здесь читатель явно и несомненно ошибается. Ведь карта обратной стороны Луны не сама собой возникла на экране телевизора или на фотопленке. Астрономы — или, лучше сказать, астрографы — увидели не карту, а нечто вроде аэрофотоснимка, где каждую деталь еще нужно интерпретировать. И вот каждое пятнышко относилось к определенному, закрепленному языковым ярлычком классу явлений: кратер, впадина, гора, трещина в поверхности Луны. И только после этого все особенности рельефа были нанесены на карту.

А как обстоят дела с нашей Землей? Действительно, является ли наше познание особенностей береговой линии Европы словесным? Нет. Но не спешите ловить автора на слове. Оно не только не является словесным — **оно и не познание**.

Познание всегда прибавляет сведения в общественно-исторический опыт человечества, откладывает в общественную сокровищницу какие-то ценности, добытые наукой, или практикой, — ценности, которые наука или практика может в дальнейшем почерпнуть из сокровищницы.

Можно ли сказать, что кому-то необходимо было выяснить форму береговой линии Европы? Нет. Исследовалась и передавалась совсем не она, а **вся совокупность особенностей побережья**. С каждым новым плаванием вдоль европейских берегов, начиная с полулегендарного грека Пифея, мореплаватели все больше узнавали о побережье, и оно представало для них сразу же не как абстрактная геометрическая кривая, а как совокупность мысов и полуостровов, островов и рифов, заливов и бухт, отмелей и скал. Недаром первое, что делает всякий путешественник, попадая в неизвестную страну, — дает названия всем сколько-нибудь существенным географическим ее особенностям. Дело здесь совсем не в том, какие он дает названия, а в том, что он их дает всегда совершенно определенным участкам побережья — заливам, мысам, полуостровам и т. д.

И в общественно-исторический опыт человечества входит не форма береговой линии, а совокупность необходимых для моряка, вполне изложимых не только в условной, но и в словесной форме сведений о береге. Мы можем временно абстрагироваться от всех сведений, оставив на карте только форму береговой линии, но даже и тогда мы будем воспринимать ее не как кривую, а как изображение Бискайского залива (плюс все, что мы знаем о Бискайском заливе) плюс изображение полуострова Бретань (плюс все, что мы знаем о Бретани), плюс изображение полуострова Нормандия, плюс изображение пролива Ла-Манш…

То, что здесь рассказано, подтверждается данными о восприятии и представлении карты. Психологи выяснили, что представимы только так называемые «географические фигуры» — моря, острова, реки, горы, поскольку они всегда — единые образы, связанные с определенным «ярлычком», и условные знаки (которые, в сущности, лишь сокращенные словесные обозначения и полностью эквивалентны надписям на древних и средневековых картах).

Если заставить нас начертить по памяти хотя бы ту же самую береговую линию Европы, мы встанем в тупик: оказывается, мы совсем не так уж ясно себе ее представляем. Ф. Н. Шемякин пишет: «Взрослым людям может казаться, что они имеют достаточно отчетливый зрительный образ хорошо знакомых им со школьных лет карт. Например. Европы, Северной и Южной Америк, Австралии или таких полуостровов, как Крымский, Апеннинский, Скандинавский. В действительности же, как это было показано опытами М. М. Нудельмана, кажущаяся четкость образа не находится ни в каком соответствии с фактической

передачей его карандашом на бумаге. Выполненные чертежи имеют лишь очень отдаленное сходство с тем, как эти части земной поверхности изображаются на картах Все они схематичны, бедны деталями, имеют большое количество пробелов, а в некоторых частях остаются вообще незаконченными. Образы знакомых карт сохраняются у взрослых людей лишь в очень смутном виде. При попытке восстановитьих в памятивсплывают отрывки зрительных представлений и относящиеся к карте названия, например, городов, рек заливов, полуостровов, горных цепей». И дальше интересное замечание, основанное на опытах со школьниками: «Вычерчивание карты в отличие от ее срисовывания, предполагает применение ряда географических понятий и в соответствии с ними — словесного анализа карты»

Одним словом, поскольку наше познание формы береговой линии является познанием, постольку оно не есть познание именно формы береговой линии.

Конечно, каждый из нас может иметь и свое личное знание. Скажем, я могу увидеть новую звезду. Но мое личное знание не станет общественным **познанием** до того момента, пока я не выражу его словесно — хотя бы написав письмо в Академию наук, что я открыл звезду. Язык, замечает Бертран Рассел, есть «средство превращения нашего личного опыта в опыт внешний и общественный. Собака не может рассказать свою автобиографию; как бы красноречиво она ни лаяла, она не может сообщить вам, что ее родители были хотя и бедными, но честными собаками. Человек же может сделать это и делает это…» Да и для меня самого открытие звезды не станет **открытием**, пока я не осознаю, что в моем поле зрения прибавилась звезда, которой раньше не было. А чтобы осознать, нужно ввести в действие внутреннюю речь.

Путешествие по карте языков мира

Предисловие автора

Я очень люблю эту свою книгу. Она не просто излагает в популярной форме те сведения, которые можно найти в научной литературе по языкознанию: многие мысли, которые в ней высказаны, звучат вообще впервые. Или, вернее, прозвучали, когда книга вышла в 1981 году первым изданием. Выпустило ее издательство «Просвещение». А в 1979 году она была напечатана в трех номерах журнала «Знание — сила» (№ 3, 4, 5) под названием «Миша, Мкртич и Мауи».

Через девять лет, в 1990 году, то же издательство выпустило второе, исправленное и дополненное, издание книги. Причем дополненное довольно сильно. Как и первое, оно мгновенно разошлось, несмотря на стотысячный тираж.

Получив предложение переиздать некоторые мои популярные книги о языке, в том числе и данную, я оказался перед необходимостью исправить текст — на этот раз не дополнить, а, наоборот, сократить его, в основном за счет первой главы. Но основное содержание книги осталось тем же.

А. А. Леонтьев

Декабрь 2003

От автора

Моя профессия — обучение людей иностранным языкам. Английскому, французскому — русских школьников. Русскому — студентов из США и Италии, Польши и Венгрии, Монголии и Мали, Вьетнама и далекого Мадагаскара. И я очень часто сталкиваюсь с тем, что русский школьник не может как следует овладеть иностранным языком, а иностранец — русским, потому что он просто не может представить себе, что кроме его родного языка может существовать какой-то иной, совсем на него не похожий, потому что ему кажется, что в любом языке все должно быть выражено точно так или почти так же, как в его родном. Наши русские школьники не сразу примиряются с тем, что в других языках нет твердых согласных, зато есть не три, а гораздо больше времен глагола. А иностранные студенты ломают себе голову над очевидными для нас с вами различиями между **прыгать, попрыгать, прыгнуть, допрыгнуть, выпрыгнуть и перепрыгнуть…**

Вот почему очень важно не просто изучать грамматику родного языка и иностранный язык, а с самого начала понять: разные языки могут совсем по-иному выразить одну и ту же мысль, одно и то же содержание. И в то же время в основе своей все языки «устроены» одинаково. Для этого надо лишь осмыслить, что общего у русского языка с венгерским, монгольским, вьетнамским, а что совсем иное, неповторимое. Именно для этого и поэтому я решил написать небольшую книжку, которую вы сейчас читаете.

Чтобы ее понять, не нужно никаких особых знаний. Нужно только вот что:

— знать грамматику русского языка в объеме школьного учебника пятого класса;

— знать латинские буквы, то есть буквы английского, немецкого или французского алфавита. Потому что слова тех языков, которые пользуются латинскими буквами, мы не будем «переписывать» русскими;

— читать книжку не отдельными кусками, а страница за страницей — от начала до конца;

— при этом думать!

Последнее особенно важно.

В книжке упоминаются самые различные языки. О многих из них вы, вероятно, никогда не слышали. Это и неудивительно: о них не слышали порой и ученые-языковеды, конечно, если они не занимаются специально языками Африки, Америки, Океании.

Ну вот, кажется, и все. Теперь можно приступать и к чтению самой книжки. Счастливого пути, путешественники по карте языков мира!

Ваш проводник — профессор Алексей Алексеевич Леонтьев

Несхожие братья

От имени науки

Теперь, когда вы приступили к чтению этой книги, мне хочется сказать еще несколько напутственных слов.

Популярные книги, то есть книги для неспециалистов, пишутся по-разному. Одни предназначены для развлекательного чтения. Они как бы говорят вам: вот сколько интересного вокруг нас! Но на большее не претендуют — в них ничего или почти ничего не говорится о тех науках, которые занимаются изучением всех этих интересных вещей. Потому что нет ни одной науки, которая занималась бы только тем, что весело, интересно, увлекательно само по себе…

Другие книги говорят от имени науки. Они, конечно, тоже могут быть интересными. Но этот интерес — не в том, **что** изучает та или иная наука, а в том, **как** она это делает.

Наука — вообще очень увлекательное занятие. Кто не мечтал или не мечтает сделать какое-нибудь великое открытие или изобрести нечто необходимое людям? Так вот, наука вся состоит из открытий и изобретений. Пусть эти открытия касаются, казалось бы, совсем незначительных вещей, например истории одного слова и даже одного звука. Такие открытия совсем не обязательно сделают вас знаменитым, если не считать узкого круга ученых, которые занимаются теми же проблемами. (Один мой знакомый, работавший в издательстве «Наука», любил говорит ученым: «Вашу книгу ждут во всем мире…» Здесь он делал небольшую паузу, а затем прибавлял: «…одиннадцать человек».) Но все равно это — открытия. И как же счастлив человек, который всю жизнь, можно сказать, каждый день делает открытия!

Почему-то романтическими считаются такие профессии, как летчик, космонавт, моряк дальнего плавания, геолог… Между тем самая большая романтика — в повседневном труде ученого. Ведь ученый — это тот человек, которому общество, человечество поручает узнавать новое об окружающем нас мире и о нас самих.

Правда, далеко не всегда его открытия правильно оцениваются современниками.

Во второй половине XIX века во Франции работал молодой швейцарский ученый по имени Фердинанд де Соссюр (1857–1913). Ему было 20 лет, когда он написал небольшую книгу под названием «Мемуар о первоначальной системе гласных в

индоевропейских языках». Мы еще много раз будем говорить, что такое «индоевропейские языки», сейчас же нам достаточно знать, что когда-то существовал язык («общеиндоевропейский»), из которого развились в дальнейшем и русский, и немецкий, и латынь, и греческий, и армянский, и языки Ирана, Пакистана, и Северной Индии (это и есть индоевропейские). Так вот, юный де Соссюр, сопоставляя слова разных языков, «вычислил», что в общеиндоевропейском языке были два звука, которые не сохранились ни в одном из известных нам индоевропейских языков.

Большинство ученых если и прочитало книжку де Соссюра, то сочло ее чепухой. Только столь же юный польский языковед Николай Крушевский (1851–1887), заброшенный судьбой в далекую Казань, и еще два специалиста согласились с выводами де Соссюра. А самые знаменитые тогдашние ученые назвали труд юного Фердинанда «незрелым», «недоношенным», «в корне ошибочным», «по существу несостоятельным»… В общем, решили, что вычисленные им звуки — досужая выдумка.

…Прошло почти пятьдесят лет. Де Соссюр достиг преклонного возраста и умер малоизвестным. Незадолго до смерти он трижды прочитал в Женевском университете, где был профессором, курс общего языкознания. В первый год к нему пришло всего 6 слушателей, во второй — 11, в третий, последний — целых 12! Как можно видеть, студенты на лекции де Соссюра, мягко говоря, не ломились.

А дальше начались поистине сказочные события. У Соссюра были два близких и любимых ученика — Альбер Сешэ и Шарль Балл и, кстати, ставшие очень известными учеными. В память своего учителя они решили издать его лекции, собрав записи студентов и самого де Соссюра и восстановив на их основе текст курса. Назвали эту книгу «Курс общей лингвистики». Она вышла в свет в 1916 году.

Книга мгновенно сделала имя де Соссюра знаменитым среди языковедов всего мира. И примерно в то же время были впервые расшифрованы надписи на одном из древнейших индоевропейских языков — хеттском. Молодой в эти годы польский языковед Ежи Курилович (1895–1978) стал всесторонне анализировать звуки этого языка. И можно представить себе его удивление и восхищение, когда он обнаружил среди них оба звука, «вычисленных» за полвека до этого де Соссюром в его «Мемуаре…»!

Только тогда и стало ясно, что «незрелое» и «недоношенное» рассуждение юного швейцарца было на самом деле великим открытием. И сделано оно было потому, что де Соссюр уже тогда

прилагал к изучению языка те мысли, которые собрал и изложил ученикам в единой системе только в последние годы жизни, в «Курсе…».

…Так вот, та книга, которую вы сейчас читаете, как раз и написана от имени науки. Я попытался написать ее так, чтобы вы все время делали открытия вместе со мной. Пусть маленькие. Чтобы вы поняли, а главное, почувствовали, как увлекательно исследовать языки, узнавать о них новое, и одновременно глубже понимать наш с вами родной язык — русский! И чтобы вы получили представление о том, как это делается в настоящей языковедческой (лингвистической) науке.

Поэтому я не боюсь употреблять в этой книге «настоящие», серьезные научные понятия и термины. Можно было бы, конечно, обойтись и совсем без них, но зачем? В крайнем случае — если какой-нибудь из этих терминов покажется вам слишком трудным, вы его пропустите. Ведь эта книга — не учебник, где надо заучивать все определения: имя существительное — это то-то и то-то, а сказуемое — то-то и то-то.

…Мне, автору этой книги, очень повезло. Когда я был студентом и совсем молодым, начинающим языковедом (это было в 50-60-е годы), меня окружали ученые потрясающих знаний и широчайшего кругозора, ученые, имена которых были известны всему миру. У них было чему поучиться. Среди них были академик Виктор Владимирович Виноградов, крупнейший в мире специалист по русскому языку, и академик Николай Иосифович Конрад, знаменитый китаист и японист. Был академик Виктор Максимович Жирмунский, замечательный знаток теории стиха и в то же время — выдающийся специалист по немецкому языку, его истории и различным диалектам (разновидностям). Но больше всего я обязан профессору Сергею Игнатьевичу Бернштейну. Это был человек нелегкой судьбы, в чем-то повторивший судьбу де Соссюра, хотя, конечно, я далек от мысли сравнивать масштаб их дарования и то влияние, которое они оказали на развитие науки. Сергей Игнатьевич не был ни академиком, ни даже доктором наук. Почти все его книги не были изданы при его жизни, не опубликованы они и сейчас. Но он передал все, что знал, множеству своих учеников. Среди них был и я.

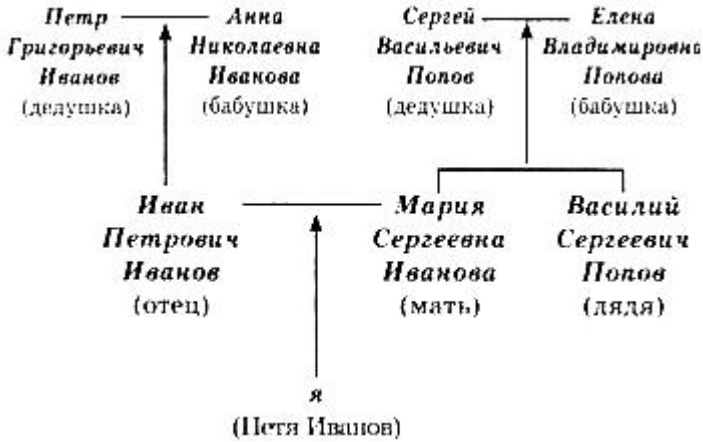
Мне бы очень хотелось, чтобы Сергей Игнатьевич прочел эту мою книгу. (Увы, это невозможно: его нет в живых уже двадцать лет.) То, что в ней написано, — это развитие и продолжение его мыслей.

А теперь начнем обещанное путешествие.

Родословное дерево языков и как его составляют

Что такое «родословное древо», вы, наверное, знаете. Во всяком случае мои сверстники, да и я тоже, в подростковом возрасте очень любили рисовать такие «древа», или, проще, деревья. У самого корня пишете свое имя и фамилию. Затем ведете кверху линию: у верхнего ее конца пишете имя, отчество и фамилию вашего отца и вашей матери. От каждого из них ведете еще линию: это будут ваши дедушки и бабушки. Если у вас есть дядя, значит, от бабушки и дедушки надо провести не одну линию — к вашему отцу или матери, а две. И так до тех пор, пока вы не дойдете до самого первого из известных вам ваших предков. Обычно на прадедушках и прабабушках все и заканчивается.

Выглядит это дерево примерно так:



Иван Петрович, Мария Сергеевна, Петр Григорьевич, Анна Николаевна и все прочие — ваши родственники.

Мы уже видели в начале этой главы, что и языки могут быть «родственниками» друг другу. Русский, украинский и белорусский — «дети» древнерусского. Он, в свою очередь, «сын» того языка, на котором говорили все славяне, когда они были еще одним единым народом, жившим на небольшой территории. Правда, ученые спорят о том, где эта территория находилась. Ее ищут и в нынешней Польше, и у подножия Карпатских гор, и в степях Южной Украины. Этот общий язык древних славян так и называется — **общеславянский**.

Поищем более далеких предков. Да мы о них уже упоминали, когда говорили о родстве славянских языков с балтийскими (литовским и латышским). У всех них общий предок по имени **балтославянский язык**. А его «отец» — **общеиндоевропейский язык**, породивший, кроме балтославянского, еще множество

индоевропейских языков. Дальше наша родословная обрывается: о том, что было до общеиндоевропейского языка, мы ничего не знаем. Главное, не знаем, были ли у него свои языки-братья, имеющие общего родителя.

Правда, некоторые подозрения есть. Двадцать лет назад, глубокой осенью, я вместе с небольшой группой друзей хоронил на подмосковном кладбище молодого лингвиста Вячеслава Марковича Иллича-Свитича. Он почти ничего не успел в жизни опубликовать. Но зато успел написать сравнительный словарь разных языков Евразии, которые назвал «ностратическими». Ученые до сих пор спорят, прав он или нет. Очень может быть, что и прав…

А откуда мы вообще можем знать, из какого языка какие языки возникли? Свидетельства о рождении языкам никто не выдает. Хорошо, если можно шаг за шагом проследить, например, по древним рукописям, надписям, как из одного языка получился другой. Скажем, из латинского языка древних римлян — современные испанский или французский. Ну а если у языка-предка не было письменности? (А так бывает чаще всего.) Как установить его «отцовство», а значит, родство всех его «детей»? Да и вообще — никто из нас не слышал, как говорили на общеславянском или общеиндоевропейском языке. Откуда нам знать, каким он был?

Оказывается, это можно выяснить. Существует специальный метод для установления родства языков. Он называется сравнительно-историческим. Вот как его применяют.

Возьмем разные индоевропейские языки. Собственно говоря, мы еще не можем называть их индоевропейскими, потому что не знаем пока, родственны они друг другу или нет. Поэтому скажем просто: разные древние языки Европы и Азии. Почему обязательно древние? Чем плохо, если мы будем сравнивать, допустим, современные русский, немецкий и французский языки? Ответ будет следующий: от «поколения» к «поколению» языки ведь изменяют свою «внешность», становятся все меньше похожими на своего отдаленного предка и друг на друга. Как вы думаете, у кого должно быть больше сходства: у родных братьев (сестер) или у троюродных, четвероюродных, пятиюродных? Русский можно сравнивать с украинским и белорусским, чтобы узнать, каким был их общий «отец», французский— с испанским, португальским, итальянским. А вот чтобы подняться выше по нашему родословному древу, надо выбирать родственников, так сказать, более преклонного возраста. Не французский, а латинский. Не современные датский, шведский, исландский языки, а древнеисландский (видимо, на очень похожем на

древнеисландский языке говорили варяжские дружины в Киевской Руси; но от языка варягов не сохранилось ничего, кроме имен). Не современный (новогреческий) язык, на котором говорят в нынешней Греции и на Кипре, а древнегреческий. И хорошо бы постарше — значит, лучше всего брать язык Гомера и надписей древнейшей крито-микенской эпохи. Не современный язык хинди (государственный язык Индии), а его далекий предок, который называется санскрит. На нем написаны древнейшие памятники культуры Индии — философское произведение «Веды», содержащее священные религиозные тексты, великая поэма «Махабхарата»… Правда, не всегда у нас вообще есть выбор. Одни языки когда-то были живыми. На них говорили люди, а самое главное, на них писали — разнообразные документы, письма, поэмы. Главное, потому что в таком случае мы можем восстановить, какими эти языки были. Но потом они стали мертвыми, их перестали использовать в обиходе, на них перестали говорить. Вы, конечно, понимаете — сами языки умирать не могут, умирают люди…

Впрочем, чтобы язык перестал существовать, был стерт с карты языков, совершенно не обязательно, чтобы были истреблены все говорящие на нем. Хотя бывает и такое: в прошлом веке умерла последняя женщина-тасманийка (коренная жительница острова Тасмания у южного берега Австралии). С ее смертью (все тасманийцы были зверски истреблены европейцами) умерли, закончили свою историю и языки Тасмании.

Чаще происходит другое. Народ сливается с другими народами, теряет свой язык и переходит на другой. А когда никто на языке не говорит, он становится таким же мертвым, как язык тасманийцев. Вот примеры. В состав кубинской нации входят и потомки испанских завоевателей, и потомки негритянских рабов из Африки, и потомки коренных жителей Кубы — индейцев. Но ни потомки негров, ни потомки индейцев не сохранили своих родных языков — все они теперь говорят по-испански и чувствуют себя единым кубинским народом. В составе русского народа тоже много разных народов, раньше говоривших на своих языках. Это и балтийские племена, чей язык был близок литовскому; и родственники нынешних эстонцев; и родственники нынешних татар (тюркские народы).

Не так часто, но все же бывает, что народ, говоривший когда-то на своем языке, ни с кем не сливается — он продолжает существовать, так сказать, отдельно, но по тем или иным причинам меняет свой язык. Это произошло, например, с евреями. Когда история разбросала их по разным странам Европы, они потеряли свой родной язык и стали говорить на

других. Те, кто поселился в Германии (а потом эта группа евреев расселилась по Польше и другим странам Восточной Европы и дальше — по территории России), перешли на один из диалектов немецкого языка и создали на его основе новый язык — так называемый идиш. Другая группа евреев, как и первая, сначала жила в Испании, а оттуда они разошлись по другим странам Южной Европы и Северной Африки. Их язык, возникший на основе кастильского диалекта испанского языка, называется сефардским; впрочем, в отличие от идиша, на нем сейчас мало кто говорит. Да и идиш знают далеко не все евреи: так, большинство советских евреев считают своим родным языком русский (или украинский, грузинский и т. д.).

Так или иначе, бывает, что язык умирает: как бы мы ни хотели познакомиться с его потомками, их нет — язык умер, так сказать, бездетным. А бывает (кстати, гораздо чаще) наоборот. Язык живет и здравствует. Мы можем его изучать, сколько хотим. Больше того, мы имеем все основания считать его родственником других, в том числе древних, языков. Но о том, как выглядел его «отец», «дедушка», мы не имеем ни малейшего представления. Таков, например, албанский язык: какой он сейчас — мы знаем, а каким был раньше, какие у него были (сейчас умершие) «братья», «дяди» или «двоюродные дедушки» — неизвестно. Так что приходится сравнивать древнеиндийский (санскрит), древнегреческий и прочие древние языки не с «древнеалбанским» (мы его не знаем), а с современным албанским.

Но вернемся к тому, как мы устанавливаем родство языков.

Возьмем какое-нибудь самое простое слово, например **отец.** По-латыни это слово звучит **pater** (отсюда название католического священника — **патер**). На древнегерманских языках оно выглядело примерно как **fadar,** отсюда английское **father** и немецкое **Vater.** В армянском языке — **хайр** (**t** в середине слова выпало, но это нам сейчас не важно).

Сравним эти слова. Мы можем сделать такой вывод: латинскому **p** в германских языках соответствует **f,** а в армянском — **h** (оно звучит не как русское **x,** а как **h** в немецких или английских словах, вроде **haben, have).** Этот вывод можно проверить, взяв другие слова, в которых есть те же звуки. Скажем, слово **пять:** немецкое **fünf,** армянское **хинг.** Правда, соответствующее латинское слово изменилось, но в древнегреческом находим **pente.** Да и русское **пять** того же происхождения. Можно вспомнить и литовское **penki,** и древнеиндийское **панча.**

Вы уже заметили: мы не только можем сказать, что у того или иного звука в данном языке есть закономерные соответствия в

словах других языков — **p**^{лат} = **p**^{герм} = **h**^{арм} (мы, конечно, берем слова с одним и тем же или очень близким значением), но и имеем некоторое право утверждать, что не **h** переходило в **f** или **p,** а наоборот — **p** превратилось в **f** и **h.** Ведь **«p**-языков» больше и они распространены более широко, чем **«f**-языки» или тем более **«h**-язык» — армянский. Кроме того, ученые хорошо знают, какие звуки чаще всего могут переходить в какие: в самых разных языках мира, неродственных друг другу, можно увидеть, как **n** переходит в **ф,** но никогда или почти никогда из **ф** не получается **n.**

А кстати, как вы думаете, **f** получается из **h** или наоборот? С большой уверенностью можно утверждать, что именно **f** превратилось в **h**. Например, латинское **filius**, то есть «сын», дало испанское **hijo** — тоже «сын».

А вот другой пример — со словом **брат**. В древнеиндийском это **бхраатар**, в латинском **frater**, в древнегреческом тоже **frater**, в германских языках **Bruder, brother**, в русском — брат. Опять-таки можно написать нечто вроде уравнения: **bh**^{инд} = **f**$^{\text{лат., греч}}$ = **Ь**$^{\text{герм. слав}}$. Сравним: древнеиндийское **бхарами** «я несу», латинское и греческое **fero**, русское **беру**. Из германских нам придется взять мертвый язык — готский: **baira**. Значит, наша формула верна.

Рассуждая примерно так же, как в прошлый раз, получаем, что из **бх**возникло **б**, а из **б — ф.**

А теперь мы не только можем нарисовать таблицу соответствий звуков в разных языках, но и вычислить — как в свое время де Соссюр, какой звук должен был быть в общеиндоевропейском языке, породившем и древнеиндииский, и древнегреческий, и германские, и славянские, и армянский. Слова брат и несу в нем должны были начинаться со звука **bh**, а слова отец и пять — со звука **p**. И ясно, что все рассмотренные языки — родственники, даже можно прикинуть, как выглядит их родословное древо.

Казалось бы, просто. Но на самом деле все во много раз запутаннее. То нет в нужном языке или языках нужного слова, вернее, оно другого происхождения: отец в русском и других славянских языках никак не связано со словом **pater.** То оказывается, что в каком-то языке звук перед другим звуком вдруг начинает вести себя своевольно, — приходится доискиваться, почему так получается. В латинском языке в слове **пять п** вдруг перешло в **кв**: **quinque.** То берем слово, казалось бы, совсем совпадающее со словом другого языка и по значению, и по звучанию: латинское **habeo** «я имею» и германское **haben, have.** Но попробуйте их сопоставить — ничего не получится. Дело в

том, что немецкое **haben** соответствует латинскому **capio** «беру», а совсем не **habeo,** и «уравнение» должно выглядеть примерно так: **к**^{лат} = **h**^{герм}. То разные звуки вдруг сливаются в одном. То выясняется, что нужное слово не с самого начала существовало в языке, а было заимствовано позже из другого языка. Я уж не говорю о том, что не всегда сразу и можно сообразить, что слова, внешне вроде бы совсем не похожие, на самом деле связаны жесткими звуковыми соответствиями. Ну, например, русское **два** и армянское **эрку.**

Так что языковед, пользующийся сравнительно-историческим методом, постоянно сталкивается с трудностями. И восстановить языки-предки мы можем лишь приблизительно. Но можем!

А теперь вообразите себе, что перед нами языки, которые, как албанский, известны нам только в их сегодняшнем обличье. Не сохранилось никаких древних памятников, никаких надписей. Да еще они постоянно смешиваются, заимствуют слова друг у друга. Да еще треть из них вымерла, а другая треть — вместе с говорящими на них народами — расселилась на тысячи километров в разные стороны от того места, где раньше эти народы обитали. Попробуйте-ка представить, каково работать в этих условиях! Поэтому мы далеко не всегда можем с уверенностью утверждать, что такой-то язык родствен такому-то. Приходится опираться **на сходство языкового типа** — но это не всегда надежно: ведь латинский язык, например, синтетический, а французский, испанский и другие романские языки, безусловно, «дети» латинского, — все аналитические! Привлекают сходства в культуре народов — но мы уже видели, что народ может перейти на другой язык, может (добавим в скобках) сохранить язык, но до неузнаваемости изменить культуру. Что общего в культуре, например, между древними египтянами и современными коптами (народ, и сейчас живущий в Арабской Республике Египет)? Практически ничего. А коптский язык — прямой потомок древнеегипетского. (Правда, на нем в обычной жизни не говорят, а используют в церквах во время богослужений.)

Так что когда мы с вами во второй главе будем внимательно рассматривать языковую картину мира и говорить, что такие-то языки родственны, это совсем не значит, что мы всегда в этом одинаково уверены!

Что же это за карта?

Снова индоевропейцы

Мы уже много говорили о них. Нас с вами интересуют прежде всего языки **славянские.** Они делятся на три группы. **Восточнославянские** языки — это русский, украинский и белорусский. (Вы, конечно, помните: их родство означает, что у них был общий предок — древнерусский или общевосточнославянский язык, на котором говорили в Киевской Руси. Распадение единого народа и единого языка было связано с феодальной раздробленностью древнерусских земель и различием их дальнейших исторических судеб. Одни вошли в состав польско-литовского государства, другие объединились вокруг Владимира, а позже Москвы — и так далее.) **Южнославянские** языки — это болгарский и языки бывшей Югославии: сербскохорватский, македонский, словенский. И наконец, к **западнославянским** относятся польский, чешский, словацкий и язык небольшого народа, живущего в Германии, — лужицкий.

Балтийские языки — это литовский и латышский. Был еще древнепрусский язык, но пруссы были частично истреблены, а частично смешались с другими народами.

Следующая группа, или семья языков, входящая в число индоевропейских, — это **германские** языки. Сюда относится немецкий. (На самом деле это не единый язык, а сложная система разных по происхождению диалектов. Например, так называемый нижненемецкий диалект, на котором говорят жители побережья Балтики (Померании), — это самый настоящий язык. На нем даже есть богатая литература.) Дальше идет голландский язык, у которого есть два брата-близнеца. Это фламандский язык Бельгии (другая часть бельгийцев говорит по-французски) и африкаанс, или бурский язык ЮАР, ведь буры, выделившиеся в самостоятельный народ с отдельным языком, были переселенцами из Голландии. Сюда же относится фризский — язык жителей Фризских (Фрисландских) островов в Северном море, у побережья ФРГ, а также идиш, о котором мы уже говорили. Все эти языки называются западногерманскими.

Вы уже догадались, что шведский, датский, норвежский, исландский — это северногерманские языки. Есть и восточногерманские — со своими особенностями и общим происхождением. Вернее, не есть, а были: все эти языки, главный

из которых — готский, исчезли с лица земли. В последний раз они звучали, видимо, где-то на рубеже XVII и XVIII веков. Голландский посол в Турции Бусбек, находясь в Стамбуле, встретил на улице двух крымских готов: небольшая группа их, «отставшая» во время великого переселения народов, еще в V–VI веках поселилась в горном Крыму, создав свое маленькое государство и время от времени давая о себе знать в истории. Бусбек завел их к себе в дом, накормил, напоил и попросил сказать что-нибудь по-готски, прилежно записав все сказанное. Эти записи сохранились…

Следующая группа — **кельтские** языки. Раньше их было много и они были широко распространены. Кельтами были, например, галлы, с которыми, как известно, воевал Юлий Цезарь. Эти галлы влились в состав французской нации, и когда французы хотят подчеркнуть исторические корни своего народа и культуры, они всегда вспоминают галлов как своих предков. От названия кельтского племени бойев происходит старое название Чехии — Богемия, сохранившееся в названии богемского стекла и в слове **богема**. Сегодня на кельтских языках говорят, во-первых, ирландцы, во-вторых, шотландцы, в-третьих, жители Уэльса — валлийцы, в-четвертых, жители полуострова Бретань во Франции — бретонцы. (Есть и еще несколько мелких языков, о которых мы не упоминали. Вообще наш перечень — не исчерпывающий.) В действительности большая часть говорящих на кельтских языках — двуязычна. Так, ирландцы обычно знают и английский язык (а ирландские эмигранты в США, Канаде и других странах только им и владеют). Английским языком владеют практически все валлийцы и шотландцы, французским — большая часть бретонцев.

Дальше идут **романские** языки (от слова **Roma,** то есть **Рим).** Выше я говорил, что их «родитель» — латинский язык. Это правильно, но не совсем: если мы попробуем сравнительно-историческим методом восстановить предка романских языков, получится не тот язык, который мы знаем из римской литературы и учим в университете, а немножко другой — так называемая «народная» или «вульгарная» латынь. Это и понятно: ведь романские языки возникли, когда римские легионеры, размещенные в Галлии, Испании, нынешней Румынии и т. д., стали смешиваться с местным населением: например, в Румынии это были геты и даки. А грубые римские солдаты, конечно, не владели утонченным литературным языком Катулла, Вергилия и Горация, у них был свой, разговорный вариант латинского языка.

Итак, к романским языкам относятся французский, испанский (а на нем говорит и почти вся Латинская Америка, в том числе

Куба), португальский (на нем также говорят и бразильцы), итальянский, румынский, а также молдавский язык. Это не все: скажем, в Южной Франции много веков говорили и писали на провансальском языке, особый романский язык — каталонский (северо-восток Испании, в районе Барселоны), сардинский — на острове Сардиния. Есть и другие, совсем уж малочисленные романские языки и диалекты. В их числе — так называемый ретороманский язык, на нем говорят в юго-восточной части Швейцарии (другие языки, на которых говорят в этой стране, — немецкий, французский и итальянский).

Ну вот, мы обозрели уже почти всю Европу. Осталось только два языка, не имеющих близких родственников, но все же безусловно индоевропейских. Это языки-«сироты» — **албанский** и **греческий**. Правда, греческий имеет более чем солидное прошлое — за его спиной стоит не только древнегреческий язык Афин и Спарты, но и язык крито-микенской культуры II тысячелетия до нашей эры — так сказать, древнедревнегреческий.

Теперь нам предстоит, переехав границы СНГ, начать знакомство с индоиранскими языками, а точнее, с частью их — **иранскими** языками. К ним относятся таджикский, осетинский, курдский (в Закавказье и Туркмении) и еще несколько мелких языков. Между прочим, язык, на котором говорили древние жители юга России — скифы, тоже был иранским.

Большая часть иранских языков распространена за рубежом. Основные из них — фарси (Иран), дари и пушту (Афганистан, Пакистан). Дари, как и таджикский, восходит к языку фарси.

Индийские (индоарийские) языки — едва ли не самые значительные по числу говорящих: на них в общей сложности говорит около 1 миллиарда человек! Самые известные из них — гуджа-рати, синдхи, хиндустани, бенгали, ассамский, маратхи, сингальский, кашмирский. «Предок» индийских языков — древнеиндийский. На его древней форме (ведийский язык) во II тысячелетии до нашей эры были сочинены знаменитые «Веды» — священные тексты индийской религии, а через тысячелетие сложился так называемый классический санскрит, на котором создана огромная эпическая, философская, религиозная, художественная литература.

В России тоже распространен один индийский язык. Это — цыганский. Кочевые цыганские племена раньше жили в северо-западной Индии.

Что еще можно сказать об индийских языках? Наверное, то, что некоторые из них — синдхи, хиндустани, кашмири — существуют как бы в двух лицах. Те, кто говорит на них в Индии, пишут индийским алфавитом, пользуются словами и

выражениями, заимствованными из санскрита. И сам язык хиндустани в Индии носит имя «хинди». А рядом, в мусульманском Пакистане, говорящие на том же языке пишут арабскими буквами, а в свою речь вставляют слова и выражения из арабского языка и фарси, называя свой язык «урду».

Из живых индоевропейских языков у нас осталось сказать только об одном — **армянском**. На нем говорят около 4 миллионов человек в СНГ и около 2 миллионов — за границей. У армянского языка, как и у греческого и албанского, тоже нет близких родственников. Впрочем, его самого можно рассматривать как двух близнецов: армяне пользуются двумя разными литературными языками — западно-армянским и восточно-армянским.

Из вымерших языков назовем **хеттский** — язык могучего Хеттского царства, успешно воевавшего с египетскими фараонами. Тексты на хеттском языке относятся к XIV–XV векам до нашей эры.

Несколько слов о том, какие языки и народы Европы представлены на территории СНГ. О многих из них мы уже говорили. Но в СНГ живут, хотя и в небольшом количестве, поляки, чехи, словаки, болгары, румыны, около двух миллионов немцев, более 350 тысяч греков, албанцы и другие народы.

Афразийские (Афро-Азиатские) языки

Раньше их называли **семито-хамитскими.** Народам, говорившим на этих языках, мы обязаны египетскими пирамидами, первым буквенным алфавитом, библейскими легендами, сказками «Тысячи и одной ночи»… Самый распространенный из них — это, конечно, арабский. На нем говорит около 150 миллионов человек в Северной Африке (Мавритания, Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет, Судан), на Аравийском полуострове, в Ираке, Сирии, Ливане, в Палестине, Иордании. Близок к арабскому языку мальтийский — на нем говорят жители острова Мальта в Средиземном море. Небольшая группа арабов живет и в Узбекистане. На афро-азиатском ассирийском языке говорит и небольшой народ — ассирийцы, или айсоры, живущий в основном в Армении.

Амхарский и другие родственные ему языки распространены в Эфиопии. К той же афро-азиатской семье, видимо, относится язык масаи в Восточной Африке. Он нам еще понадобится.

Древнеегипетский язык мы знаем начиная примерно с 3000 года до нашей эры. Он прожил до наших дней в виде коптского.

Языки кочевого населения пустыни Сахары туарегский,

кабильский и другие — это берберские языки. Язык древнего населения Канарских островов — гуанчей — тоже, видимо, был берберским.

Осталось назвать иврит — государственный язык Израиля, чадо-хамитские языки, на которых говорят в Нигерии, Нигере, Камеруне, Чаде и некоторых других странах Центральной Африки, важнейший из них — хауса, кушитские языки, распространенные в Эфиопии, Судане, Сомали и Кении.

Конечно, нельзя не назвать вымершие финикийский язык — именно у финикийцев, как мы увидим далее, появилась первая буквенная письменность; ассиро-вавилонский, или аккадский, и, наконец, древнееврейский. Жители Карфагена (помните Пунические войны?) тоже говорили по-финикийски.

Уральские языки

Так называют три родственные друг другу семьи языков: финскую, угорскую и самодийскую. Подавляющее большинство уральских языков распространено в СНГ.

К **финским** языкам относятся финский с карельским, эстонский, язык саамов, или лапландцев (лопарей), на Кольском полуострове и в прилегающих районах Финляндии, Норвегии и Швеции; затем два мордовских языка — мокша и эрзя — в Мордовии и соседних областях; два марийских — горный и луговой — в республике Марий-Эл и соседних областях и республиках; удмуртский язык в одноименной республике; коми — в республике Коми и в некоторых других районах.

Угорские языки — это венгерский (в Венгрии и отчасти в других странах), мансийский и хантыйский (оба — в Тюменской области). Каким образом венгры, явно близкие по языку народам Западной Сибири, попали в долину Дуная — не совсем ясно.

Самодийские языки распространены вдоль Северного Ледовитого океана — от Белого моря до Таймырского полуострова. Самый известный из них — ненецкий. Назовем еще нганасанский.

Алтайские языки

Под этим названием объединяются три большие семьи — тюркская, монгольская и тунгусо-маньчжурская. Насколько это объединение оправдано, до сих пор спорят. Если эти семьи родственны, то не близко.

Большая часть тюркских языков распространена в СНГ. Это казахский, киргизский, узбекский, туркменский,

азербайджанский, чувашский, татарский, башкирский, карачаевский, балкарский, алтайский, хакасский, тувинский и якутский. За границами СНГ в первую очередь следует упомянуть турецкий (в Турции). Ряд тюркских народов живет в Западном Китае; много азербайджанцев и туркмен в Иране, туркмен, узбеков, казахов, киргизов в Монголии, Афганистане.

Монгольские языки сразу наводят на мысль о Монголии. И действительно, там говорят на монгольском (халха-монгольском) языке; но есть еще не менее десятка языков, распространенных в КНР и даже в Афганистане. В РФ есть два монгольских языка: бурятский и калмыцкий.

На **тунгусо-маньчжурских** языках говорят многочисленные народы Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также маньчжуры, живущие на северо-востоке КНР.

Кавказские языки

Не все языковеды считают правильным объединять их в одну семью. Но совершенно точно доказано, что языки Кавказа (если не считать индоевропейских, например армянского и осетинского, и тюркских, например азербайджанского и балкарского) можно разделить на четыре семьи. Вот они:

Абхазо-адыгские языки. К ним относятся абхазский (Абхазия), абазинский — недалеко от Абхазии, но по другую сторону гор, кабардино-черкесский в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, адыгейский в Адыгее и прилегающих районах.

Нахские языки: чеченский и ингушский.

Дагестанские языки: аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский, арчинский и еще более 40 языков. Многие специалисты объединяют их с нахскими.

Картвельские языки. Основной из них — грузинский, кроме того, еще занский и сванский.

Некоторые языковеды сближают с кавказскими языками язык басков, живущих в Пиренейских горах на границе Испании и Франции. И действительно, в культуре этих народов есть много общего или по крайней мере похожего. В чем-то сходны и языки, но точно доказать их родство пока не удается.

Чукотско-камчатские и другие языки Сибири и Дальнего Востока

(Когда мы говорим «другие языки», то, конечно, имеем в виду

языки, не упомянутые на предыдущих страницах. Ведь тунгусо-маньчжурские, монгольские, многие тюркские языки — тоже языки Сибири и Дальнего Востока.)

Чукотско-камчатских языков на свете всего четыре. Это прежде всего чукотский язык, о котором вам, без сомнения, известно: ведь это родной язык известного советского писателя Юрия Рытхэу. Кстати, его настоящее, чукотское имя — просто Рытхэу, у чукчей нет ни фамилий, ни отчеств, одно имя.

Раз уж мы заговорили об именах, давайте кое в чем разберемся. Например, **Гай Юлий Цезарь:** это что — имя, отчество и фамилия? А

Цэвэгмидийн Дэви? А **Сун Ятсен**? А **Ли Тоан Тханг**? А **Эрих Мария Ремарк**?

Так вот: **Гай** — это действительно имя. А **Юлий** — это так называемое «родовое имя», которое носили все члены данной семьи — в общем нечто вроде фамилии. Ну а **Цезарь?** Это, в сущности, прозвище. **Катон** — «хитрец», **Сулла** — «рыжий», **Красс** — «толстяк». Прозвище **Цезарь,** впрочем, перевести трудно. Но каждое ли русское прозвище можно легко перевести?

Совсем иначе выглядит монгольское имя. Здесь нет фамилии — есть только отчество и имя. В данном случае **Дэви** — имя. Отца Дэви зовут **Цэвэгмид**: получается «Цэвэгмидовна Дэви».

У китайцев (следующий пример) на первом месте стоит фамилия, а затем идет имя. Значит, получается нечто вроде «Ятсен Сунов». Почти то же у вьетнамцев: здесь первое слово — фамилия. Но дальше получается разница: на втором месте стоит так называемое «подсобное» имя. Это или фамилия матери, или слово, означающее возраст (вернее, поколение): отец, мать, все дядья и тетки, включая двоюродных и троюродных, будут иметь одно и то же «подсобное» имя, а все их дети — другое.

В имени немецкого писателя Ремарка фамилия, конечно, **Ремарк,** а **Эрих Мария —** имена. Немцы очень часто имеют по два (реже три) имени, и чтобы не запутаться, в Германии принято во всех документах подчеркивать основное имя. Второе имя может даваться в честь кого-то из членов семьи или в честь какого-либо святого. Отсюда и **Мария** в имени Ремарка. В христианской мифологии это имя матери Христа, Богородицы, очень почитаемой христианами, в особенности католиками.

Но вернемся к чукотско-камчатским языкам. Кроме чукотского к ним относятся корякский (на севере Камчатки) и два малоизвестных языка — керекский и алюторский. На керекском языке вообще говорит несколько семей — этот язык стоит на грани исчезновения.

Очень вероятно, что все эти языки родственны еще одному

языку Камчатки — ительменскому.

Нам осталось перечислить несколько языков, о чьих родственных связях мы и сейчас не можем сказать ничего определенного. Это, во-первых, **юкагирский** язык. Юкагиры, или одулы (их несколько сот человек), кочуют со своими оленьими стадами на северо-востоке Якутии. Во-вторых, это **нивхский** язык. Говорящие на нем нивхи (раньше их называли гиляками) живут в устье Амура и на острове Сахалин. И наконец, это **кетский** язык (вернее, кетские языки, потому что их несколько). На нем говорят жители таежного края, протянувшегося вдоль реки Подкаменная Тунгуска, в среднем течении Енисея, то есть в самом сердце Сибири. С какими только языками ни пытались сопоставить кетский — вплоть до языков Океании! Но пока что он все еще «без роду, без племени».

Китайский язык и его соседи

Китайский язык мы выбрали для названия этого раздела не потому, что он чем-то особым отличается от других языков. Просто на нем говорит гораздо больше людей, чем на любом другом, — более миллиарда!

Впрочем, кое-чем китайский язык все-таки отличается. И даже очень многим. Например, это типичный изолирующий язык. Это значит, что в нем нет ни склонения, ни спряжения; что, взглянув на слово, нельзя сказать — существительное это, прилагательное или глагол; что в каждом китайском слоге есть свой музыкальным тон (измените тон, и слог будет значить совсем другое, хотя все звуки остались те же)… Второе отличие китайского языка — это его письменность, к которой мы еще вернемся, — знаменитые иероглифы.

Совсем рядом с Китайской Народной Республикой находится Корейский полуостров. На нем два государства: Корейская Народно-Демократическая Республика и Южная Корея, где говорят на одном и том же языке — **корейском**. Этот язык немного похож на алтайские языки, и многие языковеды причисляют корейский язык к алтайским. Но он и не тюркский, и не монгольский, и не тунгусо-маньчжурский, а, так сказать, сам по себе.

А еще дальше — если переплыть Цусимский пролив — территория, занятая двумя языками, тоже не помнящими родства. Название этой территории — Япония. Ну, один из этих языков, конечно, **японский,** в этом сомнения быть не может. А второй? Его название — **айнский.** Раньше айны в Японии были единственными обитателями. Лишь потом туда пришли японцы и

айнский народ был оттеснен на северную оконечность Японских островов.

Но вернемся к китайскому. В отличие от его соседей, корейского и японского, он не одинок и семья у него не маленькая. В нее входит, как уже говорилось, тибетский язык; бирманский язык в государстве Мьянма (Бирма); тайский язык — вы полагаете, в Таиланде? Да, и там тоже, но тайцы живут и в КНР, и во Вьетнаме. Сюда же относится лаосский язык.

Австроазиатские языки

Главнейший из них — **вьетнамский**. Обратите внимание: он очень похож своим строением на китайский, хотя родства между ними не обнаруживается. Это лишний раз показывает, что по типу языков нельзя судить об их родстве, и наоборот — явно родственные языки могут иметь совсем различную «внешность», а языки, явно не имеющие ничего общего, могут быть похожи, как две капли воды.

Впрочем, еще далеко не доказано, что вьетнамский язык вообще принадлежит к числу австроазиатских. Многие специалисты считают, что он «сам по себе». Если так, то самый известный из языков это семьи — **кхмерский**, на котором говорят в Камбодже. О других языках вы наверняка никогда не слышали, и мы их здесь упоминать не будем.

Дравидские и прочие языки континентальной Азии

Дравидские языки распространены в Индии. Они не родственны хиндустани и другим индоиранским языкам — это совсем другая семья. Видимо, до прихода в Индостан индоевропейских племен именно дравиды были господствующим населением этой части Азии. Во всяком случае, когда расшифровали надписи из древнейших городов Индии — Мохенджо-Даро и Хараппы, — сделанные совсем особой письменностью, получилось, что язык этих надписей похож на дравидские. Дравидские языки, смешавшись с индоевропейскими (индийскими), придали им уникальные особенности. Некоторые из них можно увидеть при помощи простейшего карманного калькулятора: так, в дравидских языках чаще всех гласных встречается **а,** и этот же звук чаще других можно найти в древнеиндийском языке. Одна из песен эпической поэмы «Махабхарата», например, начинается так: **Асид рАджА НАло нАмА, вирАсенА суто бАли** — 9 **а** на 7 других гласных! А вот начало другой: **Асид МАдрешу прАтхАмАх рАджА**

пАрАмидхАрмикАх — 11 **а** и всего 5 других гласных. Строго говоря, **а** и там и здесь даже больше — ведь древнеиндийские е — это **а** плюс **и,** а **о** — это **а** плюс **у.**

Самые крупные и известные из дравидских языков — это телугу, тамильский, малаялам, каннада. Между прочим, в СНГ живут несколько сотен дравидов: когда-то они вместе с белуджами переселились в Туркмению и до сих пор там живут.

Нам осталось назвать еще несколько языков Азии. Из них только один — **бурушаски** — относится к числу живых, на нем говорит около 40 тысяч обитателей небольшого района Гилгут, недалеко от того места, где встречаются границы Таджикистана, Афганистана, КНР и Индии. А этот язык действительно удивителен, так как не похож ни на один другой. Например, во многих языках мира, если глухой звук попадает между двумя гласными, он становится звонким: **ата** → **ада**. И уж во всяком случае сочетание вроде **ада** нигде не может превратиться в **ата**! Нигде — кроме языка бурушаски…

А если вспомнить древние, ныне вымершие языки Ближнего Востока, то нам известно по крайней мере 3–4 таких языка, не имеющих родственников. Это древнейший из известных нам языков Азии, имевших письменность, — **шумерский**; это другой, тоже очень древний язык — **эламский**; это самый древний из известных нам письменных языков на территории СНГ — **урартский**. (Как вы помните из курса истории, северная часть Урартского государства приходилась на нынешнюю Армению, и название ее столицы — Ереван, видимо, связано с названием урартской крепости Эребуни, стоявшей на том же месте.)

Мы забыли назвать еще древний язык Апеннинского полуострова — **этрусский**. Очень многое в культуре, мифологии, религии Древнего Рима заимствовано у этрусков. От них осталось много надписей. Увы, прочитать их мы пока не умеем. Так что был ли этрусский язык индоевропейским (как считают многие ученые), или он принадлежал к какой-то другой семье, или был, так сказать, одиноким — никто не знает…

Языки Тихого океана

Языки Тихого океана это прежде всего **австронезийские** языки. Раньше они назывались **малайско-полинезийскими,** но, как мы сейчас увидим, это такое же неточное название, как «семито-хамитские», потому что в число австронезийских языков включаются и такие, которые нельзя назвать ни малайскими (точнее, индонезийскими), ни полинезийскими.

Итак, **индонезийские** языки. На них говорит большая часть жителей Малайзии, Индонезии и Филиппинских островов. Основной язык Малайзии — малайский; а государственный язык Индонезии — индонезийский — это, в сущности, тот же малайский; мы уже видели в Индии очень похожее положение с языками хинди и урду. Еще один очень известный язык Индонезии — яванский; собственно, известен не сам он, а его предок — древнеяванский язык, или кави. Основной язык Филиппинских островов — тагальский. Назовем еще сунданский.

Интересно, что родственный всем этим языкам и похожий на них мальгашский язык не имеет сейчас ничего общего с Тихим океаном: на нем говорят на самом большом острове другого океана — Индийского — на Мадагаскаре, у восточных берегов Африки. Дело в том, что мальгаши раньше жили в Индонезии, а потом, переплыв Индийский океан, поселились на Мадагаскаре.

Теперь мы можем перейти к уже упомянутым **полинезийским** языкам. Полинезией называют тысячи островов, разбросанных по просторам Тихого океана, и оказывается, на большинстве из них говорят на очень похожих друг на друга языках. Это, например, язык самоа; язык таити; гавайский язык; язык маори, на котором говорят коренные жители Новой Зеландии; и даже рапануйский язык — язык острова Пасхи, от которого ближе добираться до Южной Америки, чем до других островов Полинезии.

Но не на всех островах Тихого океана говорят по-полинезийски. Есть еще **меланезийские** языки (**Полинезия** в переводе — «страна множества островов»; а **Меланезия** — «страна черных островов». Черны, конечно, не сами острова, а их жители.) Самый известный из них — язык фиджи на одноименных островах. На меланезийских языках говорят и многие жители острова Новая Гвинея, к которому мы вскоре вернемся.

Из австронезийских языков у нас остались еще **микронезийские** (страна малых островов»). И действительно, эти острова — Каролинские, Маршальские, Марианские — это, в сущности, не острова, а небольшие коралловые рифы.

А теперь вернемся на Новую Гвинею. На протяжении этой книжки мы еще не раз будем обращаться к языкам этого острова, которые (если они, конечно, не относятся к числу австронезийских) называют **папуасскими**. Кстати, само это слово — неизвестного происхождения. Есть гипотеза, что словом **папуа** или, вернее, **папува** одно индонезийское племя называло людей с курчавыми жесткими волосами: у папуасов как раз такие волосы. Новая Гвинея — настоящий заповедник языков, да и народов

тоже. На одном этом сравнительно небольшом острове, где живут немногим более двух миллионов человек, можно найти около 500 различных языков, не считая австронезийских! Мы перечислим здесь только те из них, которые будут упоминаться в следующих главах этой книги. Это абелам, ава, асмат, бонгу, вери, гадсуп, гули, кева, киваи, монумбо, насиои, тангма, телефол, форе. И еще ток-писин — язык межплеменного общения разных народов Новой Гвинеи.

Родственны ли друг другу папуасские языки, точно не известно. Во всяком случае это не доказано. Впрочем, даже если поверить тем ученым, которые считают, что они родственны, не меньше двадцати языков Новой Гвинеи все равно остаются, так сказать, бесхозными: не установлено никаких связей ни между ними самими, ни между ними и другими языками. Но не исключено, что есть родство между папуасскими языками и некоторыми изолированными языками островов Индийского океана, например острова Тимор и Андаманских островов.

И наконец — Австралия. Те немногие из ее коренных жителей — аборигенов, которые еще сохранились и которые говорят на своих родных языках, связаны и единством культуры, и — хотя и не слишком близким — родством этих языков. Из **австралийских** языков нам встретятся аранта и сайбалгал.

Не ходите в Африку…

В Африке (даже если не учитывать афро-азиатские языки) языков такое множество и их родственные связи настолько запутаны, что описать их так, чтобы удовлетворить всех африканистов, просто невозможно.

Думаю, все африканисты согласятся только в том, что в Африке есть большая семья языков **банту**. Самый известный из них — суахили. На нем говорят в Танзании, Заире, Кении, Уганде, Руанде, Бурунди, Малави, Мозамбике и отчасти даже на Мадагаскаре и других островах у побережья Африки. Еще один язык, упоминание о котором вы могли встречать, — язык зулу, на котором говорят жители различных государств юга Африки. Читая эту книгу дальше, вы встретите также языки луба, луганда, овимбунду, яунде. Все это тоже языки банту.

Банту — типичные агглютинативные языки. Как и в тюркских, в них все окончания нанизываются, как бусы, причем каждое из этих окончаний имеет узкую «специальность»: одно выражает только число, другое — только время, третье — только лицо… Впрочем, об «окончаниях». В банту о них почти не приходится говорить — слово в этих языках «нанизывает» не

окончания, а приставки.

Еще одна семья, бесспорно, выделяется всеми африканистами — это так называемые языки **ква** или **гвинейские.** На них говорят жители северного побережья Гвинейского залива. Самые популярные из этих языков — йоруба (Нигерия, Камерун, Бенин, Того, Сьерра-Леоне), эве (Гана, Того, Бенин), га (Гана, Того, Бенин). Эти языки немного похожи на китайский, вьетнамский, лаосский, хотя они им и не родственны: коротко говоря, это тоже типичные изолирующие языки.

Об остальных языках Западной и Центральной Африки мы лишь упомянем, вернее, о некоторых из них. Нам встретится на страницах этой книги язык тив — на нем говорит около миллиона человек в Нигерии и Камеруне, а также язык яунде. Не встретится, но очень известен и имеет тоже около миллиона говорящих язык сонгаи (Мали, Буркина-Фасо, Нигерия). Два важнейших языка Республики Мали — бамбара и малинке. Во многих странах Западной Африки — в Мавритании, Сенегале, Гамбии, на островах Кабо-Верде — говорят на языке волоф. Его близкий родственник — не менее известный язык фула или, вернее, фульбе. На нем говорят в Мавритании, Гвинее, Сенегале, Гамбии, Гвинее-Бисау, Мали, Нигере, Сьерра-Леоне, Буркина-Фасо, Бенине, Нигерии, Камеруне, Чаде, Того, Гане, на островах Кабо-Верде, в Кот-д'Ивуар. Одним словом, это 9 миллионов человек фактически во всей Западной Африке!

На самом юге Африканского континента, оттесненные в пустыни, живут готтентоты и бушмены, говорящие на так называемых **койсанских** языках. В нашей книге мы встретим два из этих языков: готтентотский язык нама и бушменский язык кунг.

Новое об индейцах

Новое, потому что в «книжках об индейцах», равно как и в «фильмах об индейцах», об этом — конечно, я имею в виду их языки — совсем ничего не говорится. Впрочем, названия этих языков не могут не звучать для ваших ушей музыкой — они живо напоминают романы Фенимора Купера. Чиппевейский и навахо. Апачский и оджибва. Шауни и делаварский. Чейенский и чоктавский. Понка и квакиутль. Нутка, сиу и дакота. Онейда, чероки и зуни. (Мы с вами проехали только Канаду и США, о других индейских языках — ниже.)

Если в Северной Америке индейский язык, на котором говорят 2–3 тысячи человек, уже можно считать крупным, то в

Мексике и Центральной Америке мы прошли бы мимо него, не обратив внимания, потому что — несмотря на долгие «усилия» испанских колонизаторов — здесь индейское население в основном сохранилось. Самые значительные из этих языков — майя (вы, конечно, слышали про древнюю письменность майя, восходящую к IV веку новой эры и расшифрованную советским историком и филологом Ю. В. Кнорозовым); язык мам на границе Мексики и Гватемалы; язык кекчи, язык киче и язык какчикель (все три — в Гватемале); язык нахуатль — это, собственно, тот язык, на котором говорили древние ацтеки; язык отоми; язык миштек, мазатек и запотек — все они распространены в Мексике.

Что касается языков Южной Америки, то некоторые из них не только сохранились — на них говорят многие миллионы южноамериканцев, они являются кое-где (например, язык кечуа в Перу) даже официальными (вместе с испанским). Из языков Южной Америки мы назовем итонама в Боливии; язык тупи в Бразилии; язык гуарани в Парагвае и близлежащих областях; язык кечуа — на нем говорят целых 11 миллионов почти по всему континенту — в Колумбии, Эквадоре, Перу, Боливии, Чили и Аргентине; язык (или группа близкородственных языков) аймара в Перу и Боливии; арауканский язык (или языки?) в южной части Чили и в Аргентине.

Насколько индейские языки родственны друг другу — сказать трудно, ведь, кроме майя, все они к моменту прихода европейцев были бесписьменными, и мы знаем их только в их нынешнем состоянии. Но отдельные языковые семьи определенно можно установить: скажем, тупи родственен гуарани, кечуа — языку аймара, родичами являются миштек и мазатек.

Мы подошли к самому концу нашего обзора. Осталась только одна семья языков — осталась, потому что мы двигались с вами по карте полушарий, а про эти языки даже не скажешь, в каком полушарии их искать. Это **эскимосско-алеутская** семья. Она, собственно, состоит из двух отдельных, но родственных языков — эскимосского и алеутского. Но дело в том, что по-эскимосски говорят и у нас на Чукотке, и в американском штате Аляска, и в Северной Канаде, и на острове Гренландия. Более того — Гренландия, бывшая раньше колонией Дании, имеет два официальных языка — датский и эскимосский! Таким образом, по-эскимосски говорят и в Азии, и в Америке, и (не знаю, куда она относится — к Америке или Европе) в Гренландии.

Такое же положение с алеутским языком. На нем говорят жители американских Алеутских островов и жители Командорских островов — это рядом с Камчаткой и Курильскими островами, а значит, самая настоящая Азия.

Подведем итоги

Мы с вами перечислили более 250 языков. Но это только крохотная доля всех языков мира — их (по разным мнениям) от 3 до 5 тысяч!

Среди них так называемые мировые языки — русский, английский, французский, испанский. Есть языки «зональные», на которых говорят люди из разных соседних стран, — арабский, суахили. Есть государственные или официальные языки — польский в Польше, монгольский в Монголии, шведский в Швеции и многие другие. А большинство языков не имеет никакой официальной «должности» — на них просто говорят… На одном — 10 человек, на другом — 100, на третьем — тысяча, на четвертом — десять тысяч…

Хотелось бы знать о них что-нибудь более содержательное, чем просто название. Конечно, в этой небольшой книжке я не смогу рассказать многое о различных языках. Но кое-что попытаюсь. И начну с тех звуков, из которых строится речь на разных языках.

Итак — в путь!

Звуки, которые мы выбираем

Миша, Мкртич и Мауи

В этой главе три героя. Миша — русский. Мкртич — армянин. Мауи живет в Новой Зеландии и говорит на языке маори. Почему мы выбрали их? Вы, наверное, уже сами догадались: из-за имен. Ведь в звучании имени всегда слышно звучание языка.

Миша — типичное русское слово. Вслушайтесь: Миша. Согласный звук — и гласный. Еще один согласный — гласный.

Конечно, не все русские слова такие. Есть среди них и совсем иные — вроде **вспять** или **вздрогнул**, в которых подряд идет три или даже четыре согласных. Но абсолютное большинство из них «уравновешены». **Ко-ро-ва. Пе-ше-ход. Се-го-дня. Е-ли-за-ве-та. Че-ло-век**. Русский языковед Василий Алексеевич Богородицкий даже подсчитал гласные и согласные: оказалось, в среднем на три согласных приходится два гласных.

Уже по приведенным в качестве примеров словам видно, что в русском языке слоги бывают двух видов. Одни кончаются на **гласный** (они называются **открытыми),** другие — на **согласный** (они называются **закрытыми).** Большая часть слогов начинается с одного согласного звука (но его может и не быть вообще: **Ан-на, о-ко-ло).** Чем больше согласных стоит рядом в начале слога, тем реже такие сочетания встречаются: слоги типа **сто** реже, чем типа **то,** а типа **вста- (вста-ю)** — реже, чем типа **сто.**

Но вот что интересно: не всякие согласные и не в любом порядке могут «стыковаться» в слове. **Вздрогнул** в русском языке возможно, но попробуйте-ка произнести «дрзвогнул» или «рдзвогнул»!

Кстати, то, что в русском языке согласные и гласные в общем-то уравновешены, совсем не случайно. Около тысячи лет назад, в эпоху Киевской Руси, все слоги русского языка были открытые (вроде **ко-ро-ва).**

Вот, например, слово **овца.** В нем было не два, а три слога, и писалось оно так: **овьца.** Но **ь** здесь — не мягкий знак. Эта буква в древнерусском языке обозначала краткий гласный звук, похожий на **и** (родственное слово в языке Древней Индии — санскрите — как раз и звучало: **авика).**

Вот здесь-то и стоит подумать. Давайте рассуждать. Если мягкий знак когда-то обозначал гласный, то, может быть, все слова, в которых он пишется на конце, кончались раньше на гласный? Да. Так оно и было (если, конечно, эти слова были в

древнерусском языке!). **Мышь** звучало как **мы́ши, пять** — как **пяти́.**

Вам, может быть, попадались книги, изданные до Октябрьской революции, по так называемой старой орфографии. Слово **баран** писалось тогда так: **баранъ**.

Думайте!

Правильно. Буква **ъ** тоже не всегда была «беззвучным» твердым знаком. В древнерусские времена она обозначала звук, средний между **у** и **ы**. Кстати, в болгарском языке сохранился и этот звук, и буква. Название страны так и пишется: **България**. А латинскими буквами его изображают обычно так: **Bulgaria**.

А теперь вот вам еще задача. Вы знаете из школьного учебника о беглых гласных: день — дни, сон — сна… Куда и почему они «сбежали»?

Напишем эти слова так, как они произносились раньше: **дьнь, сънъ** (то есть почти как **ди́ни, сы́ны**). Вы, конечно, понимаете: как бы ни стремился гласный «сбежать», если он стоит под ударением, пути к бегству ему отрезаны! Мы часто здороваемся с учителем не «полностью» (например, **Здравствуйте, Иван Иванович!)**, а, особенно на бегу, примерно так: **Здрасст, Ванванч!** Все, что могло, «сбежало», но там, где ударение, гласные остались на месте. И в наших древнерусских словах ударные звуки **ь** и **ъ** никуда не делись, хотя и немного изменились: получилось не **дь**, а **де**, и не **съ**, а **со**. А в конце — там они безударные! — им удалось «сбежать».

Но в словах **дни** и **сна** ударение ведь в другом месте, и оно там же и было раньше: **дьни́, съна́**. Вот **ь** и **ъ** и «сбежали»: **дни, сна**!

Мы с вами, впрочем, слишком углубились в историю русского языка. (Надо сказать, что это очень интересное занятие и вполне доступное даже школьнику-старшекласснику, если у него хватит любознательности и усидчивости. Когда будущий знаменитый ученый, академик Алексей Александрович Шахматов (1864 — 1920) сделал свой первый научный доклад, он был просто Алешей Шахматовым и учился в гимназии.)

Пора распрощаться на время с Мишей и познакомиться с его армянским приятелем Мкртичем.

Легко увидеть разницу. По-русски такое имя просто невозможно произнести без предварительной тренировки.

Признаюсь: я выбрал не самое типичное слово армянского языка. Большая часть армянских слов похожа на русские. Возьмем хотя бы имена: **Ар-та-шес. Цо-ви-нар, Ваг-рам, О-ва-нес**. Но есть и другие, в русском языке невозможные. Вот такие: **Астхик, Смбат, Арцвик, Ваагн, Трдат**… На карте Армении есть города и

поселки: **Агнджадзор, Арцваник**. Или возьмем такие слова: «твоя книга» (в армянском языке это не два, а одно слово) — **гиркд**, «второй» — **йэркрорд**.

Армянский язык еще не самый «согласный», тем более что, произнося сочетания вроде мкрт, армянин обычно вставляет между согласными призвук — не звук, а именно призвук, неопределенный, коротенький и на письме не изображаемый. Есть другие языки, где в одном слове, а то и в одном слоге сочетаются звуки, по-русски совершенно уж не сочетаемые и не произносимые. Вот тибетский язык. В нем есть такие слова: **ргйугсчу** — «поток», **ртсва** — «трава», **чослдан** — «благочестивый». «Учителя» по-тибетски звучит примерно так: **слопдпонрнамс**. «Пять учителей» — **слопдпон лнга**. Уф! Когда я писал эти слова, то, конечно, произносил их про себя, и даже при этом язык устал.

А как же сами армяне или тибетцы? Им разве не трудно? Нет! Вот здесь-то мы и сталкиваемся с одной особенностью любого языка. Каким бы трудным он ни казался человеку, говорящему на другом языке, тем, для кого он родной, он не труден! Тибетцу так же легко произнести **пдп** или **нрн**, как русскому — **кит** или **сон**.

Но и тибетский язык со своими скоплениями согласных подчиняется тем же общим законам человеческого языка, что и наш с вами. И первый из этих законов гласит: «Не бывает слога без гласного звука». Даже если написаны одни согласные, на самом деле произносится "гласный звук. В чешском языке есть слово **prst** — «палец». Написан как будто бы согласный — **r** (то есть **р**). Но он произносится как гласный. Таким же гласным может быть в чешском языке **l**. А в словацком языке **r** и **l** могут быть, как любые гласные, краткими и долгими!

Вы спросите: как же **р** или **л** могут быть гласными? Но прислушайтесь к русским словам **рубль** или **храбр**. Здесь **ль** и **р** тоже выступают как гласные — они образуют слог: получается что-то отдаленно похожее на **ру-бель** или **хра-бор**. А когда мы произносим некоторые другие русские слова в быстром темпе, например **торговать**, то первое **о** «сбегает» и весь слог начинает держаться только на **р**: **тр-го-вать**.

Так что имена, выдуманные польским фантастом Станиславом Лемом в его рассказе «Вторжение с Альдебарана» — **Нгтркс** и **Пвгдрк,** возможны у нас на Земле только если **р** — гласный и образует слог.

Но возможны они далеко не во всяком языке. И теперь пора встретиться с третьим «героем» нашей главы — маорийцем Мауи.

Это имя я не придумал. Так зовут героя древних маорийских легенд. И легко предположить, что и сейчас маорийского

мальчика могут назвать этим звучным и популярным именем. Язык маори относится к так называемой полинезийской семье языков. И у всех этих языков есть общая особенность: они не любят согласных! В этих языках совсем мало согласных (по сравнению, например, с русским или армянским), и они практически никогда не образуют сочетаний. Типичный слог в таком языке — «согласный + гласный». Или просто один гласный. Это хорошо видно на карте Тихого океана: острова **Раиваваэ, Тубуаи, Риматара, Аитутаки, Каукура, Рароиа;** города **Папеэте, Аваруа, Нукуалофа, Салаилуа…** Путешествуем дальше на запад и вдруг встречаем на одном из островов город **Рабаул,** а на другом (это Новая Гвинея) — город **Вевак.** Ясно: здесь говорят уже не на полинезийских языках! И действительно — в этих краях распространены меланезийские и папуасские языки.

Самый «богатый» согласными полинезийский язык — как раз родной язык Мауи, маорийский. Здесь их целых 10! Заметим для сравнения: в русском их 37, в армянском 30. А вот в саамском — 53. В лакском — одном из языков Дагестана — 41. А в гавайском такого «богатства» нет: в нем 7 согласных звуков — **h, m, n, p, l, k, w.**

Полинезийские языки не только не «любят» согласных — они «любят» гласные. В гавайском языке есть слово **oiaio** — «правда». В нем все звуки — гласные. И пять слогов — по числу гласных. Попробуйте-ка найти подобное русское слово!

Есть на земном шаре и такие языки, которые любят какие-нибудь согласные в одном месте слова (или слога) и совершенно не переносят их в другом месте. Вот китайский язык. В нем слог может начинаться с любого согласного звука, а кончаться — только на **й, н** или **нь**. Или совсем другой язык, во многом противоположный китайскому, — эскимосский. В конце эскимосского слова не может быть почти половины всех звуков этого языка! Среди них такие привычные для нас, как **п, в, ф, л, р…**

Впрочем, и русский язык имеет в этом смысле свои «симпатии» и «антипатии». В нем ни одно слово не начинается звуком ы, хотя чем он «хуже» звуков у или о, например? И ни одно слово не кончается на звонкий согласный: если мы его и пишем (**пруд, клуб**), то произносим вместо него глухой (**прут, клуп**).

У каждого языка свои пристрастия. И порой происходят странные изменения в звучании слова, когда оно заимствуется одним языком из другого.

Как-то мне в руки попал учебник, изданный на вьетнамском

языке. В тексте я обнаружил географические названия и фамилии — очевидно, русские, но в то же время и не совсем. Что за город **Mat-sco-va**? Да просто — Москва. По-вьетнамски в конце слога может стоять либо гласный, либо носовой согласный, либо **п, т** или **к.** Слога**мос** в нем не бывает. И вьетнамцу приходится вставлять в слово **Москва** лишний согласный и лишний гласный и превращать его из двухсложного в трехсложное. Еще сложнее с австралийским городом **Мельбурн** — его название по-вьетнамски выглядит так: **Menbuoc.**

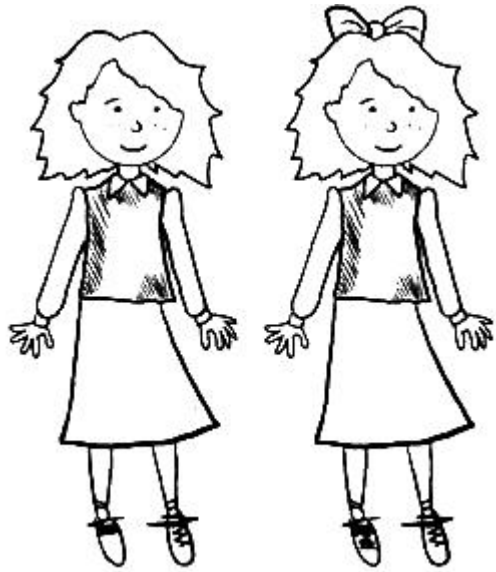
Когда одна из моих книг была издана на японском языке, моя обычная русская фамилия превратилась на обложке книги в японскую: **Ре-он-ти-е-фу.** Дело в том, что в японском, во-первых, нет звука л — его заменяет **р.** Во-вторых, слога **тьев** там тоже не может быть. В-третьих, японское слово (да и слог тоже) не может кончаться на согласный. И в-четвертых, в японском нет звука **в,** но есть звук **ф,** с которым сочетается только один гласный — у. Легко видеть: никак иначе по-японски фамилию **Леонтьев** не изобразишь.

В японском языке довольно много слов, заимствованных из европейских языков. Как должно звучать по-японски слово **матрос?** Вы почти угадали: **мадоросу.** А английское слово **ice-cream —** «мороженое», звучащее как **айс-крим,** превращается в **айсу-куриму.**

Ах, фремя, фремя!

Мы говорим: звонкий согласный, глухой согласный… В учебнике перечислены звонкие согласные, например **б, в, г, ж**. У них есть глухие близнецы — **п, ф, к, ш…**

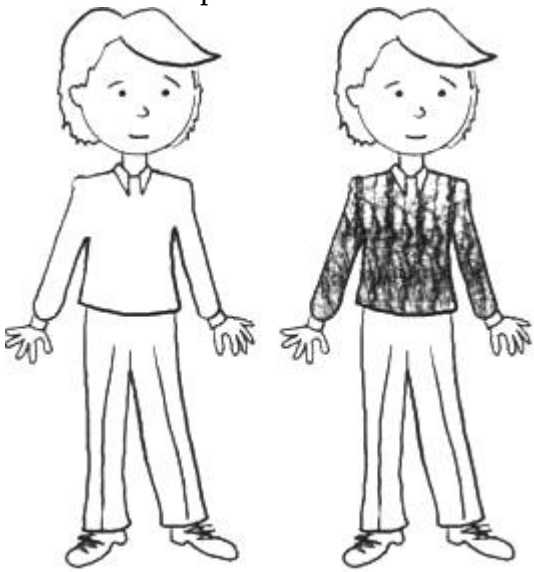
Взгляните, в книжке нарисованы две девочки-двойняшки — Галя (Галина) и Каля (Калерия). Они так похожи друг на друга, что даже мать их не может различить и вплетает Гале в косу розовую ленту. Теперь у Гали есть один отличительный признак, одна отличительная черта — лента.



И у имени **Галя** тоже есть такая черта, такой признак, который отличает его от имени сестры — **Каля**. Это звонкость: **г — к.**

В русском языке много таких слов, которые различаются только такой «лентой». **Дом** и **том**. **Бот** и **пот**.

А на следующем рисунке — два брата-близнеца. Одного зовут Гена (Геннадий), другого Геня (Евгений). Они тоже очень похожи. Только Геня носит рубашку в клетку, а Гена — белую. Значит, их всегда можно отличить по цвету рубашки — это их различительный признак.



Имена **Гена** и **Геня** тоже отличаются одним-единственным признаком: в первом из них твердый звук **н,** во втором — мягкий

нь. Вы скажете: а разве **я** не отличается от **а?** Здесь начинаются причуды русской орфографии. И в имени **Гена,** и в имени **Геня** последний звук одинаковый — **а:** вы в этом легко убедитесь, если попытаетесь его протянуть: **Гена-а-а… Геня-аа.** Буква **я** только обозначает, что в имени **Геня н** — мягкий звук, а не твердый.

В русском языке мягкость и твердость различают множество слов, в остальном полностью совпадающих: **мел** и **мель, мол** и **мёл, мал** и **мял.**

…А теперь проделаем мысленно опыт. Что будет, если мама забудет завязать Гале розовый бант? Ее не отличить от Кали. Точно так же не отличить **д** от **т** в конце слова, которое звучит **прут.** Непонятно — то ли в нем купаться, то ли им гнать гусей на водопой или еще куда-нибудь?!

Геня тоже может надеть белую рубашку. Есть такие сочетания звуков, где не важно, какой согласный мы произнесем — твердый или мягкий. Например, слово **пасть:** одни произносят его с твердым **с,** другие — с мягким **сь.** Я, например, произношу в этом слове **сь: пасьть.**

А к звукам **ш, ж, ц** белая рубашка, так сказать, приросла: они всегда твердые, у них нет мягких близнецов. И даже когда после буквы **ш, ж** или **ц** пишут мягкий знак, это делают только для того, чтобы мы с вами сразу поняли: слова **рожь** или **мышь** — женского рода и третьего склонения: **хвост мыши,** а не «мыша».

Й, ч, щ, наоборот, всегда ходят в клетчатой рубашке. Твердых близнецов у них нет.

Сравним теперь "звуки**б, д, г.** Все они — звонкие, все — твердые. Ивсе-таки они друг на друга не похожи. И немудрено: мы их произносим по-разному: **б** — губами, **д** — прижимая кончик языка к верхним зубам, **г** — напрягая мягкое нёбо. Согласные звуки так и называются: **губные, зубные, нёбные.** И это — еще один их признак: место, где они образуются.

Если вы читали «Кондуит и Швамбранию» Льва Кассиля, то, наверное, помните золотоволосую Таю Опилову, которая на одной из страниц повести говорит: **У бедя дасборг.** Что произошло? Она из-за простуды не могла правильно выговаривать те звуки, которые обязательно нужно произносить «в нос»: **н, нь, м, мь.**

Попробуйте произнести **н** не «в нос» — получится **д**. Попробуйте произнести **б** «в нос» — получится **м**. Значит, «в нос» и «не в нос» —

еще один отличительный признак русских согласных.

Всего признаков, значит, четыре. Важно, звонкий или глухой; твердый или мягкий; где образуется (губной, зубной или нёбный); и наконец — носовой или нет. Все это можно изобразить на

схеме:

Есть и еще один звук, похожий на **б**: это **в**. У них тоже только одно маленькое различие — маленькое, но важное: **Ваня** — не **баня**, **вал** — не **бал**!

Какое же это различие? Попробуйте тянуть звук в: в-в-в-в. А теперь б. Не получается? Потому **б, г, д, п, т**, **к** и другие звуки называются взрывными. А **в, ф, с, ш** — это щелевые: когда мы их произносим, воздух как будто протискивается сквозь щель. Только щель эта, как и взрыв, может быть в разных местах: между губой и зубами (**ф**), между языком и зубами (**с**)… **Ш** рождается еще глубже, и уж совсем глубоко, почти в глотке, получается **х**. Значит, на нашей картинке нужно нарисовать еще один звук — **в**. И написать около **б** — взрывной, а не щелевой!

…Обычно, когда говорят, что один язык не похож по звучанию на другой, думают: в этом языке есть какие-то особые звуки, а в том этих звуков нет. Конечно, бывает и так. Например, в лакском языке есть звук, который произносится глубоко в глотке, он взрывной и чуть-чуть «хрипящий»: в лакском алфавите его обозначают **xl**, например **xlилла** — «хитрость». Но большая часть звуков во всех языках похожа друг на друга! И в русском, французском, английском, немецком языках согласные звуки по большей части совпадают или очень близки. Даже такой, казалось бы, «русский» звук, как мягкое **хь** в слове **хихикать**, есть в немецком языке. А такой «английский» звук, как **дж** (имейте в виду: это не два, а один звук!), в русском языке встречается довольно часто. Вслушайтесь, к примеру, как вы произносите такое сочетание слов: **дочь бы пришла**!

Главная разница между языками не в отдельных звуках, а в тех «лентах», в том «цвете рубашки», которые различают один звук от другого.

Откройте «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина на той странице, где генерал-немец Андрей Карлович разговаривает с Петрушей, прочитав письмо его отца:

«Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!»

Так же говорит по-русски немец-гувернер Карл Иванович в «Детстве» Льва Толстого: откройте эту книгу и посмотрите сами.

Как вы думаете, почему Пушкин и Толстой изобразили русскую речь немца именно так? Неужели в немецком языке нет звонких согласных? Если вы учите в школе немецкий язык, то сразу ответите: конечно, есть! Хотя бы в слове **baden** — «купаться».

Да и на карте Германии вы можете прочесть названия городов, где явно есть звонкие согласные: **Берлин, Дрезден, Бонн, Дюссельдорф.**

В чем же тогда дело?

Вслушайтесь в русский звук **д** — хотя бы в слове да. Сравните его со звуком **т** в слове та. Чувствуете, что звук **т** произносится сильнее, энергичнее, чем **д**? (Это установлено и специальными исследованиями.) Правда, чтобы правильно понять русское слово, сила звука совершенно не важна. Даже если мы будем специально произносить **т** слабо, а **д**, наоборот, энергично, **да** останется **да**, а **та — та**. Здесь важна звонкость, та лента, по которой мы отличаем Галю от Кали.

В немецком же языке все наоборот. Немцу совершенно не важно, есть звонкость или нет. Он отличает **d** от **t, b** от **p**, **g** от **к** по силе звука. Наши звонкие согласные для него прежде всего — слабые, а наши глухие — сильные.

Охотно верю, что это не сразу укладывается в вашей голове — так мы привыкли к тому, что звонкость важна, а сила звука — нет. И тем не менее это именно так. Рассказывают об одном трагическом актере, который в самый волнующий момент спектакля вскричал: **O Ende!** Это значит: «О, конец!», то есть «Все кончено!». Но при этом он так нажал на звук **d,** что вместо слабого звука получился сильный. Зрители должны были проливать слезы, а они расхохотались: слово **Ende** слилось для их слуха со словом **Ente**, где **t** — сильный звук. Получилось: «О, утка!»

Значит, в немецком языке звонкость так же не важна, как в русском — сила звука. Немцу совершенно не важно, кроме того, мягкий звук или твердый. И когда немцев учат русскому языку, то одна из самых больших трудностей — научить их различать **б** и **бь**, **т** и **ть**, **н** и **нь**.

Теперь вдумайтесь: вот немец говорит по-русски. Возьмем любое слово, хотя бы **погода**. Русский звук **п** немец произнесет как сильный, а это значит для него глухой. Ясно, что мы услышим

его тоже как глухой: **п**. А русские гид он произнесет слабо. И наше ухо услышит что-то среднее между **г** и **к** или между **д** и **т**. Не понятно: не то звонкий, не то глухой. И слово **погода** в устах немца, говорящего по-русски, слышится нам так: **покота**.

Но в немецком языке **б** и **п** все-таки различаются, хотя и иначе, чем в русском! А вот, например, в корейском языке они вообще не различаются. Хотя в корейской речи вы можете услышать б, но сам кореец не сможет отличить его от п. И русское слово **папа** он услышит и произнесет так: **паба**. Потому что любой глухой согласный между двумя гласными в корейском языке становится звонким.

В корейском языке есть и еще одна очень интересная вещь. Помните, мы написали около русского б: «взрывной, а не щелевой!» Около корейского звука **п-б** такая надпись не нужна: в корейском языке нет ни звука **ф**, ни звука **в**. Правда, есть звуки **с** и **х**. В индейском языке итонама в Боливии вообще есть только один щелевой звук, и это **с**; зато в корякском языке на полуострове Камчатка как раз **с** и отсутствует. Лично мне известен только один язык совсем без щелевых: это тамильский в Южной Индии. В нем, правда, щелевые звуки время от времени встречаются, но только в заимствованных словах. Есть еще язык абелам на Новой Гвинее, где из всех щелевых есть только **w,** похожий на русский звук **в**.

Я чувствую, что в ваших глазах загорается спортивный азарт! Может быть, можно зачеркнуть все наши надписи на картинке?!

Пойдем дальше. Или, вернее, пересечем горы, отделяющие восточный берег Новой Гвинеи от западного (а вместе с ними — границу между государством Папуа — Новая Гвинея и Республикой Индонезия), и бросим взгляд на язык асмат — тоже папуасский. В нем нет носовых звуков! Вернее, они есть, но то, что они носовые, ничего не значит. Во всяком случае в начале слова они заменяются обыкновенными звонкими.

А место образования звука?

Вот тут-то я и вынужден несколько охладить ваш пыл. Сколько бы мы с вами ни искали языка, где не было бы губных, зубных и нёбных, — такого языка мы не найдем.

А теперь я предложу вам несколько упражнений. Попробуйте произнести вот такой звук. Он начинается с легкого носового хмыканья. Потом переходит в звук, похожий на русское **г.** А заканчивается почти как **у** (или английское **w**), только это не гласный, а часть согласного: **нГw.** Этот звук я нашел в языке форе, тоже на Новой Гвинее.

Поцокайте языком, как будто вы о чем-то сожалеете: **ц-ц-ц!** А теперь после первого цоканья прибавьте: **гам.** Получится слово.

На готтентотском языке нама оно значит «два». В языках Южной Африки таких согласных много: цоканье в разных местах, чмоканье, как при воздушном поцелуе, и совсем уж странные звуки вроде щелчков, но произносимые в задней части рта, — описать их вам я никак не решаюсь.

Зачем, впрочем, ездить так далеко? На Северном Кавказе, живет небольшой народ — абазины. В их языке — абазинском — есть звук… Как бы вам объяснить? Произнесите **дж,** но не как два отдельных звука, а по-английски, в один звук. Произнесли? Теперь прибавьте после него **в,** тоже так, чтобы получилось не два **(дж+в),** а один звук. Готово? А теперь повторите его два раза подряд без перерыва: **джвджв.** Если это вам удалось, последнее задание: скажите слово **джвджварта.** Не можете? Слово самое обыкновенное, а значит оно «прачечная».

Ах, смогли? Тогда произнесите звук **к** так, как будто вы откашливаетесь. Теперь прибавьте к нему **в.** Получится абазинский звук, изображаемый так: **кlв.** Повторите его дважды. А чтобы вы совсем отчаялись, вот вам слово: **ачвы-кlакlв-ра.** Это глагол «выдергивать».

Ну, а гласные… Гласные еще больше похожи друг на друга. В том языке их больше, в другом меньше. Меньше всего их в том же абазинском языке — два: **а** и **ы.** Может быть, раньше в нем вообще был только **а.** Ученые думают, что когда-то в австралийском языке аранта тоже был один-единственный гласный.

Немножко о фонеме

В лингвистике четко различают два разных понятия. Даже три. Вот они: **звук, звуковой тип**, **фонема**.

Что это такое?

Ну, что такое звук, в общем, понятно. Сколько раз я произнес **а**, столько получилось звуков.

А теперь мысленно соберем все звуки **а**, которые я произнес. Каждый из них будет чуть-чуть отличаться от других — хотя бы потому, что в разных словах, рядом с разными звуками **а** звучит не совсем одинаково. Но все равно это будет **а**! И если вы, читатели этой книги, будете произносить слова со звуком **а**, этот звук тоже можно легко узнать. Одним словом, в русском языке есть звуковой**тип а**: как бы ни отличались один от другого разные звуки **а**, звуковой тип все равно один. И произносится он по одним и тем же правилам, которые называются **звуковой нормой** языка.

Герой «Капитанской дочки» — немец, говоривший по-русски,

нарушал как раз эту звуковую норму.

А что такое «фонема»? Это отличительные признаки звука (звукового типа), собранные вместе. Помните картинку со звуком б? Мы знаем: это звук звонкий, а не глухой; твердый, а не мягкий; губной, а не зубной; не носовой; наконец, взрывной, а не щелевой.

А вот про придыхательность ничего не было сказано. И не случайно. Этот признак — не отличительный: можно произнести **б** с придыханием после него, а можно без придыхания. Фонема будет все та же. А вот звуковая норма русского языка нарушится: никто не произносит **бочка** как «б^{x}очка».

В русском языке — мы уже говорили об этом — **ж, щ, ц** всегда твердые. Но это — признак звукового типа, а не фонемы **ж**. Твердого произношения **ж** требует звуковая норма. А звуковой системе русского языка это безразлично: ведь нет такой пары слов, которая различалась бы только твердостью или мягкостью звука ж. И если человек, чей родной язык — тюркский (например, узбек или азербайджанец), произнесет какое-нибудь слово, скажем, **жир**, с мягким ж, он нарушит не русскую звуковую систему, а только норму.

Первым, кто в языкознании догадался разделить звук и фонему, был великий ученый Иван Александрович **Бодуэн де Куртенэ** (1845–1929). Я не случайно не сказал «русский ученый»: по происхождению он был поляк (и на самом деле его звали Ян Игнаций Нецислав), по имени и отчеству — русский (потому что бóльшую часть жизни прожил в России), а по фамилии — француз. Его предком был герцог Болдуин или Бодуэн — участник одного из крестовых походов; другими предками были не менее знатные графы де Куртенэ. Отсюда и фамилия.

Сто лет назад Бодуэн де Куртенэ впервые понял, что звук и фонема — не одно и то же. А само слово «фонема» придумал его ученик, Николай Вячеславович **Крушевский**, — помните рассказ о «Мемуаре» Фердинанда де Соссюра?

Бодуэн прожил длинную (он умер 84-х лет от роду!) и непростую жизнь. В 30 лет он блестяще защитил диссертацию и имел уже мировую известность. Но в царской России поляку было не так-то просто получить место профессора — и Бодуэн провел десять лет в Казанском университете, в сущности — в глубокой провинции, почти «медвежьем углу». Затем он преподавал в Дерптском университете (теперь этот город называется Тарту), затем — в Краковском (тогда город Краков находился в Австро-Венгрии)… И всюду он приходился «не ко двору» своим независимым характером, несгибаемой принципиальностью и исступленным стремлением к справедливости. Таким людям,

особенно когда они талантливы или даже гениальны, как Бодуэн, всегда живется трудно.

В первые годы нового, XX века Бодуэн де Куртенэ приехал в Петербург и надолго поселился там. Революционером он не был, но терпеть не мог реакционеров, черносотенцев: известен случай, когда он отказался присутствовать на ученом совете университета, потому что за тем же столом сидел один академик, написавший и напечатавший погромную антисемитскую листовку. «Или он, или я», — заявил Бодуэн. А в самые темные годы реакции, накануне первой мировой войны, он опубликовал небольшую брошюру, в которой требовал автономии (то есть частичной самостоятельности) для «малых», нерусских народов Российской империи. За эту брошюру его изгнали из университета и посадили на несколько месяцев в тюрьму. А в 1918 году, когда Польша стала самостоятельным государством, Бодуэн вернулся в Варшаву и до самой смерти жил там. Умер он в 1929 году.

А вот человека, который ввел в науку понятие отличительного (дифференциального) признака фонемы, я знал лично. Его звали Роман Осипович **Якобсон** (1896–1982). Тот самый «Ромка Якобсон», о котором Владимир Маяковский ночи напролет разговаривал с советским дипкурьером Нетте, — помните стихотворение «Теодору Нетте — пароходу и человеку»? Якобсон родился в России. Долго работал в советском посольстве в Чехословакии, а потом случилось так, что не смог вернуться на родину и до конца жизни скитался по разным странам. Умер он в США в начале 1980-х годов едва ли не самым знаменитым лингвистом мира. Но до самого конца продолжал любить родную страну, старался сделать побольше хорошего для советской науки, часто приезжал в Москву. На могиле его написано: «Русский филолог». Это был человек большой душевной красоты и поистине невероятной образованности. Мало есть таких проблем языкознания, к решению которых он бы не приложил руку.

Знаю я и человека, который ввел в лингвистику понятие звуковой нормы. Его зовут Эухенио Косериу, и живет он в ФРГ, заслуженно считаясь одним из самых крупных лингвистов Европы.

Звуки в упаковке, или что такое ударение

До сих пор мы рассматривали звуки, можно сказать, поштучно. Брали в руки, поворачивали во все стороны, сравнивали с другими…

Но в языке они никогда не выступают поодиночке. Конечно, в любом языке есть слова из одного звука. Вы уже должны сами сообразить, что этот единственный звук — обязательно гласный! А как же русский предлог **в**? — спросите вы. Но разве предлог — это слово? Учебник так утверждает? В следующей главе мы попытаемся показать, что он прав только отчасти.

Возьмем любой звук — скажем, **и.** В русском языке это союз. В латинском, языке древних римлян, — глагол в повелительном наклонении **i!** — «Иди!» Во вьетнамском — прилагательное: «неподвижный». В африканском языке эве — местоимение «его» («он ищет его»).

Однако такие слова составляют в любом языке меньшинство. Обычно звуки надо упаковывать вместе, чтобы получилось слово.

Зачем же их «упаковывать»? — спросите вы. Поставить рядом, вот и все! Мы ведь уже знаем, что в разных языках звуки соединяются по-разному. Соединим их по правилам русского, армянского, вьетнамского языков — и дело с концом!

…Мой отец в юности, как говорят, «на спор» сочинил стихотворение: в нем каждые две строчки на слух совпадают. (Больше он, по его утверждению, стихов никогда не писал.) Вот его начало:

Вечереет.
Вечер реет.
Из окошка
Иза, кошка,
На колена!
— На-ка, Лена…

Совпадают? И да, и нет. Потому что в первой строчке одно ударение, а во второй — два: **вечер реет**.

В третьей опять одно (предлог **из** — безударный). В четвертой снова два: **Иза, кошка.**

Я сказал: ударение. А что это такое?

Мы с вами говорим пока о русском языке. И ответ на мой вопрос должен быть такой? Когда один слог (или, если хотите, один гласный звук) произносится сильнее других, это называется ударением. Добавим к этому еще одно уточнение: в любом русском слове есть такой (ударный) слог.

И русское ударение (точнее: такое ударение, как в русском языке!) так и называется — **силовое**.

Но разве может быть какое-нибудь еще?

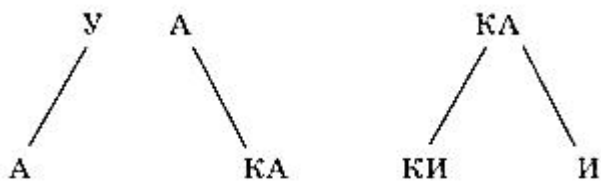
А почему бы и нет? Ведь нам важно упаковать звуки в одно целое слово. Чтобы можно было различить **вечереет** и **вечер**

реет. А как это сделать — не важно: ведь **б** и **п**, как мы с вами видели, тоже можно различать по-разному — можно по звонкости, можно по силе…

Давайте снова попутешествуем по карте языков мира и посмотрим, нет ли такого языка, где ударение — не силовое, а какое-нибудь еще? Таких языков, оказывается, очень много. Например, японский. В нем ударение — **музыкальное**. Ударный слог отличается от безударного не по силе, как в русском, а по высоте тона.

Что это такое — высота тона? Певец исполняет популярную песню. Мелодия песни — это отдельные ноты, соединенные вместе. У каждой ноты своя высота тона — этим «до» и отличается от «ре», и «ре» — от «ми». И совершенно не важно — поет песню бас или тоненький тенор, рычит этот бас так, что дребезжат стекла, или напевает песню вполголоса — нота остается той же нотой, у нее одна и та же высота. Иначе мелодия зазвучит фальшиво.

У японского слова тоже своя мелодия, и ее можно изобразить нотными знаками. А еще нагляднее можно показать ее на рисунке. Я взял три слова: **ау** — «встречать», **ака —** «красный» и **кикаи —** «машина».



Ученого, который первым открыл, что у каждого японского слова есть мелодия, звали Евгений Дмитриевич **Поливанов (1891–1938).** Он был учеником Бодуэна де Куртенэ. Поливанов знал несколько десятков языков — более того, свободно говорил на них! Его биография настолько увлекательна, что хочется написать о ней приключенческий роман… Сразу после Октябрьской революции он расшифровал и опубликовал в «Правде» и «Известиях» тайные договоры царского правительства. Затем заведовал всеми странами Востока в Наркомате иностранных дел. Затем вел партийную работу среди китайцев, живущих в Петрограде, был редактором первой китайской коммунистической газеты, организатором китайских добровольцев, сражавшихся на полях гражданской войны. В 1920 году он уехал в Ташкент. Через 6 лет вернулся в Москву и возглавил лингвистическую науку страны. Прошло 3 года — и тут-то стало ясно, что среди качеств, унаследованных Поливановым от его учителя Бодуэна, на первом месте была

принципиальность. Дело в том, что к концу 20-х годов стало распространяться так называемое «новое учение о языке» академика Николая Яковлевича Марра, который попытался ввести марксистские положения в языкознание, но сделал это прямолинейно, вульгарно, без глубокого понимания сущности марксизма. К сожалению, «учение» Марра официально было объявлено единственно подлинной марксистской наукой о языке. Многие лингвисты, конечно, понимали, что это не так, но не рисковали в 30-е годы открыто выступать против. И только Поливанов ринулся в бой и публично сказал все, что думал, об учении Марра. За это он поплатился. Его сняли с работы, запретили издавать его книги, сам он вынужден был уехать в Среднюю Азию, где в 1937 году был арестован и погиб. Первое издание его избранных работ вышло только в 1968 году, через 30 лет после его гибели. В эти годы ученый был посмертно реабилитирован.

Но вернемся к музыкальному ударению.

А почему бы, собственно, не использовать тот же принцип — музыкальный — и для других целей, например чтобы противопоставить один звук другому?

Согласный, конечно, не может иметь собственного тона. Потому он и согласный, что произносится с шумом, а шум — это смесь звуков разной высоты. А вот гласный… Тем более, что разных способов произносить гласные не так уж много: в русском языке их, как известно, всего-навсего шесть. Поэтому очень легко вообразить себе такой язык, где у каждого гласного есть свой тон, своя высота, отличающая его от других гласных.

Есть ученые, которые считают, что так было когда-то во всех языках и только потом многие из них потеряли свою «музыкальность». Но очень, очень многие ее сохранили: китайский, вьетнамский, многие другие языки соседних стран Юго-Восточной Азии, большая часть языков Африки, индейские языки Центральной Америки…

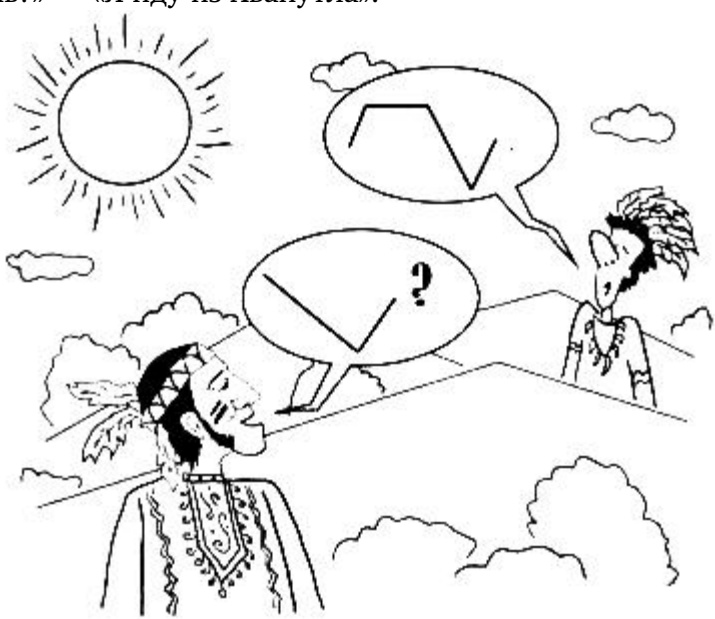
В таких языках (они называются **тональными)** у каждого гласного есть свой музыкальный тон. Если заменить его на другой, изменится смысл слова или целого предложения. Например, индейцы миштек рассказывают историю о том, как один испанец, плохо говоривший по-миштекски, послал индейцев принести для праздника пальмовых ветвей. А они пошли в горы, поймали там лисицу и принесли: «пальмовые ветви» и «гора, где водятся лисы» отличаются в этом языке только тонами, в остальном все звуки одинаковые. Такой же рассказ есть у готтентотов. Европейский миссионер произносил слово «Бог-Отец» с высоким тоном вместо низкого, и у него получался «Бог-

козел», что, естественно, вызывало у слушателей веселое настроение…

Музыкальный тон может отличать не только разные слова, но и разные грамматические формы. В африканском языке луба тоном различаются лица глагола **(ты** или **он).** В языке га, тоже в Африке, — утверждение и отрицание **(я делаю — я не делаю).** В языке яунде — времена (**я вижу — я видел).**

Когда язык музыкальный, это вызывает свои сложности. Например, как петь на этом языке?! Обычно мелодии песен следуют в таких случаях за речевой мелодией (в китайском языке, у североамериканских индейцев навахо, у известных нам готтентотов нама и у яунде).

Но есть у тональных языков и свои достоинства. Можно «разговаривать» одними тонами! Конечно, понять такой «разговор» трудновато. Но если можно примерно догадаться, о чем идет речь, достаточно тонов. Индейцы, говорящие на мазатекском языке, живут в узкой долине и поднимаются работать на склоны гор, окаймляющих эту долину. На таком расстоянии — через долину — особенно не побеседуешь, даже если кричать. Но свист можно услышать. И вот ма- затеки насвистывают то, что хотели бы сказать. Например: «Откуда ты идешь?» — «Я иду из Хваиутла».



Еще одно достоинство тональных языков: стихи на этих языках никак нельзя читать «без выражения», монотонно. Однажды студент-вьетнамец пригласил меня к себе в гости, угощал вьетнамскими кушаньями и заводил вьетнамские пластинки. Послушав одну из них, я воскликнул: «Какая

мелодичная песня!» Мой вьетнамский друг смутился (ему было неловко за меня!) и сказал: «Это не песня, это стихи…»

А теперь вернемся к русскому языку. Если вы были внимательны, то заметили: я немного покривил душой. Ведь нам важно не только понять, сколько слов — одно, два, три, нам важно, где кончается одно и начинается другое. Значит, мало, чтобы в слове было ударение. Должен быть и какой-то еще способ отметить границу слова.

Мне известно три таких способа.

Самый простой: ставить ударение всегда в начале слова. Или в конце — это безразлично. Можно и на предпоследнем слоге — лишь бы мы точно знали, где. Тогда у нас нет никаких проблем: границу между словами надо искать или перед ударением, или после него, или через один слог после него.

На первом слоге всегда стоит ударение, например, в чешском языке: **Пра́га, Ка́рловы Вары,** писатель **Ка́рел Ча́пек,** поэт **Ви́тезслав Не́звал.** Моего чешского друга зовут **Я́ромир.**

Всегда на последнем слоге ударение в армянском языке: город **Ерева́н,** озеро **Сева́н,** художник **Мартиро́с Сарья́н,** поэт **Егише́ Чаре́нц,** имена моих армянских друзей — **Аве́т, Сейра́н, Овсе́п**…

А в польском языке ударение всегда на предпоследнем слоге: **Варша́ва, Кра́ков, По́знань,** художник **Мате́йко**, поэт **Ту́вим**. Когда польское слово склоняется, то ударение переходит на нужный слог: не «в По́знани», а **в Позна́ни**.

В русском языке, однако, у ударения нет постоянного места: **ко́рочка, коро́ва, карава́й**. Как же быть в этом случае?

Давайте возьмем какое-нибудь достаточно длинное русское слово. Ну хотя бы каравай. В нем написаны три одинаковые буквы а. Но одинаково ли мы произносим эти звуки?

Ударное **а** — «настоящее», оно слышится совершенно ясно. Ударение его сковывает, ему некуда «сбегать» — хочешь не хочешь, играй свою роль.

А вот другое **а** — в слоге **ра**. Ему легче: можно «сбежать». Но страшно: ударение слишком близко. Так что **а** поглядывает на дверь, но остается на своем месте. Это уже не настоящее **а**, оно немножко похоже на **ы,** немножко на **о**.

В слоге **ка а** чувствует себя совсем свободно. Оно уже совсем не похоже на ударное а: на слух вообще не разберешь, что это за звук. Если мы говорим медленно и отчетливо, следя за всеми звуками, оно на всякий случай остается на своем месте. Но как только мы начинаем торопиться и теряем бдительность, это **а** под шумок вообще «сбегает».

Так что на самом деле слово **каравай** произносится

примерно так:

Ударное **а** ни с чем не спутаешь: **карава́й**, но **хорошо́**. А вот **а** перед ударением не случайно немножко похоже на **о**: в том же слове **хорошо о** (в слоге **ро**) совершенно не отличить от этого **а**! А самое «безответственное» **а** — в первом слоге — в то же время и самое безликое. Чем дальше от ударения, тем менее отчетлив гласный.

Проделаем физический опыт. Положим несколько толстых книг одна на другую, а сверху очень длинную линейку, так чтобы один ее конец свободно свешивался. Чтобы линейка не упала, прикроем ее сверху еще книгами — так, как изображено на рисунке.

Под своей тяжестью свободный конец линейки отвиснет вниз. Пачка книг — ударение, линейка — русское слово. Чем дальше от книг, тем больше линейка отвисает вниз.

Вот какой хитрый способ есть в русском языке для того, чтобы узнать, где слово начинается или кончается! А в каждом новом слове — свое, новое распределение ударных и безударных слогов:

Это второй способ. А третий какой?

В русском языке **а** и **и** вполне могут встретиться в одном слове: **пастила**. А вот, например, в киргизском языке так не бывает. Если в первом слоге **а**, то в других слогах может быть только **а** или **ы**. Если **и** — то может встретиться только **е** или **и**. Возможны слова вроде **ата** — «отец», **азыр** — «сейчас», **ичек** — «кишки», но не бывает слов вроде «ати» или «ичак». Их не может быть и во многих других языках. Даже когда к слову прибавляется суффикс или окончание, оно подчиняется тому же закону. Например, в азербайджанском языке есть окончание **— ди** — оно обозначает прошедшее время глагола. Если в корне **и**, то оно произносится **— ди**: **билди** — «узнал». Но если в корне **а**, то окончание звучит уже иначе: **алды** — «купил». Ну а если в корне **у**, то получается окончание **ду**: **вурду**— «ударил».

Такое явление называется в языкознании очень красиво: гармония гласных.

А как вы думаете: бывает ли гармония согласных? То есть если слово начинается с какого-то согласного, то и все остальные должны быть на него похожи? Все звонкие, или все глухие, или все щелевые, или все носовые?

Я — не знаю. Мне такие языки пока не встречались. Но почему бы им не быть?!

Бывают ли языки без грамматики?

Куда склоняются наши слова?

Что такое склонение, вы хорошо знаете. Как любят говорить школьники, «Это когда…». Когда что? Во-первых, когда в слове есть основа и есть окончание. Иначе говоря, когда есть такая часть, которая обозначает сам предмет: **стол-, всадник-.** И есть другая, которая к значению слова никакого отношения не имеет: она служит только для того, чтобы обозначить как мы это слово используем в предложении.

Так ли? Ведь мы привыкли к тому, что именительный падеж обозначает того, кто действует или о ком говорится в предложении. Что стоит? **Стол**. Кто скачет? **Всадник**. Кто поймал мышь? **Кошка**.

Ну, а если **Мышь поймана кошкой**? Кто здесь действует? **Мышь**? Конечно, **кошка**. А о ком говорится? Вдумайтесь в это предложение. Тот, кто его произнес, явно хотел сказать не о мыши: то, что она поймана, нам уже известно, только раньше было не ясно кем. А теперь ясно кем: кошкой. А не фокстерьером, не ежом, не мышеловкой, наконец. Значит, здесь говорится не о мыши, а именно о кошке.

Так что окончание падежа у нас в русском языке указывает скорее на то, какую роль слово играет в предложении.

…Но это еще не все. Склонение, во-вторых, «это когда» у нас есть несколько разных падежей: именительный, родительный, дательный… То есть когда окончание можно менять — и получатся разные падежи. **Стол-а, стол-у, стол-ом**. А если из многого — **стол-ов, стол-ам, стол-ами**. Таблица русского склонения напоминает класс, где столы поставлены в два ряда:

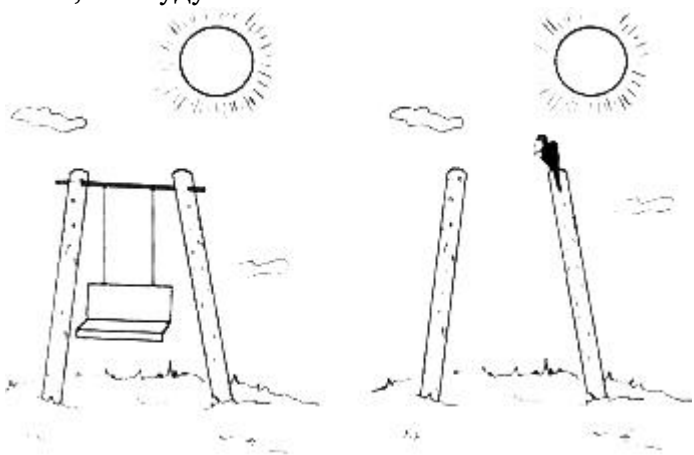
	левый ряд	правый ряд		единственное число	множественное число
первый стол			именительный падеж	*стол*	*стол·ы*
второй стол			родительный падеж	*стол·а*	*стол·ов*
третий стол			дательный падеж	*стол·у*	*стол·ам*

И так далее.

Мы говорим: слово склоняется. Прислушайтесь к этому термину. Что еще склоняется, наклоняется? (Кстати, латинское слово declinatio — его наши предки как раз и перевели словом «склонение» — можно перевести иначе: отклонение, наклон, склон.)

Слово в именительном падеже никуда не наклоняется. Оно стоит прямо, как столб, вбитый в землю. Недаром именительный падеж в латинском падеже так и назывался: casus rectus — прямой падеж. (Здесь есть противоречие. Casus «падеж» происходит от глагола cadere — «падать». Значит, это падеж, который не падает, а стоит прямо!)

А теперь наклоняем наш столб. Он явно теряет устойчивость. И если вы видите — кто-то вкапывает столб не прямо, не вертикально, а с наклоном, легко догадаться: обязательно будет вкопан еще один столб, так что получается целая конструкция. Вероятно, это будут качели.



Слово в «прямом», именительном падеже может существовать и без других слов. **Стол. Кошка. Всадник. Картинка**, а под ней подпись: **Кошка**. Рассказ, который называется «Кошка».

Однако нельзя написать под рисунком: «Кошку». Или «Кошкой». Правда, на конверте мы пишем: **Маше Петровой**. Но к таким случаям мы еще вернемся попозже.

Кошку или **кошке** может встретиться только вместе с другими словами. Это слово будет устойчиво только тогда, когда мы «вкопаем» рядом с ним другой наклонный столб и построим качели или что-нибудь другое.

Миша — завел — себе — кошку.

Миша — налил — кошке — молока.

Кошке — нравится — молоко.

Миша — угостил — кошку — молоком.

Можно сравнить такие предложения еще со строительными

лесами. Или с карточным домиком. Выньте из лесов балку или из карточного домика карту — вся постройка рассыплется. «Миша завел себе…» Такого не бывает. «Миша налил кошке…» Тоже не бывает. Постройка рассыпалась.

Заметим еще, что незаконченную конструкцию легко «достроить»: грамматические формы слов показывают, чего в ней недостает. **Миша завел себе**… Мы не знаем, кого именно. Щенка? Кошку? Но ясно, что в конструкции не хватает существительного в винительном падеже.

А как быть с надписью на конверте?

Это не единственный случай. Помните фильм «Берегись автомобиля!»? Герой этого фильма, которого играет артист Папанов, кричит: «Свободу Юрию Деточкину!» Но обратите внимание: дательный и винительный падежи здесь накрепко соединены с определенной ситуацией. Нигде, кроме письма, вы не употребите «самостоятельный» дательный падеж. И только если будете что-то требовать, причем очень настоятельно, вам понадобится «самостоятельный» винительный: **Вату!** (хирург во время операции). Впрочем, хирург может употребить и родительный, если ему нужна не вся вата, а только часть: **Ваты!**

Так что употребление «самостоятельных» падежей — это исключение, а не правило.

Если вы внимательно читаете мою книгу, то, вероятно, заметили: совсем не всегда падеж так уж необходим, и «вынув» склоняемое слово, мы не всегда разрушим предложение**. Я вернулся домой лесом**. Уберем лес**. Я вернулся домой**. И так можно сказать.

В определенных случаях можно сказать ведь и так: **Я вернулся домой *через* лес**. А во многих других случаях можно употребить примерно в том же значении и наречие: **Я вернулся домой *поздним вечером*. — Я вернулся домой *к вечеру*. — Я вернулся домой *поздно*.**

Кстати, **вечером** — это существительное или наречие? **Я вернулся домой *поздним* вечером** — здесь существительное, при нем даже есть прилагательное. А **Я вернулся домой *вечером***? Не знаю, как вам, а мне кажется — это наречие. Вообще, когда существительное, с предлогом или без предлога, обозначает место, время, способ действия, оно маскируется под наречие. И их часто не отличить друг от друга.

Итак, в русском предложении могут быть необязательные слова. Но главное — то, что в нем есть слова необходимые, так грамматически связанные друг с другом, что ни одного из них нельзя вынуть, чтобы не рассыпалась вся конструкция.

Это свойство позволяет как угодно изменять и запутывать

порядок слов в русском предложении. Ухватившись за любой «кончик», мы тут же все распутаем. Вот пример:

Петя бросил кошке рыбу.

Попробуем менять порядок слов. (При этом, правда, будут небольшие отклонения в смысле: то Петя, то кошка, то рыба будут «вылезать» не самое важное место, в центр нашего внимания. Но сейчас это для нас не важно.)

Петя бросил рыбу кошке.
Петя кошке бросил рыбу.
Петя кошке рыбу бросил.
Петя рыбу бросил кошке.
Бросил Петя кошке рыбу (и заплакал).
Бросил Петя рыбу кошке (и затопал по дорожке).
Бросил кошке рыбу Петя (и куда пошел? Ответьте!).
Бросил кошке Петя рыбу (а она ему «Спасибо!»).
Бросил рыбу Петя кошке…
Бросил рыбу кошке Петя…

Здесь (и в некоторых других примерах) я по ставил в скобках возможное продолжение: чувствуете, что при таком порядке слов без продолжения не обойтись?! Идем дальше:

Рыбу Петя бросил кошке.
Рыбу Петя кошке бросил.
Рыбу бросил кошке Петя.
Рыбу бросил Петя кошке…
Рыбу кошке Петя бросил…
Рыбу кошке бросил Петя…
Кошке Петя бросил рыбу (а собаке — мясо).
Кошке Петя рыбу бросил.
Кошке рыбу Петя бросил.
Кошке рыбу бросил Петя…
Кошке бросил Петя рыбу…
Кошке бросил рыбу Петя…

Легко подсчитать: получается 24 предложения — и все с одинаковым значением. И любое из них легко понять, потому что у нас есть «ключи» — окончания падежей. В любом из 24 примеров сразу видно, кто бросил, что бросил, кому бросил.

Известный советский языковед академик Лев Владимирович Щерба приводил в своих лекциях выдуманную им бессмысленную (казалось бы!) фразу. Вот она:

Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка.

Кто такая эта кудра, почему она глокая, что сделала с несчастным бокром и с его бокренком? Этого не знаете ни вы, ни я, да и сам академик Щерба едва ли знал. Но «расшифровать»

строение этого предложения так же легко, как разобраться в строении фразы **Петя бросил кошке рыбу**. И это благодаря окончаниям.

Вернемся к Пете и его кошке. **Петя** — подлежащее, это вам ясно. **Бросил** — сказуемое. **Рыбу** — прямое дополнение (оно выражено винительным падежом без предлога). **Кошке** — косвенное дополнение. Все это — **разные члены предложения**.

Еще вам известно: **Петя, рыба, кошка** — все это существительные. А **бросить** — глагол. И то и другое — **части речи**.

Мы берем существительное и делаем его подлежащим или дополнением. Берем глагол и делаем его сказуемым.

Но не всякое подлежащее обязательно существительное. (Пример из учебника: **Курить вредно**.) И не всякое сказуемое обязательно глагол. (Это видно из того же примера.)

Когда мы склоняем существительное, мы можем забыть о том, какую роль оно играет в предложении. **Стол, стола, столу, стол, столом, в столе…** Другое дело, что из этого ряда мы можем «вынуть» какую-нибудь форму и использовать в предложении — так или иначе.

Склоняется существительное как часть речи, а не подлежащее и не дополнение. И спрягается глагол, а не сказуемое.

Вы спросите: для чего я говорю такие общеизвестные вещи, которые легко прочитать в школьном учебнике?! Сейчас увидите.

Нельзя ли просклонять глагол?

На севере европейской части нашей страны, в тундре, живут ненцы и говорят на ненецком языке.

В ненецком языке, как и в русском, есть глаголы, например: **харвась** — «хотеть». И есть существительные, например: **хасава** — «мужчина».

Существительные склоняются, глаголы спрягаются — все как полагается. Но…

Сравните: **хардва-дм** «я хочу» (точнее: «хочу-я»),
хардва-н «хочешь-ты»,
хардва-дамзь «хотел-я»,
хардва-насъ «хотел-ты».
И рядом: **хасава-дм** «я мужчина»,
хасава-н «ты мужчина»,
хасава-дамзь «я был мужчиной»,
хасава-насъ «ты был мужчиной».

Иначе говоря, существительное в ненецком языке тоже спрягается!

Теперь вы сами можете ответить: если **мань Нинадм** значит «я Нина», то как сказать **ты Нина** («ты» — **пыдар**)?

Правильно: пыдар Нинан! А если «ты была Ниной» (а стала Ниной Петровной)? Естественно: **пыдар Нинанась**!

Продолжим упражнение. **Нюдя** — значит «маленький». Как сказать «я маленький»? Конечно: **мань нюдядм**.

Тикы — значит «это». Как сказать «это был ты»? **Тикы пыдарась** (вообще-то должно было быть пыдарнась, но **н** после **р** пропадает).

И так далее. В сущности, ничто не мешает так же спрягать и наречие. И есть нганасанский язык (родственный ненецкому), где точно так же можно сказать: «я гдетотамствую», «ты гдетотамствуешь»… Еще в одном языке — кетском, в среднем течении Енисея, чтобы спросить «где я?», «где ты?», нужно проспрягать это «где»: «я гдействую?», «ты гдействуешь?».

А нельзя ли, наоборот, просклонять глаголы? Почему же нельзя… Можно! Хотите примеры? В этом же кетском языке совершенно нормальны такие выражения:

сесолтебес «сидев»: **сесолте** «он сидел» + **бес** «окончание продольного падежа» (есть такой в кетском языке!);

туреовыдеге «когда это было»: **туре овыде** «это было» + **ге** «окончание предложного падежа»;

конгонендил «с тех пор как вы ушли»: **конгонен** «вы ушли» + **дил** «окончание исходного падежа».

Вообразить все это очень трудно, но поверьте мне на слово (как я поверил покойному профессору Андрею Петровичу Дульзону, двадцать лет изучавшему кетский язык) — это так! Любое окончание падежа можно в кетском языке прибавить к глаголу.

Всю эту «путаницу» я привел не для вашего развлечения. Мне было очень важно, чтобы вы поняли одну очень простую вещь, и я даже попросил напечатать это крупным шрифтом:

В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СКЛОНЯЮТСЯ И СПРЯГАЮТСЯ ЧАСТИ РЕЧИ (существительное, глагол). Но В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ БЫВАЕТ и так, что СКЛОНЯЮТСЯ И СПРЯГАЮТСЯ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (дополнение, сказуемое). Тогда не важно, какая часть речи играет роль, скажем, сказуемого: будь оно существительным, или местоимением, или прилагательным, или числительным — оно все равно будет спрягаться.

Значит, в **русском языке** предложение выглядит так:

А в **ненецком** так:

Но все равно ненецкое предложение, так же как русское, «держится» на формах изменяемых слов. И если известна только часть предложения, то его легко «достроить»: формы слов подсказывают, чего не хватает (подсказывают, конечно, тому, кто знает правила ненецкой грамматики — морфологии и синтаксиса).

Во всяком ли языке это можно сделать?

Мать видит дочь

Мать видит дочь… Дочь видит мать… Кто кого, собственно, видит? В первом случае, наверное, та, кто видит, — мать. Во втором — та, кого видят.

Почему мы с вами так думаем? Ясно, почему: в первом предложении **мать** на первом месте. Во втором — наоборот.

В русском языке такая фраза, в которой подлежащее можно отличить от сказуемого только по его месту в предложении, все-таки исключительный случай. А вот во вьетнамском языке, наоборот, каждый раз приходится смотреть только на порядок слов.

Con be (дочь) — thay (видит) — nguoi me (мать).

Nguoi me — thay — con be (мать видит дочь).

То же самое? Но возьмем не мать, а отца, и не дочь, а сына:

Сын видит отца. Отец видит сына.

Никакой двусмысленности! А во вьетнамском языке?

Dua con — thay — nguoi cha.

Nguoi cha — thay — dua con.

Вы уже догадались, что во вьетнамском языке

существительные вообще не склоняются. Именительный и винительный падежи нельзя различить: да и различать-то нечего — падежей нет! И в роли подлежащего, и в роли прямого дополнения будет одно и то же слово, неизменное, без окончаний — одна только основа.

Глаголы во вьетнамском языке тоже не изменяются. Спряжения, в сущности, вообще нет, как и склонения. Так что вместо **видит** здесь надо было бы поставить **вид** или **видеть.**

На чем же держится вьетнамское предложение?!

…Чтобы ответить на этот вопрос, я расскажу вам о моем вьетнамском друге Нгуен Дык Уи. Он по специальности психолог, изучал трудности, с которыми сталкиваются вьетнамцы, когда начинают учить русский язык.

Нгуен проделал опыты.

Он пришел к вьетнамским студентам, только начавшим заниматься русским языком, и дал им русское предложение: **Отец видит сына.** (Он брал, честно говоря, другие предложения, но для простоты я заменил их уже известными нам.)

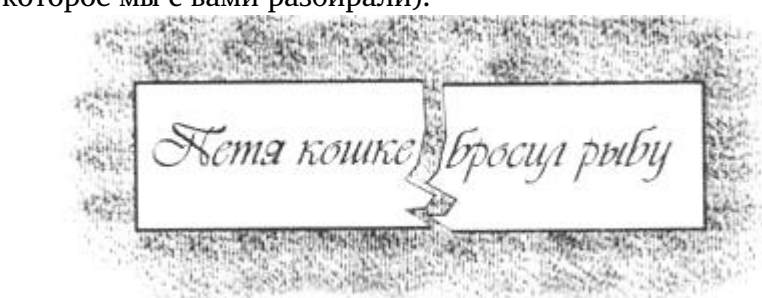
Все его прекрасно поняли.

Тогда он переставил в нем слова: **Сына видит отец**.

Все решили, что это сын видит отца! Значит, ясно: когда вьетнамец учит русский язык, он не смотрит на окончания (вернее, его надо специально учить смотреть на окончания!). Порядок слов для него важнее.

Почему?

Нгуен взял длинное русское предложение. Написал его на длинном листочке бумаги, а потом разорвал этот листок пополам, вот так (я опять беру для примера предложение, которое мы с вами разбирали):



Затем он дал русским студентам первую половину листочка и сказал им: «Напишите, что может быть на оторванной половине».

Конечно, все написали разные слова: **«погладил спину», «налил молока», «дал попить», «принес рыбку», «отдавил лапку»**. Но никто ни секунды не сомневался — на оторванной половине должно быть сказуемое. И, наверное, прямое дополнение.

Это-то и было нужно Нгуену. Тогда он задал задачу посложнее: показал вторую половину листочка и потребовал написать, что могло быть на первой.

Русские студенты не смутились и тут же начали сочинять самые различные начальные части предложения. Дело в том, что для каждого русского ясно, что в начале предложения должно стоять подлежащее. Такова типичная структура русского предложения, ясная для каждого знающего русский язык.

Тогда Нгуен написал на таком же листочке такое же (или похожее) вьетнамское предложение. Разорвал листок и дал вьетнамским студентам первую половину.

Все они легко и быстро восстановили, что могло бы быть на оторванной половинке.

И тогда Нгуен сделал самое главное в проводимом эксперименте. Он дал вьетнамцам **только вторую половину** листочка и стал наблюдать за тем, как прореагируют его товарищи.

Если вы до сих пор не только читали, но и думали над прочитанным, то, наверное, уже догадались, что произошло. Вьетнамцы не смогли восстановить по «хвосту» предложения его «голову».

Почему? У вьетнамских слов ведь нет грамматических окончаний, да и глагол не отличишь сразу от существительного. **Thay** — это и «видеть», и «взгляд». Поэтому вьетнамец рассуждает примерно так: «Это слово первое. Значит, это подлежащее. Это — второе. Значит, сказуемое. Это — третье. Значит, прямое дополнение». И так далее.

Ясно, чтобы так рассуждать, нужно знать, какое слово первое, какое второе… А если у вьетнамца в руках только вторая половина листочка, у него нет точки отсчета! Откуда ему знать: то слово, с которого начинается «хвост» предложения, — третье? четвертое? пятое? одиннадцатое?

Вот на чем держится вьетнамское предложение — на **порядке** слов. Потому-то студенты-вьетнамцы и не смотрели на русские окончания и ошибочно решили, что **Сына видит отец** — это то же самое, что **Сын видит отца**.

Нужна предикативность, дядя!

В одной повести герой возвращается из армии в родной город. Дело происходит в августе, но он встречает на улице школьника вашего возраста, спешащего в школу. Выясняется, что у мальчика переэкзаменовка. По какому предмету? По русскому языку! Не смог сказать, что такое предложение. Герой начинает

стыдить мальчика: так ведь просто! «…Выражает законченную мысль» и так далее.

Мальчик, рассказывает автор, посмотрел на героя повести с презрением и тоном превосходства разъяснил:

— Нужна предикативность, дядя!

Предикативность действительно нужна… А что это, собственно, такое?

Самый простой ответ: то, что делает предложение из кучи слов именно предложением.

Это может быть глагол-сказуемое. В нем предикативность с самого начала заложена — можно сказать, уже в словаре.

Это может быть определенный порядок слов. В монгольском языке **харь мор** значит «вороной конь». Никакого предложения пока нет. Переставим слова: **мор харь**. От одной только перестановки родилась предикативность — мы получили хоть и простейшее, но предложение: «**Конь вороной**».

А вот в русском языке, даже если нет глагола, одного порядка слов мало. Нужна особая интонация, которую мы передаем на письме тире: **Конь — вороной**. В монгольском языке интонация менее важна — зато обязательна остановка, пауза. **Балдан багш** — «учитель Балдан». Если мы хотим превратить это словосочетание в предложение, надо сделать паузу: **Балдан… багш**. Тогда получится: **Балдан — учитель**.

До сих пор мы старались понять, как из отдельных слов при помощи волшебной палочки — предикативности — получить предложение.

Вообще-то для этого не нужно иметь отдельные слова. Как это ни странно. Просто в русском языке привыкли: чтобы вышло предложение, надо складывать друг с другом именно слова.

Но можно складывать корни, суффиксы, окончания! Как?

Возьмем папуасский язык гадсуп. (Кстати, вы, наверное, уже заметили, что я очень часто привожу примеры из языков Новой Гвинеи, дело в том, что я ими специально занимался.)

Итак, язык гадсуп. Вот какие в нем бывают предложения. Мы будем, разбираясь в них, делать после каждого шага остановку:

поод-инда-у-и-ни.

Поод — это «свинья». Прибавляем **инда** — это суффикс, показывающий, что свинье что-то принадлежит, как русское **—ин: мама — мамин.** Никакого предложения пока нет.

Прибавляем **у** — это окончание множественного числа. Теперь мы знаем, что свинье принадлежит несколько предметов. Но никаких намеков на то, что это законченное предложение!

Прибавляем **и.** Это окончание отличает имена существительные или личные местоимения. Получается что-то

вроде «Они, принадлежащие свинье» (а точнее: «Свинье — принадлежащие — они…»).

Прибавляем **ни.** Это окончание делает из всего набора — предложение! Больше оно ни для чего не нужно — оно предикативное. Если его прибавить, перевод будет такой: «Они, принадлежащие свинье, существуют». Или проще: «Они принадлежат свинье».

Хотите еще? Вот вам случай посложнее:

юнаам-па-тепи-ни.

Юнаам — «пища». **Па** — суффикс, обозначающий место, получится «там, где пища».

Те — суффикс, который переводится русским предлогом **из.** Значит, «оттуда, где пища…».

Пи обозначает вопрос (как русское ли): «оттуда ли, где пища…?»

Ни… Это окончание мы уже знаем. Оно как раз и делает предложение предложением: «Не оттуда ли это, где пища?» (проще: «Не из огорода ли это?»).

У нас в России тоже есть языки, где все предложение состоит, в сущности, из одного слова. Но, в отличие от языка гадсуп, среди тех корней, которые в это слово-предложение «вставлены», обычно бывает корень глагола. Например, в чукотском языке: **мын-ныки-урэ-кэпл- увичвэн-мык.** Это значит: «давайте-ночь-долго- мяч-играть-мы». То есть: «Давайте ночью долго поиграем в мяч». Все-таки здесь есть явный глагольный корень: **увичвэн** — «играть».

Остановимся здесь и подумаем вместе.

Ранее, как вы помните, мы пришли с вами к неожиданному выводу. То, чем звуки русского языка не похожи на звуки других языков, — это не какой-то особый «русский» способ их произношения, а то, чем они отличаются от других звуков того же русского языка! У русских звуков есть твердость и мягкость, а у английских или немецких на их месте сила и слабость.

Потом мы убедились: русское ударение — совсем не единственный способ «упаковки» звуков в слово! Во-первых, оно может быть не силовым, а музыкальным. Во-вторых, есть и другие способы «упаковки»…-

А в этой главе (во всяком случае в той ее части, которую вы уже прочли!) мы обнаружили, что у русского языка не просто «другая грамматика», чем во вьетнамском, чукотском и многих других языках. Различны принципы, по которым построено предложение.

Это можно сравнить с рисунком. Взгляните на эти две картинки:

На них нарисовано одно и то же — легко увидеть, что это кошка. (Между прочим, языковеды почему-то очень любят приводить кота или кошку в качестве примеров. Не знаю, почему, но в любом учебнике языкознания — будь он написан по-русски, по-английски, по-французски— вам обязательно встретится **кот, a cat, le chat**. А если речь идет о человеке, почему-то его чаще всего называют Петром (или Пьером, или Питером). Я тоже, как видите, не смог избежать этой «моды». Кошка встречается на страницах книги уже во второй раз!)

…Итак, нарисована кошка. Точно **так же** смысл, содержание предложения **Отец видит сына** будет одинаковым в русском и вьетнамском языках.

Но слева кошка получается из черных и белых пятен, а справа — из черточек, черных штрихов на белой бумаге. Художник работал в разных манерах. Он пользовался разными принципами изображения, хотя изображал ту же самую кошку.

В русском языке для того, чтобы построить предложение, нужна грамматика. Точнее — морфология и синтаксис.

Во вьетнамском для этого нужен порядок слов. То есть только один синтаксис, без морфологии.

А в языке гадсуп нужна одна морфология, без синтаксиса!

Значит, на вопрос, бывают ли языки без грамматики, можно ответить по-разному. Это зависит от того, как понимать слово «грамматика».

Есть ли языки без такой грамматики, как в русском? Сколько угодно!

А вообще без грамматики? Конечно, нет. Звуки в слове обязательно нужно «упаковать», хотя это можно делать по-разному. Так же с предложением: построить его необходимо. Вопрос только в том, из чего и как его строить. Можно строить из слов. А можно прямо из корней, суффиксов, окончаний, минуя слово! Можно строить, соединяя слова друг с другом при помощи грамматических окончаний. А можно их соединять самым простым способом — ставя рядом в определенном порядке.

И даже если в языке есть грамматика, похожая на русскую, она может быть очень разной. Это может быть грамматика частей

речи, как в русском языке. А может быть грамматика членов предложения, как в ненецком или кетском.

И, значит, нам очень важно разобраться, что это такое — часть речи. Для этого мы, как и раньше, сравним два языка. Один из них, конечно, русский. А о втором вы, наверное, не слышали. Он называется ток-писин.

А в общем-то довольно странно, что о нем никто не знает! Ведь на этом языке говорит полмиллиона человек, и с каждым годом — все больше. На нем выходят книги, газеты и журналы, ведутся радиопередачи, ставятся спектакли. И в парламенте государства Папуа — Новая Гвинея он так же принят, как английский язык.

Это язык, на котором папуасы разных племен, говорящие на различных языках, могут объясниться друг с другом. Он возник совсем недавно, лет сто тому назад, и в нем причудливо смешались слова и формы английского, и одного из папуасских, да и многих других языков. Но это настоящий язык, без всяких скидок на молодость!

Но к нему мы вернемся. А пока снова вспомним наш родной русский язык.

Почему мы так уверенно говорим: вот это — существительное, это — глагол, это — наречие?

Существительное — потому что склоняется? Так? Да. И в то же время не совсем. Прилагательное, местоимение, числительное тоже склоняются! А **кенгуру**, например, не склоняется, хотя это несомненно существительное.

Существительное — потому что отвечает на вопросы: кто? что? Но опять-таки — местоимение тоже на них отвечает. Кто? **Он. Никто. Кто-то**.

Существительное — потому что обозначен предмет? Допустим. А как быть, например, со словом бег? Оно ведь обозначает действие!

Значит, поодиночке все эти признаки нам помочь никак не могут. А вот вместе… Действительно, **кенгуру** потому существительное, что означает предмет (точнее, существо) и отвечает на вопрос **кто**? **Бег** — потому, что склоняется и отвечает на вопрос **что**?

А что такое «склоняется»? Это значит, что у слова бег есть грамматические категории: падеж, число, род.

А у слова **бегать** другие категории: время, вид, лицо, число. Поэтому мы называем его глаголом.

В языке ток-писин все иначе. Там нет ни категории падежа, ни числа, ни рода. Времени (как грамматической категории, выраженной суффиксом или окончанием) тоже нет. И вида. И

лица…

Вот русские слова: **старый, старик, стареть**.

Они очень близки по смыслу. Но первое обозначает признак, второе — человека, третье — действие (а точнее, состояние). Ошибиться здесь трудно…

А в ток-писин слово **lapun** обозначает и «старый», и «старик», и «быть старым». Учтите, что оно не способно ни склоняться, ни спрягаться!

И мы переведем его так или иначе только в зависимости от того, на какой вопрос оно будет отвечать. То есть какую роль играет в предложении. Каким членом предложения является.

Значит, пока мы не «вставили» **lapun** в предложение, нельзя сказать, какая это часть речи. И та, и другая, и третья! В общем, то же самое во вьетнамском, китайском и многих других языках.

В русском языке член предложения зависит от части речи. У нас в руках глагол? Значит, надо сделать его сказуемым. Прилагательное? Сделаем его определением. Наречие? Пускай тогда оно будет обстоятельством.

В языке ток-писин часть речи зависит от члена предложения. Это слово — сказуемое? Назовем его глаголом. Это — подлежащее? Будем считать его существительным. Это — обстоятельство? Нам ничего не остается, как признать его наречием.

Вы, вероятнее всего, уже привыкли к тому, что в языках все, или очень многое, может быть совсем непохожим. И для вас не будет неожиданностью, если я скажу: даже если в языке есть «настоящие» части речи, даже если мы с вами назовем их одинаково (это — существительное, это — глагол), одна и та же часть речи будет совсем разной в разных языках.

Глагол глаголу рознь. И существительное существительному рознь. Все зависит от того, какие грамматические категории оно «носит с собой».

Трое делают что-то с двоими, или язык-бухгалтер

У меня был знакомый в Австралии. Его звали Артур **Кэпелл**. Профессор Кэпелл был известен каждому, кто занимался языками народов Тихого океана. Каких только языков он не знал! От гавайского и таитянского до языков аборигенов Австралии.

В одной из своих статей он попытался разложить все языки, известные ему, «по полочкам». Таких полочек потребовалось три: три основных типа языков.

Два из них «определить» легко. В языках одного типа «богатое» существительное — «бедный» глагол. В языках другого

типа «бедное» существительное — «богатый» глагол.

Чем «богатый»? Теми грамматическими категориями, которые он с собой носит.

(А где в этой классификации русский язык? Конечно, на первой полочке. Но он не характерен для нее: можно сказать, он на двух полочках сразу.)

Третий тип сложнее. Кэпелл назвал его так: языки «перечисляющие». Что они перечисляют? Да что угодно.

Русский язык обрисовывает все, можно сказать, решительными и крупными штрихами. Прошлое — настоящее — будущее время. Единственное — множественное число. Изъявительное — условное — повелительное наклонение. Первое — второе — третье лицо. Мужской — женский — средний род. Совершенный — несовершенный вид.

В языке насиои глагольных времен девять. В русском языке просто: что сейчас — то настоящее, что прежде — то прошедшее. И не важно, было ли это минуту назад или тысячелетие, все равно прошедшее. **Делает — делал**. Даже неандерталец **делал**.

Насиои скрупулезно различает, как уже сказано, девять форм. Вот они:

10. Давно прошедшее время (более трех дней назад).

11. Не так давно прошедшее время (день-два назад).

12. Недавно прошедшее время (от вчерашнего вечера до данного момента).

13. «Обычное» прошедшее время (вроде русского **говаривал**).

14. «Обычное» настоящее время (**обычно говорю**).

15. Просто настоящее: **говорю (сейчас).**

16. Продолженное настоящее: **говорю, говорю…**

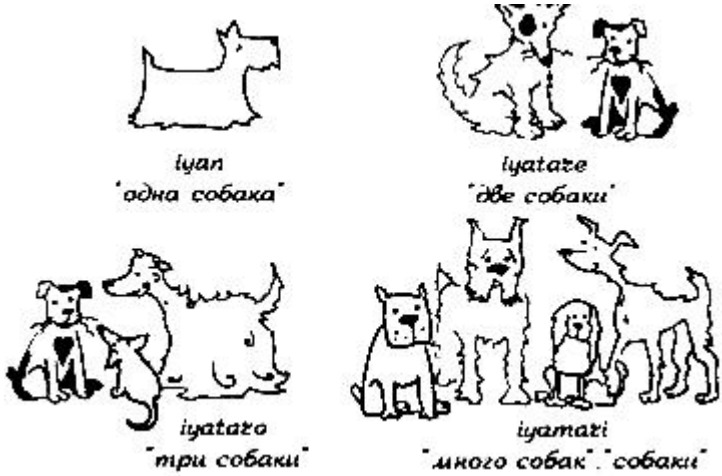
17. Ближайшее будущее**: вот-вот заговорю.**

18. Просто будущее: **буду говорить**.

С числами (имени существительного, прилагательного, глагола, местоимения) русскому языку, можно сказать, повезло. Всего две формы числа — единственное и множественное. **Собака — собаки**. Коротко и ясно: если одна — **— а**, если больше **и**.

Но возьмем язык ава (та же Новая Гвинея!). Вот какая там система (см. рисунок).

Целых четыре формы числа вместо двух! Зато не нужно объяснять, сколько собак.



Бывает и совсем наоборот — нет категории числа… Просто нет! Конечно, люди, говорящие на таких языках, понимают разницу между одной собакой и несколькими. Но никакими специальными окончаниями они эту разницу не выражают.

Вот язык йоруба в Нигерии. «Собака» на этом языке называется **aja (j** произносится не как в немецком — **й,** а как в английском языке — **дж**). Это— если одна собака. Чтобы сказать «собаки», африканцы йоруба просто ставят перед **собакой** местоимение «они»: «они собака» — **awon aja.** А если нужно точно сказать, сколько собак, это выглядит так: **aja meta** «собака три», то есть три собаки.

В бирманском языке тоже нет числа, но бирманцы выходят из положения иначе. В их языке есть слово **lu** «человек». Чтобы сказать «несколько» или «много» людей, надо употребить одно из двух окончаний. Если этих людей можно пересчитать («люди вошли в дверь», «все люди деревни собрались на площади»), то нужно окончание **— mya: lumya.** А если их пересчитать нельзя и имеются в виду вообще люди, человечество, — окончание **— do: ludo** (например, «люди произошли от обезьян», «люди вышли в космос»). Это окончание обозначает не множественное число, а собирательность. В чем разница между этими категориями? Поясним примером: множественное число легко обнаружить в слове крестьяне, а собирательность — в слове крестьянство.

У бирманцев есть еще одна интересная для нас особенность языка. Когда они употребляют числительное, то обязательно прибавляют так называемые счетные слова.

Мы, русские, тоже иногда так делаем: **пять человек детей, шесть штук портфелей, тридцать голов скота, десять названий книг**… В бирманском языке таких счетных слов гораздо больше и они, в отличие от русских, обязательно употребляются. Вот примеры. Если предмет круглый или близок

по форме к круглому, употребляется счетное слово **лоун**: «кувшин-один-лоун». Если он длинный, вытянутый — **чхаун**: «авторучка-четыре-чхаун». Если длину этого предмета можно измерить — **син**: «река-одна-син». (Сам не понимаю, почему нельзя измерить авторучку? Видимо, дело в том, что у реки длина важна, а у авторучки нет.) Людей считают при помощи **йау**, животных — **каун**. Отдельные счетные слова есть для особо уважаемых людей (например, стариков), для князей, царей, монахов, священников; для плоских предметов (скажем, циновок); для средств передвижения (допустим, автомобилей); для зданий; для чего-то написанного или напечатанного (письма, газеты, книги); для предметов одежды (рубашек, в частности).

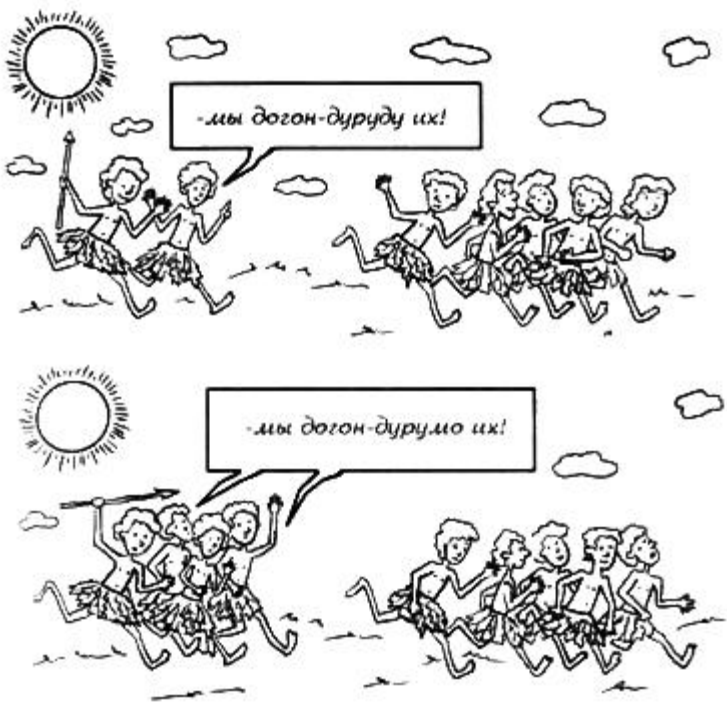
Числительные — вообще удивительно интересная вещь. О них можно написать не одну популярную книгу! Например, знаете ли вы, что в русском, да и почти во всех других европейских языках, есть слова, которые обозначают определенное число определенных предметов? И не всякие предметы, а только эти можно «пересчитать» таким словом? Покупая яйца, вы не говорите «двадцать яиц», а только: два десятка. А в немецком языке есть, например, такие слова: **Mandel** — «15 снопов»; **Stiege** — «20 снопов», то же слово для 20 кусков холста; **Schock** — «60 предметов»; если у нас 600 яиц, говорят (и только в этом и подобных случаях): **zehnSchockEier** — «10 "шоков" яиц»; **Wall** — «80 рыб»; **Zimmer** — «40 или 50 шкур».

Или — известно ли вам, что многие народы считают таким образом (и числительные в их языках это выдают!): пальцы — кисть — предплечье — рука — шея — голова? Потом переходим в другую сторону головы и опять движемся к пальцам (второй) руки. Чтобы вам было яснее, как это делается, вот система числительных в папуасском языке телефол. Я попросил художника нарисовать папуаса и на нужных местах написать нужные числительные:

Последнее слово, обозначающее 27, — **каккат,** то есть «мизинец правой руки». 27 играет в языке телефол роль нашего десятка; его потом множат на два, на три и так далее — до 27x14. Слово, обозначающее это число, в языке телефол значит также «очень много». (Ну-ка, подсчитайте, где для папуаса телефол начинается «очень много»!)

Но вернемся к нашей теме. Образцовый «перечисляющий» язык — это киваи, тоже папуасский. Он умудряется с бухгалтерской точностью обозначить в глаголе специальными окончаниями не только количество действующих лиц (то есть число в нашем, русском, понимании), но и количество тех лиц, на которых действие направлено. Чтобы проиллюстрировать, как это делается, придётся нарисовать, как «мы» что-то производим с «ними»… Что? Ну хотя бы догоняем (это легче нарисовать). Чтобы вы не запутались, я буду приводить по-кивайски только нужные окончания. Итак, по-русски будет один, общий для всех вариант: **Мы догоняем их.**

А по-кивайски получится так:



Прибавьте еще один комплект — для прошедшего времени!

С числом, кажется, все ясно?

Переходим к наклонению! Вы уже опять ждете какого-нибудь подвоха — и правильно делаете. И даже догадались, что подвоха этого надо ожидать из Новой Гвинеи. Язык гули в этом отношении особенно показателен.

Возьмем, например, предложение **Он ел**. Для нас с вами совершенно безразлично, откуда мы об этом узнали, — глагольная форма будет одна и та же (разве что прибавим какое-нибудь слово: **Говорят, он ел**.). А для папуаса гули это совершенно не безразлично.

Если папуас собственными глазами видел, как кто-то ел, он употребит глагол в одном наклонении — вроде нашего изъявительного.

Если видеть он этого не видел, но присутствовал при еде и как-то иначе воспринимал происходящее (ну, скажем, сидел отвернувшись и слышал, как кто-то жевал) — нужно другое наклонение.

Если наш герой из племени гули пришел к кому-то и увидел объедки или какие-нибудь другие прямые доказательства того, что здесь ели, полагается третье наклонение.

Если объедки были и наш папуас гули сам их видел, но затем их, как полагается в приличном доме, убрали и сейчас их нет, он должен употребить четвертое наклонение.

Если остатки еды он не видел и вообще нет прямых доказательств того, что кто-то ел, но зато есть косвенные доказательства (например, очаг еще горячий, или не убрана посуда, или не выветрился запах), требуется наклонение номер пять.

Если никаких доказательств не существует, но логика подсказывает, что кто-то никак не мог не есть (я знаю, что он вернулся из путешествия, всю дорогу не ел, а в доме у него полно продуктов), для такого случая имеется еще одно — шестое наклонение.

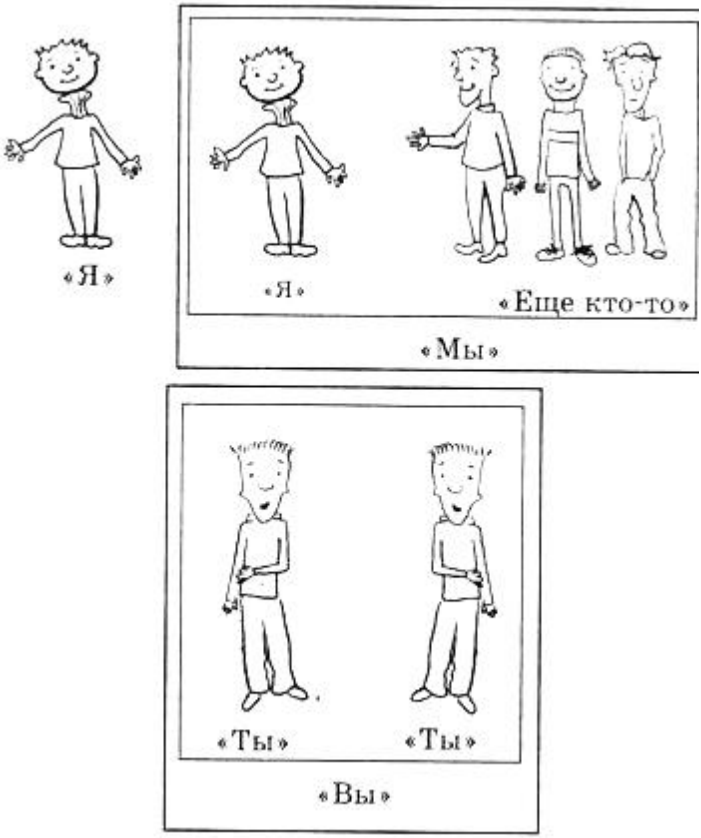
Можно обратиться и к более близкому нам языку — абхазскому. В нем есть «призрачное» наклонение (так оно и называется!): оно требуется, когда кому-то что-то кажется, мерещится…

Что у нас теперь на очереди? Лицо?

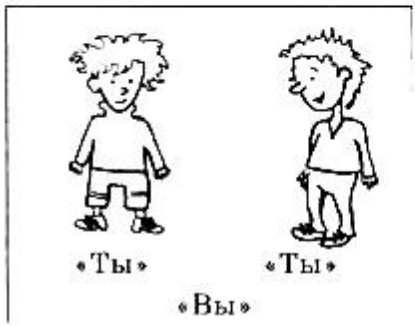
«Мы» — много «я»?

Русский глагол знает три лица в двух числах: **я иду, ты идешь, он (она, оно) идет, мы идем, вы идете, они идут**.

Строго говоря, это не совсем так. **Они** — это действительно «он во множественном числе». (Кстати, раньше в русском языке различались «он-много» и «она-много»: для первого было местоимение они, а для второго — **оне**. Еще Пушкин употреблял **оне**). Покривив немножко душой, можно даже согласиться, что **вы** — это «**ты** во множественном числе», хотя это не совсем так. Но **мы** — это уже никак не «множество **я**»! Ясно: я — одно, и никак не может быть «несколько меня». Мы — что-то другое. Может быть, «я плюс кто-то еще»? Давайте представим себе это наглядно:

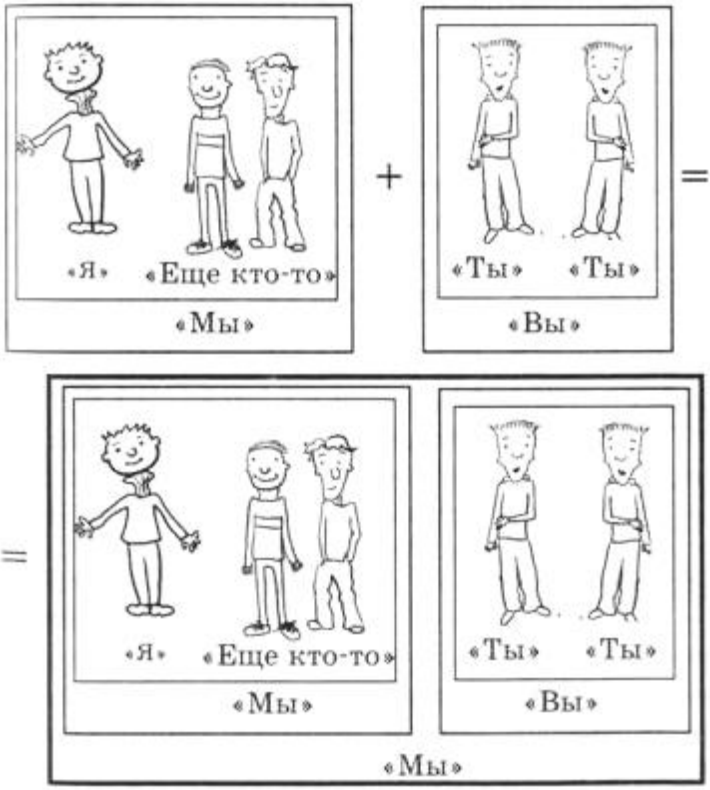


А по-русски получается так:



Например: Мы **(я и кто-то еще)** пойдем в зоопарк, а вы отправитесь в Дом пионеров.

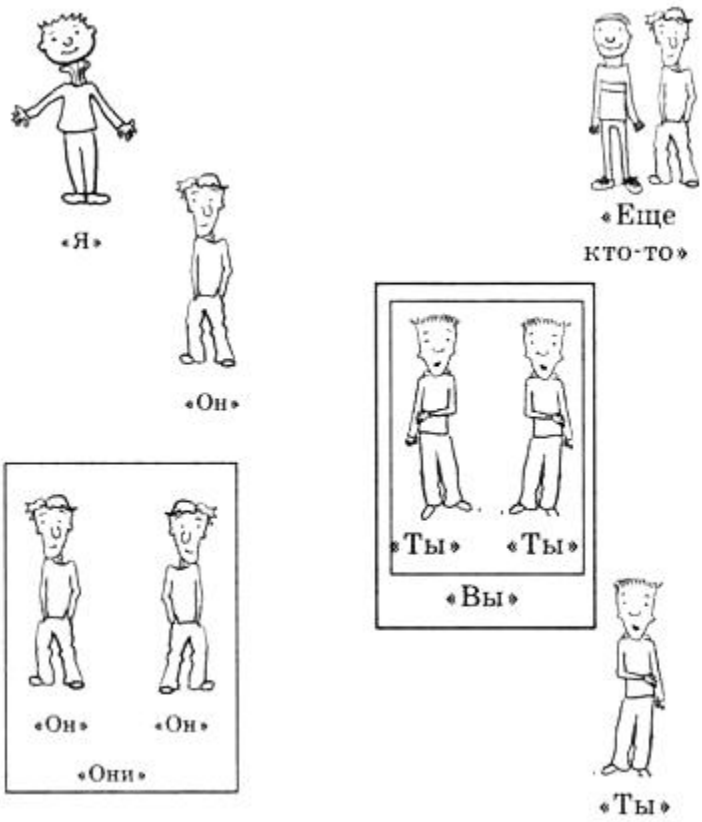
Может быть и иначе:



Вы зайдете за нами, и мы **(я, кто-то еще и вы)** пойдем в зоопарк.

По-русски, значит, нет никакой разницы между **«мы** — не **вы)** и **«мы + вы».**

Нарисуем это еще раз, прибавив «их», и еще нарисуем отдельно «его» и «тебя»:



В кабардинском языке есть следующие лица (и особые глагольные формы!). Выпишем их, как говорят в школе, «в столбик»:

«**я** с ним»	«**мы** с ним»
«**я** с ними»	«**мы** с тобой»
«**я** с тобой»	«**мы** с вами»
«**я** с вами»	«**мы** с ними»
«**ты** с ним»	«**вы** с ним»
«**ты** с ними»	«**вы** с ними»
«**ты** со мной»	«**вы** со мной»
«**ты** с нами»	«**вы** с нами»
«**он** с ним»	«**она** со мной»
«**он** с ними»	«**они** с нами»
«**он** с тобой»	«**они** с тобой»
«**он** с вами»	«**они** с вами»
«**он** со мной»	«**они** с ним»
«**он** с нами»	«**они** с ними»

Мне жалко художника и жалко места в книге. Вы и само легко можете, взяв лист бумаги и карандаш, наглядно изобразить

все эти возможности.

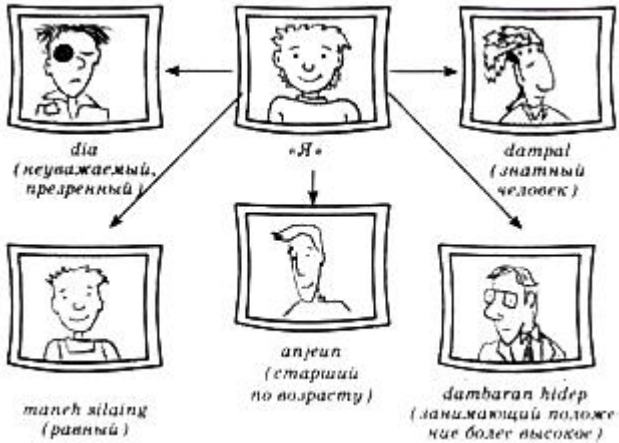
Даже если такой запутанной картины нет, есть всяческие странности в лицах. Странности, конечно, только с нашей, русской точки зрения. «**Мы** — не **вы**» и «**мы** + **вы**» — это характерный пример; в большинстве языков они различны настолько, что для них есть особые местоимения, вроде «**мы-1**» и «**мы-2**» (а кабардинский глагол пользуется все-таки не особыми местоимениями, а просто их суммирует: «**мы** + **ты**», «**они** + **мы**». Иначе говоря, «**мы** без тебя (вас)» и «**мы** вместе с тобой (вами) — совсем разные вещи, и в русском языке (или в английском, французском, немецком) они просто совпадают. Скажем, в малайском языке «мы без тебя» — kami, а «мы с тобой» — kita.

Он бывает разным. В языке индейцев квакиутль есть три разных **он**: «он — рядом со мной», «он — рядом с тобой» и «он — рядом с ним». Кроме того, есть «он-видимый», «он-невидимый» и «он-отсутствующий».

Ты в русском языке все равно ты, обращаемся ли мы к женщине или мужчине. (А в третьем лице, как известно, это различие важно: он — она.) Но во многих языках есть «ты-женщина» и «ты-мужчина» — например, в африканском языке хауса. А есть, кстати, и такие, где нужно сказать «я-мужчина» или «я-женщина»: это, скажем, язык сайбалгал в Австралии: **nai** и **nazo**. (Кстати, мы по-русски ведь тоже различаем — **Я делал** и **Я делала**. Правда, местоимение одно и то же.)

О двойственном и тройственном числах я уже говорил. Бывает еще и «четверственное», во всяком случае в глаголе. Значит, у нас будут разные формы: «мы-двое-идем», «мы-трое-идем», «мы-четверо-идем», «мы-многие-идем».

Но самое главное, что в личных местоимениях выражаются, и очень ясно, общественные отношения людей. Когда мы называем кого-нибудь на «ты» или на «вы», здесь уже сказываются эти отношения. «Ты» — это близкий родственник, сверстник, младший, близкий друг. «Вы» — старший, посторонний. А в сунданском языке разные «ты» выглядят так:



Разберемся подробнее. **Dampal** — это нечто вроде «ваша светлость», «ваше высочество».

Gambaran — «вы», но не всякое «вы», а только «вы — более высокопоставленный». **Hider** — «вы высокопоставленный», если говорящий старше. **Anjeun** — обращение к равному по положению, но более старшему или вообще уважаемому. **Mahen** — простое «ты», обращенное к сверстнику или человеку, равному по положению. **Silaing —** то же, но более грубо: «ты, брат». **A dia** звучит уж совсем унизительно: «эй ты, там!»

Чтобы заодно с лицом покончить и с личными местоимениями, замечу, что в русском языке **я** может употребляться в разных смыслах: «просто я», «именно я» и так далее. Русский язык в подобных случаях прибавляет к **я** разные частицы: я-то, **я ведь, я же.** А язык вери — опять папуасский — имеет особые местоимения. В нем есть:

1 просто я,
2 только я, именно я,
3 я, делающий это; активный я,
4 я тоже (я тоже буду спать),
5 и я (вы пойдете — и я),
6 я ли?
7 я где?

Плюс еще «меня», «для меня» (особая форма), «я сам себя» (вроде русского **— сь** в **моюсь),** «со мной вместе» и, конечно, «мой».

«Детский род» и «плавающий класс»

Очередная категория — род. Давайте сразу договоримся: нет в русском языке никакого рода.

Как это нет? Учебник говорит, что есть!

Ладно, есть. Если считать, что женщин мы обозначаем при помощи женского, а мужчин — при помощи мужского рода: **он** (Иван Иванович), **она** (Марья Петровна). **Девочка** (она). **Мальчик** (он). Кот (**он**). Кошка (**она**). **Я** (девочка) **читала**. **Я** (мальчик) **читал**.

Есть еще оно. Среднее — ни мужчина, ни женщина, ни мальчик, ни девочка. Нечто неодушевленное.

Но беда в том, что почему-то по-русски ножик — мужского рода, вилка — женского, ну а блюдце, как ему и положено, среднего. Чем ножик более «мужествен», чем вилка? Почему вилка — да и ложка — она?

То ли дело английский язык! Там нельзя сказать про ножик (knife) **he** «он», а про ложку (spoon) — **she** «она»: нужно говорить только **it** «оно»! **He** — это только «он — мужчина», а **she**— «она — женщина». И чтобы сказать кошка, англичанин прибавит к слову **cat** «она»: **she-cat**. Вот язык, в котором есть род — именно род.

А в русском языке скорее всего не род. А что?

Вы знаете, что в русском языке все существительные относятся к одному из трех склонений. Можем ли мы сказать, что склонение — это грамматическая категория существительного? И да, и нет. Все зависит от того, как мы подойдем — формально или по существу. Формально — да, категория: ведь окончания будут разные. А по существу? А по существу склонение ничего общего не имеет со значением слов. Почему **дядя** первого склонения, а **племянник** второго? Почему **дочка** первого склонения, а **дочь** третьего?

Так же обстоит дело и с родом русских существительных. Эта категория в большинстве случаев так же формальна, условна, как и склонение. В самом ножике или самой вилке нет ничего мужского или женского: просто мы с вами договорились, что ножик — **он,** а вилка — **она.** Потому-то в русском языке так часто слова переходят из мужского в женский род и наоборот, особенно когда по внешней форме их род различить трудно. **Рояль** когда-то была «она», а теперь стал «он». **Мышь,** конечно, «она», но как часто ошибочно говорят: «Кот поймал мыша»! В XIX веке было слово **кофий** мужского рода. А сейчас большинство русских совершенно спокойно говорят про **кофе** «оно». (И, по-моему, совершенно правильно делают. Специалисты по русскому языку долго этому сопротивлялись, а сейчас понемногу сдают позиции. В новейших словарях допускается употребление **кофе** не только в мужском, но и в среднем роде.)

Если все-таки эту русскую категорию мы с вами назовем родом, а потом посмотрим на другие языки, то увидим вот что. Род не обязательно связан с полом — мужским или женским!

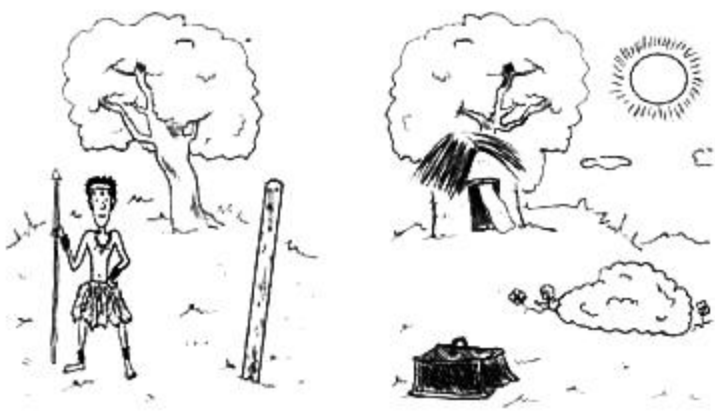
Существительные можно «распределять» и совсем по другим «ячейкам».

В африканском языке масаи два рода (лучше называть их, как делают в науке, не «родами», а «классами»). Один из родов, или классов, включает все большое и сильное. Другой — все маленькое и слабое.**0l tungani** — это большой и сильный человек, а **en dungani** — маленький и слабый человечек. В языке масаи не мужской и женский, а «сильный» и «слабый» роды!

Теперь сделаем пробежку по карте языков. Язык монумбо на Новой Гвинее «ближе всего» к русскому: там тоже три класса плюс еще два: «смешанный» и… «детский»! А его сосед — язык асмат, пожалуй, самый далекий от русского. В нем тоже, как в монумбо, пять классов, но совсем других: предметы стоящие, сидящие, лежащие, плавающие и летающие.

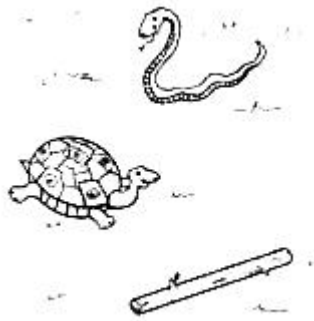
Как это? Очень просто.

Слова, обозначающие вот такие предметы, относятся к «стоящему» классу (левая сторона рисунка). Слова, обозначающие предметы, изображенные справа — «сидящего» класса:

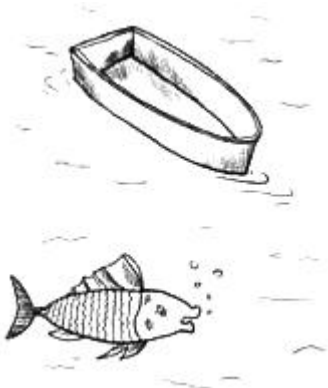


Самое интересное, что к «сидящему» классу относится слово со значением «женщина» и другие слова, обозначающие женщин. Значит, для папуаса асмат мужчина представляется стоящим, а женщина — сидящей.

Вот такие предметы дают «лежащий» класс:

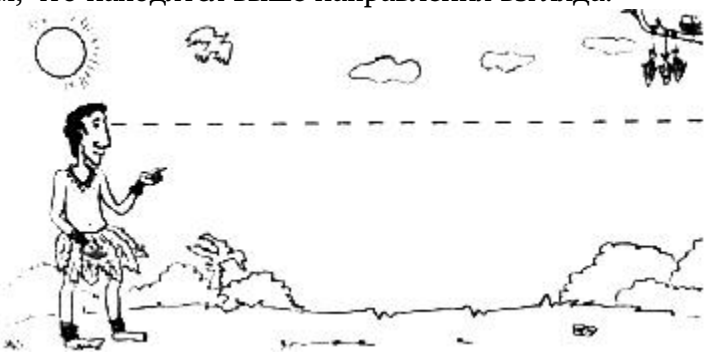


Слова, обозначающие вот эти предметы, — «плавающего» класса:



Сюда же относятся и сами реки.

А «летающие» предметы (или, точнее, слова «летающего» класса) — не только птицы, бабочки, но и солнце, луна, звезды. И еще все, что висит под крышей (и сама крыша!) или лежит на чердаке. Одним словом, дело не в том, что они способны летать, а в том, что находятся выше направления взгляда:



…Перенесемся в Африку. Язык луганда. В нем классов… Я начал считать и сбился, потому что не ясно: считать ли множественное число отдельно? Во всяком случае в этом языке есть следующие классы. (Вы, надеюсь, помните, что это то же самое, что школьный учебник называет «родом»)?

Названия людей: **omw-ana** «ребенок» (род здесь обозначается приставкой!).

Названия растений и деревьев.

Названия особенно больших предметов: не просто «плод манго», а «крупный плод манго».

«Собирательные» названия, которые считать нельзя: «вода», «молоко», «жир».

То, что создано человеком: вещи, дома.

Названия животных.

Названия длинных, тонких или плоских предметов: «мост», «пальма», «бумага».

Слова, обозначающие совсем маленькое количество чего-либо. Если «вода» **ama-zzi** («собирательный» класс), то с другой приставкой — **outu-zzi** — то же слово будет значить «капля воды». «Масло» — «пятнышко масла». «Соль» — «щепотка соли».

Слова, обозначающие маленький размер: **aka-ana** «младенец». (Взгляните на самый первый из перечисленных классов!)

Названия продуктов и кушаний: «мука», «каша».

Названия действий: «хождение», «счет».

…Кавказ. Маленький (не более тысячи говорящих!) дагестанский язык — арчинский. В нем четыре класса.

К первому относятся названия мужчин и всяческих мифических существ: бог, черт, ангел. Ко второму — только названия женщин. Пока все легко.

Трудность начинается с третьего класса: к нему относятся, во-первых, названия взрослых животных, во-вторых, злаков и еще гороха. А к четвертому — названия молодых (и вообще мелких) животных (например, «теленок», «заяц») и названия металлов.

Все остальные слова без всякой явной логики (как в русском языке!) распределяются по третьему и четвертому классам. Не ясно, почему «абрикос» того же класса, что «бык» или «корова», а «груша» — того же, что «заяц» или «свинец»…

А в соседнем с арчинским табасаранском языке — три рода, как в русском.

Совсем немножко о виде глагола

Совершенный и несовершенный виды глагола — самое трудное для студентов-иностранцев, изучающих русский язык. Им нелегко понять, в чем разница между **прыгал** и **прыгнул** и почему то же самое значение в другом глаголе выражается совсем другим способом — **бежал** и **побежал**.

В сущности, никакой особой трудности здесь нет. Хотя виды

могут выражаться по-разному, но их всего два.

А больше бывает? Не только бывает — виды могут быть совсем иные, чем в русском языке.

В языке коми, на котором говорят жители Республики Коми на северо-востоке европейской части нашей страны, три вида. Но среди них нет ни совершенного, ни несовершенного! Вот они.

Временный вид означает действие, которое происходит один раз и потом закончится. **Сета** значит «дам». А **сетла** означает «дам на время» (а потом возьму обратно).

Уменьшительный вид означает действие, которое происходит, так сказать, чуть-чуть. **Сетышта** значит «дам немножко». **Шонта** — «грею», а **шонтышта** — «слегка погрею».

Многократный вид, как ясно из самого названия, означает действие, совершающееся многократно с промежутками вроде **стучать** (по сравнению со **стукнуть**).

В разных языках есть и другие грамматические категории, которые можно при желании сблизить с категорией вида. В грузинском языке есть категория, которую называют «версией». И по-грузински употребляются разные глагольные формы, если я пишу вообще, или я пишу для себя, или я пишу для кого-то другого. Там же есть категория «контакта». **Виткви** значит «я скажу», а форма **ваткмэвинд** — «заставлю его сказать».

В языке бонгу, который впервые описал выдающийся русский путешественник и ученый Н. Н. Миклухо-Маклай (1846–1888), есть особые формы: **gine-ur-ar** — «приходить всем вместе», **gine-mar-ar** — «прийти слишком рано или слишком поздно».

Николай Николаевич Миклухо-Маклай был великим мечтателем… Он не только изучал языки и обычаи разных народов Океании, не только долгое время прожил среди папуасов и оставил по себе благодарную память — он боролся против колониализма, за то, чтобы папуасы Новой Гвинеи имели свое, самостоятельное государство. Тогда это вызывало только насмешки. Но наступил день, когда над небольшим зданием в городке Порт-Морсби взвился флаг с изображением райской птицы. Это был день провозглашения нового государства — республики Папуа — Новая Гвинея. И имя русского ученого Миклухо-Маклая, великого гуманиста, борца за равенство всех людей на земле, в этом государстве помнят и чтят. До сих пор в тех местах, где побывал Миклухо-Маклай, устраивают праздники в его честь, передают из уст в уста рассказы об этом человеке редкого обаяния и трудолюбия. Его жизнь, полная замечательных дел, драматических событий, сохраняет для нас и сейчас, через столетие, интерес. Описания путешествий, статьи и письма Н. Н. Миклухо-Маклая, рассказывающие о народах, населяющих

острова Океании, о их быте, языках, нравах, обычаях, до сих пор читаются с огромным интересом, являются одним из авторитетных источников для всех ученых, занимающихся изучением этих народов, их языков. Советую подробнее узнать о Н. Н. Миклухо-Маклае. Прочитайте популярные книги: **Чумаченко Л**. Человек с Луны. — М., 1963; **Тынянова Л. Н.** Друг из далека: Повесть о путешественнике Н. Н. Миклухо-Маклае. — М., 1962. Познакомьтесь с отрывками из дневников, статей и писем ученого, собранными в книге «Человек с луны» (М., 1982). Для более старших читателей рекомендую книгу: **Путилов Б. Н.** Н. Н. Миклухо-Маклай: Путешественник. Ученый. Гуманист. — М., 1985.

О прилагательном и его родственниках

Пожалуй, не менее разнообразны в различных языках формы прилагательных.

Что такое прилагательное? Часть речи, которая обозначает признак, имеет категории рода, числа, падежа и степени сравнения и отвечает на вопросы **какой? чей?**

Сразу же внесем поправку. Первые три категории у прилагательного не свои собственные: оно их берет напрокат у существительного. **Красному** потому только мужского рода, единственного числа и дательного падежа, что все эти категории есть у слова **флагу**.

Но нас интересует сейчас не это, а словечко «признак».

Давайте лишим прилагательное всех его грамматических категорий — оставим один голый корень. **Бел-, красн-, молод-**. Все равно мы ощущаем: это прилагательное! Как **глаз-** или **всадн-**, безусловно, существительные, а **чит-, слыш** — явственные глаголы.

От корней, которые ощущаются нами как обозначающие именно признак, мы можем легко образовать и слова других частей речи. **Бел-еть** или **красн-еть** (глаголы). **Бел-изна, молод-ость** (существительные). Но они столь же явно производные от прилагательного, как **бег** — от глагола, а **глазастый** — от существительного!

Вообще-то прилагательное совсем не с самого начала было таким независимым. Известный русский языковед XIX века Александр Афанасьевич **Потебня** (1835–1891) считал, что **зеленая трава** раньше звучало примерно так: **зелень-трава**. Иначе говоря, «родословная» прилагательного восходит к существительному.

Тому есть много доказательств. Вот один пример. В

латинском языке было существительное **uber**, обозначающее «вымя». И то же самое слово употреблялось в значении «плодородный», то есть как прилагательное: **ageruber** — «плодородное поле» (в латинском языке прилагательное ставилось всегда после существительного).

В очень многих языках прилагательного вообще нет — вместо него спокойно ставят существительное! Например, в амхарском языке, основном языке Эфиопии, никак нельзя обнаружить особых признаков, которые отличали бы прилагательное от существительного. **Барет** значит на этом языке и «железный», и «железо». **Кошама** — и «мусор, грязь» и «грязный». **Вотат** — и «молодой», и «юноша». Очень часто там, где мы с вами в русском языке употребляем прилагательное, амхарцы просто ставят существительное: вместо «домашнее животное» говорят «дома (род. пад., ед. ч.) животное».

То же самое в монгольском языке. **Муу** — это значит «плохой» или «нечто плохое». Вот как выглядят по-монгольски различные русские фразы:

Лошадь плохая — Морь муу.

Плохая лошадь — Муу морь.

Что-то плохое принадлежит Дамдину — Муу нь Дамдиныхъ (**нь** — частица, обозначающая подлежащее; слово **Дамдин** стоит в родительном падеже).

(Что-то) принадлежит плохому дамдину —… муу Дамдиныхъ.

А в известном нам папуасском языке бонгу **borle** значит «зло, вред», а **borle tamo** — «плохой человек» (то есть «зло человек»).

Все это было бы очень ясно и прозрачно, если бы…

Дело в том, что у прилагательного есть и другой «родственник», и этот родственник — глагол. Все языки мира можно разделить в этом смысле на две группы. В одних прилагательное родилось из существительного — мы с ними уже познакомились. А в других…

Как известно, в русском предложении прилагательное может быть не только определением, но и сказуемым. **Молодой человек,** но и **Человек молод.** Правда, становясь сказуемым, оно приобретает категорию времени — **Человек был молод, Человек будет молод.** (И, значит, эту категорию — в отличие от других категорий глагола — «носит с собой» не глагол как часть речи, а сказуемое как член предложения!) Но в глагол прилагательное не превращается, не правда ли?

А в японском языке основная форма прилагательного та, которая «работает» в сказуемом: «молод», а не «молодой». И она спрягается, как глагол. А «настоящее» прилагательное в японском

языке производно, и японский язык старается вообще без него обойтись. Как и эфиопы, японцы стараются сказать не «золотые часы», а «золота часы» **(кинно токэй),** не «зеленые листья», а «зелени листья» **(мидорино ха).**

А во всех языках Восточной и Юго-Восточной Азии — китайском, вьетнамском, бирманском, тайском, лаосском и многих других — прилагательное совсем не отличить от глагола. В сущности, там гораздо проще сказать «лист зеленеет», чем «зеленый лист». А еще точнее, вообще невозможно сказать «зеленый лист».

Заканчивая это небольшое рассуждение о прилагательном, я хочу обратить ваше внимание: из трех частей речи, которые мы считаем, так сказать, «главными» — существительное, прилагательное, глагол, — только существительное и глагол **обязательны**, без них нет ни одного языка на свете! Это впервые заметил (и написал в книге «Язык», переведенной и у нас более 70 лет назад) известный французский ученый Жорж Вандриес. Но зато есть такие обязательные части речи и среди «неглавных». Нет языка без числительных, без местоимений, без союзов, нет языка без наречий! А вот без предлогов — есть.

В очередной главке я и хочу поговорить о предлогах и наречиях. И вообще о разных способах сказать, где, когда, как происходит действие.

«…От говорящего на низ или к дверям…»

Но прежде вернемся к вопросу: **на столе** — сколько здесь слов? Одно или два?

Учебник считает, что здесь два слова, и он по-своему прав. Сейчас я докажу, что это два слова. Во-первых, они пишутся раздельно, а в русском языке, как известно, все слова пишутся отдельно. Во-вторых**, столе** — это падежная форма, она входит в общий ряд: **стол, стола, столу…** В-третьих, между **на** и **столе** можно вставить еще другие слова: на большом столе, на этом столе и даже — на этом большом новом столе.

А теперь я попробую доказать, что это одно слово. Внимательно следите за моим рассуждением.

В русском языке, как мы с вами видели, у каждого слова есть ударение — способ его «упаковки». А у слова **на** (если это слово) не может быть ударения, оно (ударение) общее для всего сочетания: «настоло́».

У слова **стол** есть свое значение, которое не зависит от того, как мы это слово употребили. А есть ли такое значение у **на**? Вы скажете: конечно, оно значит — «на поверхности». Но ведь

говорят и **пошел на рынок**, и **сменял кукушку на ястреба**, и **положился на его честность**, и **я лежу на солнце** (на поверхности солнца, что ли?), и **забил гол на шестой минуте**, и **взял книгу на три дня**, и **звонок на урок**, и **по конфете на брата**, и **помножить два на три**… Одним словом, значение на зависит от тех слов, с которыми вместе оно употребляется, — совсем как у приставки **по-,** которая значит совсем разное в словах **положить, попрыгать, покачать, полить…**

Кстати, в лакском языке предлогов нет. Там есть послелоги, которые значат совершенно то же самое, но всегда пишутся вместе с существительным и не имеют своего ударения. Все языковеды не отличают их от обычных падежных окончаний, поэтому в лакском языке насчитывают 40 падежей. Вот они (в переводе): **1) дом; 2) дома; 3) дому; 4) от дома; 5) вместе с домом; 6)…чем дом; 7) ради дома; 8) по причине дома; 9) в доме; 10) в дом; 11) внутри дома; 12) через дом; 13) из дома; 14) на доме** (сравните наше **на столе**! В лакском это одно слово); **15) на дом; 16) по направлению на дом; 17) сверху дома; 18) с дома; 19) за дом; 20) по направлению за дом; 21) проходя за домом; 22) из-за дома; 23) под домом; 24) под дом; 25) по направлению под дом; 26) двигаясь под домом и дальше; 27) из-под дома; 28) около дома; 29) к дому; 30) по направлению к дому; 31) мимо дома; 32) от дома** (почти то же, что падеж № 4, но другая форма!); **33) у самого дома; 37) мимо самого дома; 38) от самого дома; 39) недалеко от дома; 40) к дому.**

А теперь я буду спорить сам с собой и опровергать собственные доказательства. Я сказал, что **на** — слово, потому что пишется отдельно? Но ведь **ни зги** (не видно) тоже пишется отдельно. А слова **зга** в русском языке уж точно не существует (хотя когда-то и существовало)! **Столе** входит в общий ряд, я сказал? Но даже в учебнике, когда доходят до предложного падежа, пишут его вместе с предлогом: **столом,** но **о столе!** Можно вставить между **на** и **столе** другие слова? Попробуйте-ка вставить что-нибудь, кроме прилагательного (или местоимения), согласованного со словом **стол!** А если так, почему не представить себе, что в русском языке, как в чукотском или кетском, о которых мы уже говорили, бывают сложные слова, состоящие из «склеенных» основ разных слов? Вроде чукотского **га-тан-тор-манэг-ма** — «с хорошей новой материей»: здесь **га** соответствует русскому предлогу **с**, **тан** — «хороший», **тор —** «новый», **манэг** — «материя», **ма** — падежное окончание так называемого сопроводительного или совместного падежа.

Так что даже если мы с вами будем рассуждать как языковеды, не так-то просто ответить на вопрос: **на столе** одно

слово или два? Мне лично кажется, что все-таки одно. (Тем не менее писать его следует, как принято, отдельно!)

А еще правильнее, наверное, сказать так: в одном смысле — это одно слово, в другом — два слова. Таких слов, которые в то же время и не слова, в любом языке можно найти немало. **Работаю — буду работать**. **Буду** — слово? Да и нет. По сути это грамматический признак будущего времени — и только!

Но еще больше меня убеждают, что **на столе** — одно слово, различные психологические опыты с людьми, совсем не думающими над грамматикой, а просто говорящими на русском языке.

Один психолог, В. В. Опель, просил школьников-первоклассников, еще не изучавших грамматику, разделить предложения, написанные подряд, без пробелов, на слова (а что такое слово, им не объясняли). Они всегда соединяли предлог с существительным: «настоле».

Другой психолог, А. Р. Лурия, изучал людей, у которых из-за ранения головы возникали трудности в речи или ее понимании (такая болезнь называется афазией). Когда их просили сосчитать, сколько слов во фразе, они считали так: **Я иду в лес**. Три слова! **Я — иду — влес**. **Человек сидит за столом**. Тоже три слова! **Человек — сидит — застолом.**

Кстати, бывают и предложения, которые в то же время не предложения. Вот вам разговор:

— Я купил сегодня книгу. Очень интересную.

— В «Доме книги»?

Сколько здесь предложений? С точки зрения грамматического разбора — одно: **Я — купил — сегодня — книгу — очень — интересную — в «Доме книги»**. А если подумать? Конечно, три! Два из них говорит первый собеседник, а третье добавляет его приятель.

Но вернемся к нашей основной теме. Я для того и рассуждал о предлогах, чтобы показать вам: нет никакой, в сущности, разницы между наречием и сочетанием «предлог + существительное»! Большинство наречий поэтому и возникли из таких сочетаний: **наутро, на дом** (только это наречие по старинке пишется отдельно!) и даже **назад** или **вперед**.

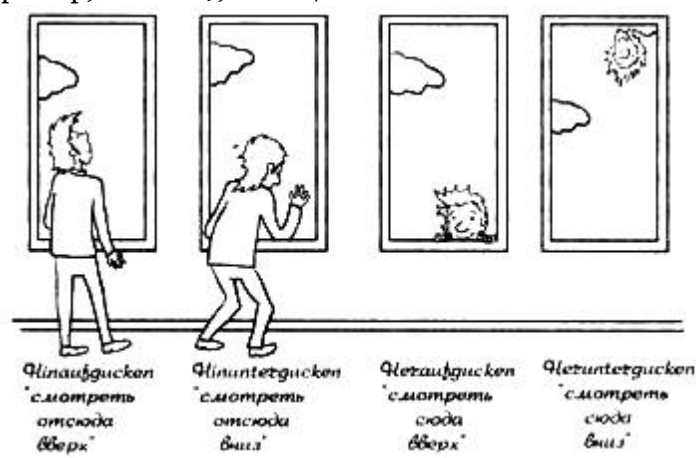
В русском языке здесь не так уж много разных вариантов. Он не очень любит точно обозначать направление движения или место, где что-то находится, недаром мне было так трудно переводить значения лакских падежей. Даже такая, казалось бы, очевидная разница, как на этом рисунке, для русского языка вроде бы не существует:

на стене

на столе

В немецком языке есть два различных предлога: **an** в первом случае и **auf** — во втором. А уж в лакском…

В русском языке **идти** можно и домой, и из дома. А в немецком из дома — **gehen,** а домой — **kommen**. Вообще, когда идут «туда», употребляется **gehen,** а когда «сюда» — **kommen.** Немцы со скрупулезной точностью обозначают всякое направление. Например, там, где мы просто скажем **выглядывать** (например, из окна), немец может сказать:



и так далее.

В папуасском языке абелам есть восемь наречий, обозначающих место или направление: «здесь», «сюда», «там», «там за определенным местом», «здесь совсем рядом», «туда вдаль», «там вдали». И наконец, вопросительное наречие-местоимение — «где, куда?» А в языке гадсуп, тоже папуасском, девять наречий-послелогов, но совсем других: «там в», «там на», «поблизости», «на верхушке», «у основания», «вдоль по», «вдоль по верхушке», «от» и «к».

Место (или направление) можно, кстати, обозначать не только предлогами, послелогами или наречиями, но и указательными местоимениями. **Этот** — значит находящийся близко от говорящего, **тот** — далеко от говорящего. В папуасском

языке кева есть **го** — «этот поблизости»; **мо** — «этот вдалеке», то есть «тот»; **со** — «этот наверху»; **но** — «этот внизу».

А вот в совсем небольшом (по числу говорящих) алеутском языке… В первой половине XIX века в России жил ученый, занимавшийся изучением быта и культуры алеутов, тлинкитов, — народов, обитавших на северо-востоке страны и на северо-западе Америки. Для этого он прожил некоторое время среди алеутов и других народов, жизнь которых изучал. Звали ученого Иннокентий **Вениаминов** (1797–1879). В результате им были изданы фундаментальное исследование «Записки об островах Уналашкинского отдела» (ч. 1–3, 1840), а также книжка, в которой дано первое достаточно подробное описание алеутского языка. Приведем небольшой отрывок из этого труда ученого. Читая высказывание Иннокентия Вениаминова, помните, что оно написано в первой половине XIX века и сохраняет стиль и язык научных трудов того времени: «Таковых относительных местоимений (мы их теперь называем указательными. — А. Л.) в сем языке довольно так, что, не называя по имени, можно означить несколько человек, находящихся в одном месте, как-то: сидящие означаются: от говорящего на низ или к дверям, первый **уан**, второй **инган**, третий **укун**, дальний **акан**, предпоследний **каган**, последний **какан**; впереди **кикун**, в самом переди **какун**; наверху **икан**, на самом верху **акан**; на низу **укнан**, еще ниже **унан**, самый нижний **сакан**. Стоящие: ближайший **икун**, далее **акун**. Идущие: ближайший **ауан**, дальний **акун**. Лежащий возле **удан**. Находящийся вне дома **садан**, внутри дома **укан**. На той стороне **аган**; **анан** и**уман** означают тех, кого не видим».

Такое даже и представить себе трудно. Попытайтесь-ка сами нарисовать всю эту компанию сидящих, стоящих, идущих, лежащих и вообще отсутствующих людей!

«Трудный» русский язык

Так о нем часто говорят. Не те, кто его изучает: те, кто не хочет, чтобы его изучали!

Люди изучают русский язык, чтобы побольше узнать о нашей стране. О стране Пушкина, Чехова, Толстого. О стране Павлова, Менделеева, Королева. И никто не может сейчас просто запретить изучать русский язык.

Но можно уговорить: не изучайте этот язык, он-де такой трудный, что вы его не одолеете…

Так трудный он или нет на самом деле? Как вы думаете?

Вы уже много знаете о различных других языках. И, наверное, сами можете ответить правильно.

Конечно, трудно овладеть русским склонением человеку, в языке которого вообще нет падежей.

Но гораздо легче справиться с шестью русскими падежами тому, у кого в языке их сорок.

Очевидно: трудно немцу привыкнуть к тому, что мягкость и твердость в русском языке различают разные звуки, если звуки немецкого языка не знают мягкости и твердости.

Но для поляка это легче легкого. В польском языке тоже есть мягкие и твердые звуки.

Англичанину и американцу не так-то просто освоиться с мыслью, что неодушевленные предметы в русском языке могут быть «мужчинами» и «женщинами». А для папуаса монумбо это само собой разумеется, да и для африканца луганда совсем не так сложно.

Дело, значит, совсем не в том, труден ли вообще русский язык или нет (это касается и любого другого языка). Для любого человека, на каком бы языке он ни говорил, есть в другом языке что-то трудное и что-то легкое. Нет языка, который был бы одинаково легок или одинаково труден для всех.

Вы, может быть, знаете, что в самом конце XIX века был придуман искусственный язык для международного общения — эсперанто. Его создатель, врач Людвик Заменгоф из Варшавы, старался сделать его одинаково легким для всех. Я изучал этот язык и могу подтвердить: выучить его мне, русскому (да и поляку, немцу, французу, англичанину, испанцу), очень легко. Если хотите, вот вам примеры. Все существительные в нем кончаются на **—o**, все прилагательные на **—a**. Ударение всегда на предпоследнем слоге. Мягкости и твердости нет. Есть приставки и суффиксы, но у каждого из них совершенно четкое значение: например, **— uj-** означает предмет, в котором что-то хранится, или вообще место, где что-то находится: **móno**—«деньги», **monujo** — «кошелек». Никаких исключений! Если я хочу сказать: «он будет читать новую книгу», не может быть неожиданностей: **Ii légos nóvan libron,** и никак иначе.

Но для японца, китайца, бирманца, индийца, араба, не говоря уже о полинезийце или папуасе, чьи языки совсем не похожи на европейские, эсперанто — исключительно трудный язык.

И не бывает так, чтобы все в языке было одинаково трудно и запутанно. Ведь в каждом языке трудности, можно сказать, уравновешены — в одном сложнее склонение, но не такое уж сложное спряжение, в другом — наоборот. В одном много согласных, в другом — гласных.

Чтобы выучить любой язык, надо приложить усилия. И даже если что-то в нем кажется легким, будьте уверены: что-нибудь да

окажется трудным.

Бывает, конечно, что для кого-то язык особенно легок. Например, русский для поляка или болгарина. Много общих слов, мало трудных звуков. Похожа грамматика (особенно для поляка). Или китайский для вьетнамца: так же устроен слог, есть такие же (вернее, похожие) музыкальные тоны, много общего в грамматике. И наоборот, китайский труден для русского или немца — мало схожего в звуках, очень различна грамматика (сам принцип грамматики!), совсем нет общих слов… Или эсперанто — легкий для нас и трудный для тех, чьи языки не похожи на европейские.

Но нет «вообще трудных» и «вообще легких» языков. Как нет языков «интересных» и «неинтересных».

А есть ли языки «бедные» и «богатые»? В следующей главе я отвечу вам и на этот вопрос.

Как это называется?

«Первобытные» языки в кривом зеркале и на самом деле

Не только обычные люди, не имеющие отношения к науке, но даже и многие ученые — философы, языковеды — уверены: есть языки «развитые», языки, достойные называться языками. А есть «первобытные». Примитивные, неразвитые. И, конечно, искать такие «первобытные языки» надо где-нибудь подальше: в Африке, в Австралии, в лесах Амазонки, в горах Новой Гвинеи. Одним словом, подальше от европейской культуры.

Счастлив, говорят такие ученые, туземец, овладевший языком европейских колонизаторов. Он приобщается ко всем богатствам мировой культуры. У него открываются-де глаза.

Чем же языки эти «первобытны», в чем их «неразвитость»?

Во-первых, считается, что в них выражается очень много лишних деталей. Так утверждал знаменитый французский ученый, философ и психолог Люсьен Леви-Брюль (1857–1939), который собрал и обобщил огромный материал о жизни и быте индейцев, народов Австралии, островов Океании в фундаментальном труде «Первобытное мышление» (русск. перевод — 1930). Леви-Брюль рассуждал так. Индеец-понка, чтобы сказать «человек убил кролика», должен выразиться следующим образом: «человек, он, один, живой, стоя (в именительном падеже), нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего (в винительном падеже)». Это ли не мелкие, ненужные детали?!

Подождите-ка! Ведь если рассуждать таким образом, то можно ненароком и русский язык записать в «первобытные»! Ведь когда мы «переведем» русскую фразу **Человек застрелил кролика**, как это сделал Леви-Брюль с индейской, получится почти то же самое: «человек, он (иначе было бы **убила**), один (иначе было бы люди), живой (в именительном падеже, ведь в винительном падеже мы говорим **человека**!), нарочно убил, пустив стрелу (именно таково было первоначальное значение слова **застрелил**!), кролика, его, живого (в винительном падеже) …» Нет только «стоящего» человека и «сидящего» кролика, но не этим же измеряется первобытность!

Таким способом можно превратить любой язык в тарабарский. Вот как «переводится» начало сказки на африканском языке суахили в одной серьезной книге**: Он — был**

— там человек один он — который был слепой с рождения его. День один оно — проходило — мимо чудо, глаза его они — стали — открытыми так только внезапно. И перед его оно (место) **— было с осел он — стоял он — его — увидел этот осел — 0н — не видел вещи более.**

Вы что-нибудь поняли? Если поняли, то, наверное, только то, что суахилец зачем-то нагромождает массу слов там, где достаточно одного.

Я много занимался языком суахили и очень его люблю. Поэтому мне за него было особенно обидно. Ведь на самом деле никаких сложностей нет: наоборот, язык суахили очень экономен в средствах. Сказка начинается так: **Alikuwakomtummoja**. **A-** — это приставка, обозначающая, что глагол 3-го лица и что подлежащее — слово, обозначающее одушевленный предмет (человека). **Li** приставка прошедшего времени и так далее. Ничего особенного!

И если перевести начало той же сказочки литературно, она будет звучать так: **Жил-был один человек, он был слепым с самого дня своего рождения. Однажды случилось чудо: его глаза вдруг открылись. Случайно перед ним в тот момент стоял осел. Слепой увидел только осла и больше не увидел ничего.**

Значит, этот упрек «первобытным» языкам — чистое недоразумение. Леви-Брюль ошибся.

Но у него есть и другие претензии. В «первобытных» языках, дескать, нет или почти нет слов с общим значением, но зато разные породы животных, разновидности растений, виды снега и льда имеют специальные слова. У аборигенов Австралии, как утверждает Леви-Брюль, нет обобщающих слов «дерево», «рыба», «птица», нет отвлеченных понятий…

Разберемся и в этом. Насчет австралийских языков Леви-Брюль определенно ошибается: там есть и «рыба вообще», и «дерево вообще» и самые отвлеченные по значению слова — «начало» и «конец», «дружба» и «любовь», «мир» и «правда». То же и в других языках, которые считаются почему-то «первобытными». В одном из меланезийских языков острова Новая Британия польский ученый Казимеж Мошиньский отыскал даже слово **a deo**, означающее «всякое летающее существо» — птицу, бабочку, муху. Слова с таким обобщенным значением в русском языке, да и во всех известных мне европейских, не существует.

А то, что различные породы животных, сорта растений и т. п. имеют свои обозначения, — это совершенно правильно. Но при чем тут «первобытность»? Человек придумывает особые слова для всех тех предметов, которые он должен различать на практике, в

своей жизни и работе.

Нам совершенно не важно различие между бананами: мы их покупаем в магазине. И у нас есть одно слово **банан.** А тот меланезийский язык, в котором разбирался Мошиньский, имеет 100 слов для обозначения банана! И немудрено — это главная пища меланезийцев. Большинство из них проводит основную часть своего времени, выращивая банановые деревья, собирая урожай, готовя из бананов различные кушанья. Им просто необходимо различать банан спелый и неспелый, пригодный в пищу или только для корма скоту, более или менее сладкий, более или менее пригодный для хранения…

Мы с вами большие любители собак и очень ясно различаем дога и спаниеля, овчарку и болонку. В жизни папуаса насиои собака не играет такой роли, ему не нужны названия разных собачьих пород — хватает одного слова **мотик** «собака». Но зато нам хватает одного слова джунгли там, где папуасу насиои его никак хватить не может. Слово **подаг** означает для него негустой лес с лужайками, на которых можно сажать съедобные растения. Собственно «джунгли» называются **джаба,** если они непроходимые, и **итаки,** если проходимые. По-моему, всякому непредвзятому человеку ясно, что эти разновидности джунглей должны быть обозначены специальными словами! Ведь их **жизненно важно отличить друг от друга.** Конечно, тому, кто в них живет и сталкивается с ними каждый день.

Мы называем одинаково **попугаями** существ, совсем не похожих друг на друга — от громадных ара и хохлатых какаду до миниатюрных волнистых попугайчиков. А папуасы телефол всех копытных животных, которые не водятся на Новой Гвинее, называют «свиньями»; и так же, как мы уточняем — **попугай какаду,** они в случае необходимости поясняют: «свинья, называемая верблюд», — **koong koo ake kamel.**

Еще в одном якобы «первобытном» папуасском языке асмат (нам уже знакомом: помните, «стоящие», «сидящие» и так далее предметы?) есть вроде бы слова с очень конкретным значением. Вот, например:

tepakamis «заболеть непосредственно после того, как поднялся вверх по течению»;

timeremap «сидеть, пока солнце не зайдет»;

ninukamis «сесть в лодку со множеством людей и отчалить».

Звучит внушительно и убедительно! Но вот вам другие три слова, взятые из совсем-совсем другого языка. Они переводятся так:

«заболеть непосредственно после того, как попал из нагретого помещения в холодное», «сидеть, пока не наступит

глубокая ночь», «сесть в лодку или на корабль с другими людьми и вещами».

Звучит не менее внушительно, правда? Осталось выяснить, какой же это язык. Оказывается — русский! А «переведенные» нами глаголы самые обычные: **простудиться, полуночничать и погрузиться**.

Хватит примеров. И так уже совершенно ясно, что Леви-Брюль не прав.

Не обязательно видеть в таких ошибках сознательное неуважение к другому народу или злой умысел. Николай Николаевич Миклухо-Маклай очень красочно описал свои трудности, когда он изучал язык бонгу. Отрывком из его книги я и закончу этот раздел:

«Названия, которые я желал знать, я мог получить, только или указывая на предмет, или с помощью жестов, которыми я подражал какому-нибудь действию. Но эти два метода были часто источником многих недоразумений и ошибок. Один и тот же предмет назывался различными лицами различно, и я часто по неделям не знал, какое выражение правильно. Сообщу здесь пример того, что со мною частенько случалось. Я взял однажды лист в надежде узнать название листа вообще. Туземец сказал мне слово, которое я записал; другой папуас, которому я предложил тот же вопрос и показал тот же лист, сказал другое название; третий в свою очередь — третье, четвертый и пятый называли предмет опять другими и различными словами. Все названия записывались, но какое было настоящее название листа? Постепенно я узнал, что сказанное сперва слово было названием растения, которому принадлежал лист; второе название означало "зеленый", третье — "грязь", "негодное", потому ли, что я, быть может, поднял лист с земли, или потому, что лист был взят с растения, которое папуасы ни на что не употребляют. Так случилось со многими, очень многими словами.

Для ряда понятий и действий я никаким способом не мог получить соответствующих обозначений; для этого оказались недостаточными как моя сила воображения, так и моя мимика. Как я мог, например, представить понятие "сын" или "сон", как мог найти название для понятия "друг", "дружба"? Даже для глагола "видеть" я узнал точное слово лишь по прошествии четырех месяцев, а для глагола "слышать" так и не мог узнать».

Сколько слов нужно человеку?

Вопрос совсем не случайный. Потому что очень часто обвиняют «первобытные» языки в словесной бедности. В них

якобы слов 200–300.

Это явная подтасовка! Нет и не может быть таких языков. На что уж неразвита культура бушменов Южной Африки или жителей Огненной Земли на крайнем юге Южной Америки — каменный век в наши дни. Но в языке бушменов не меньше 10 тысяч слов, а в огнеземельском словаре — целых 30 тысяч!

Помните язык ток-писин? Один датский путешественник утверждает, что в нем всего 600 слов. (Это в языке, на котором издаются книги и газеты!) Наверное, дело в том, что путешественник считал словом то, что пишется отдельно. Но вот вам слово (или несколько слов?): **han bilong diwai.** Оно значит «ветка». Однако можно перевести его и так, как мы переводили суахильскую сказку — «по-тарабарски». Получится «рука, принадлежащая дереву», «рука дерева». Конечно, ни один человек, говорящий на языке ток-писин, не думает о руке, когда говорит о ветке! Это одно, а не три слова, только пишется это слово, так сказать, в три приема. В словаре языка ток-писин есть и научные, и технические, и политические понятия. Другое дело — **как** образуются нужные слова. Если в русском языке, чтобы сказать **песенник,** нужно взять основу слова **песня** и прибавить суффикс **—ник,** то в ток-писин то же самое слово образуется соединением корня **buk** «книга» и корня **singsing** «петь»: **buk singsing** — «песенная книга, песенник»…

Да и вообще — правильно ли судить о том, «хороший» язык или «плохой», по числу слов в словаре?

Никто из нас не сомневается в том, что русский язык — исключительно богатый. Конечно, точное число слов в нем неизвестно, но оно явно превосходит сто тысяч.

Но вот вам один факт, чтобы вы задумались. (Как любят теперь говорить после телефильма «Семнадцать мгновений весны», «информация к размышлению».)

В Москве, в Российском университете дружбы народов, составили частотный словарь русской разговорной речи. Разговорной — значит той речи, которой мы пользуемся в быту, в обычном разговоре с родными, друзьями, знакомыми. Частотный — значит, слова в нем расположены не по алфавиту, а от того слова, которое повторяется чаще всех остальных, к самому редкому. В этом словаре 2380 слов.

И вот оказалось, что какой бы разговор мы ни взяли, слова из этого словаря составляют больше 90 % всех сказанных слов! Значит, 2–3 тысячи слов вполне достаточно для разговора, если только он ведется не на научные, а на бытовые темы.

Наверное, того же числа слов вполне хватит для любого языка, если в нем нет научных, технических, политехнических и

идеологических понятий, если им пользуются только в быту, если на этом языке нет романов и стихов, газет и журналов… Но чем шире круг тех целей, для которых язык употребляется, тем больше ему нужно слов.

Не ему — народу, говорящему на этом языке! Потому русский язык так богат словами, что это язык Достоевского и Толстого, Пушкина и Циолковского, Павлова и Тимирязева. Потому что российская наука и техника пользуются всеобщим уважением, русскую литературу знают и любят на всех континентах.

«Бедный» язык станет «богатым», если народ, на нем говорящий, выйдет из каменного века и освоит все достижения общественной и научной мысли, присоединится к общему потоку прогресса культуры, науки, техники. Я говорю об этом так уверенно, потому что подобное уже бывало — это происходило если не на моих глазах, то на глазах моих родителей. Помните чукотский язык? Он проделал как раз такой путь. И ненецкий. И эскимосский. И многие, многие другие из ста тридцати с лишним языков народов стран СНГ.

Нет такого языка, который самой судьбой обречен быть «бедным», «первобытным», неразвитым. Другое дело, как, каким путем он обогащается. Один язык заимствует нужные ему слова из тех языков, где уже есть эти слова и понятия: так, во многие языки вошло исконно русское слово **спутник**. Другой язык как бы пересказывает эти слова своими собственными средствами — например, чешский, исландский.

А иногда у того или иного языка просто нет необходимости самому заимствовать новые слова.

В Западной Грузии есть язык, очень похожий на грузинский, но все-таки другой — он называется занским. Слова этого языка и похожи, и не похожи на грузинские: например, грузинскому слову **мзе** — «солнце» — в занском языке соответствует **бжа**. Практически все занцы (их называют также мингрелами) знают грузинский язык и по-зански говорят только дома или с друзьями-занцами. Если занец хочет поговорить на научные темы, он просто-напросто переходит на грузинский язык! Недаром про жителей одной из занских деревень говорили: «До обеда они разговаривают по-зански, а после обеда — по-грузински».

Но ведь если все или по крайней мере многие языки приобретают слова и понятия, совпадающие в разных языках по содержанию, а иногда и по звучанию, как **революция, Совет, спутник**, они становятся похожими друг на друга?

Нужно ли говорить, что это не так? У каждого языка есть свои, неповторимые черты. В каждом языке отражаются особенности культуры народа, который на нем говорит. Это и

особые слова, обозначающие предметы, не существующие у других народов, и особые грамматические категории (мы уже знаем об этом)… Сколько бы русских слов не заимствовал, скажем, алеутский, корякский, кетский язык, он остается языком алеутов, коряков, кетов, будет отражать их жизнь, их культуру и традиции.

Заимствование идет и в обратном направлении. Вдумайтесь, сколько слов вошло в русский язык из разных языков. Названия жилищ: **сакля, юрта, чум, яранга**. Одежда, головные уборы, обувь: **тюбетейка, башлык, унты**… **Аул** и **кишлак, арык** и **домбра**, **акын** и **ашуг** — я не заглядываю ни в какой справочник, пишу, что сразу приходит в голову.

Можно взять и справочник. На моей книжной полке стоит небольшой словарь: в нем собраны грузинские слова, вошедшие в русский язык. Такие же справочники можно было бы составить для многих языков нашей страны, только количество слов будет в них разным и их употребительность тоже.

Синий или зеленый?

Часто говорят: у каждого языка есть своя «картина мира». Некоторые ученые считают возможным по особенностям языка судить о мышлении народа. Им кажется, что язык — нечто вроде цветных очков: наденешь их, и все цвета меняются, красное кажется черным, синее — лиловым… Какие очки, таков и мир, который мы через них видим.

С этим еще можно согласиться. Но бывает, что идут дальше. Говорят: человек действует в мире так, как ему подсказывает язык. И вот это уже совершенно неверно! Даже если разные вещи и называются в нем одинаково, это совсем не значит, что человек, говорящий на этом языке, смешивает такие вещи друг с другом.

Я специально занимался этим вопросом и с помощью вьетнамского аспиранта Буй Динь Ми поставил специальные опыты. Сейчас я о них расскажу. Мы просили русских и вьетнамцев назвать и показать цвета и цветовые оттенки, а также, посмотрев на квадратик определенного цвета, узнать его среди других.

В русском языке четыре основных цвета: красный, желтый, зеленый и синий. Во вьетнамском тоже четыре: **xanh, do, tim, vang**. Который из них «желтый», который «красный» и так далее?

Do — это «красный». **Vang** — «желтый со включением оранжевого». Пока все почти как в русском языке. Но вот **tim** уже отличается: это «фиолетовый». А **xanh** — сразу и «синий», и «голубой», и «зеленый». Какой из трех, обычно узнают по смыслу:

если небо, то голубое, а если лес, то зеленый.

Значит ли это, что вьетнамец не различает голубого, синего и зеленого цветов? Конечно, нет! Он просто не так, как мы, группирует оттенки цвета. И там, где у него не хватает слов для названия цвета, он идет очень интересным (и очень важным для нас!) путем: называет предмет нужного цвета: **«Xanh** морской волны», **«xanh** ростков риса»… Русские обычно этого не делают — они называют цвет примерно так: **очень-очень светлый зеленый** или **фиолетово-красный.**

Почему этот вьетнамский способ обозначения и запоминания цветовых оттенков нам важен? Потому что он показывает: человек не действует так, как ему подсказывает язык, он использует язык, «подстраивая» его к своей деятельности! Кстати, когда мы подсказали нашим русским испытуемым, что светло-зеленый цвет — это «цвет молодых листьев березы», они сразу же стали его лучше запоминать и быстрее находить. Вьетнамцы же настолько привыкли к такому способу обозначения, что иногда один и тот же цвет — на границе зеленого и желтого — называли то **«vang** канарейки», то **«xanh** рассады риса».

Есть языки, где основные цвета еще более непривычны. Например, в папуасском языке тан- гма всего два цвета: **muli** — «черный и зеленый» и **mola** — «белый, красный и желтый». В языке тив, в Нигерии, три цвета: **ii, pupu** и **nyian.** Разобраться в них очень сложно. Дело в том, что **ii** — это зеленый, темно-синий и темно-серый цвета. **Pupu** — это голубой и светло-серый. **Nyian** — коричневый, красный, оранжевый и желтый. Вы уже заметили — я все больше усложняю цветовую «картину мира».

Следующий язык — хануноо на Филиппинских островах. Цвет **biru** — черный, фиолетовый, темно-зеленый, темно-серый. **Zagti** — белый, светло-серый и вообще все светлые оттенки. **Kara** — красный, оранжевый и желтый. Наконец, latuy — светло-зеленый, светло-коричневый…

У бушменов кунг пять цветов: бело-серый, черный, красный, зелено-сине-фиолетовый и желто-оранжевый. Написать их названия я не могу — они полны цоканьями и чмоканьями. Почему такое разнообразие? Наверное, потому, что папуасы тангма живут в горах, где им не встречается особенно много разных цветов. Филиппины покрыты лесами, и не удивительно, что у хануноо целых два зеленых цвета. А различать (в языке) красный и желтый им не так уж важно. Зато бушмены кунг — жители пустыни Калахари: не так уж много вокруг них зелени, но очень важно отделить желтые тона от красных.

Я не уверен, что все это именно так. Прямых доказательств нет. Но вот, например, в том же вьетнамском языке (а Вьетнам

страна тропическая, там кругом зелень и синее море!) от слова **xanh** образовано 42 производных названия разных синих, зеленых и голубых оттенков. И почти половина из них — 19 связаны с цветом различных растений (а еще 13 — с оттенками цвета моря, озер, рек). Так что у нас с вами есть основания думать, что не деятельность людей зависит от того, какие цвета имеют названия в их языке, — наоборот, сами названия цветов в языке зависят от условий жизни и деятельности народа.

В русском языке есть слова: **брат, сестра, дядя, тетя, дед, бабушка**. Нам этого хватает. Но есть народы, у которых общественный строй таков, что очень важно, является ли дядя, скажем, братом матери или братом отца: и для них есть свои особые названия. Например, у австралийцев аранта дядя по отцу — **ката**, а дядя по матери — **камуна**. У них младший брат и младшая сестра называются одним словом — **итиа**. А старший брат — **калья**, старшая сестра — **квайя**. Почему? Когда умирает отец, старший брат остается главой семьи. Кстати, в русском языке когда-то тоже были два разных слова для «дяди»: брат матери — **вуй** и брат отца — **стрый**.

Кстати, на словах, обозначающих родство, очень ясно видно, как общество влияет на язык. Раньше в русской крестьянской семье была очень сложная система разных названий родственников. Это было важно хотя бы потому, что эта семья — дядья и тетки, племянники и двоюродные сестры — жила (или по крайней мере держалась) вместе. А мы с вами — горожане — не сразу сообразим, чем отличается **золовка** от **невестки**, **шурин** от **деверя**. Многие этих слов сейчас вообще уже не знают.

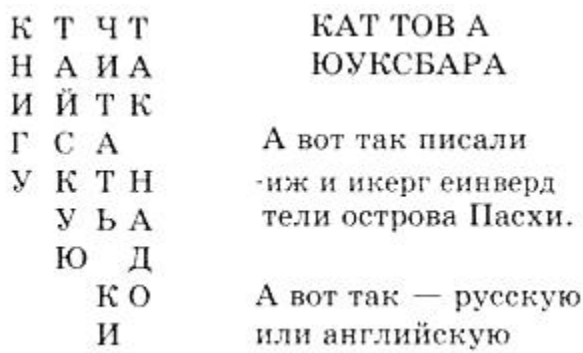
Справа налево? Слева направо? Сверху вниз?

А может быть — еще как-то?

Эта глава посвящена одной из самых увлекательных сторон языка — а именно письменности. Или, как чаще говорят, — письму.

Вопросы, поставленные в названии главы, — не праздные. Действительно, это мы с вами, да и вообще все европейцы, привыкли, что буквы и слова идут слева направо. Так пишут и русские, и англичане, и немцы, и французы, и финны, и греки…

Однако если подсчитать, сколько людей на свете пишут слева направо, окажется, что их не так уж много… Во всяком случае не меньше миллиарда на земном шаре пишет справа налево или сверху вниз. Это, например, китайцы: китайскую книгу приходится читать от последней страницы к первой, а каждую страницу — справо налево и сверху вниз. Так же читается японская книга. А арабская или еврейская книга или газета читаются справа налево, но строчки в них идут как в нашей, «обычной» книге, а не превращаются в столбики, как это принято в китайской или японской:



Последнее место в нашей табличке занимает древнегреческий способ письма (интересно, что его применяли и некоторые другие народы, о греках никогда и не слыхавшие, например жители острова Пасхи). Он называется «бустрофедон», или «борозда быка»: действительно, бык именно так двигается по полю при вспашке[14].

Есть ли еще какие-нибудь способы расположить письменные знаки на странице? (Мы, конечно, не считаем способ, который Джонатан Свифт в «Путешествиях Гулливера» приписал английским дамам, своим современницам: из верхнего левого

угла в нижний правый.) Оказывается, есть. В древнеегипетском письме отдельные знаки (иероглифы) располагались… так, чтобы было красиво! Точнее, их нужно было как бы вписать в квадрат. Ради этого иногда отбрасывали целые слоги или нарушали их порядок в слове. Ну, а в корейском письме (в одной из его форм) пишут столбиками, как в китайском, но слева направо:

III? 3? Три?

Одно и то же количество предметов можно обозначить при письме разными способами.

Проще всего изобразить каждый предмет специальным значком, например черточкой…

Предположим, речь идет о трех предметах. Тогда у нас будет такая запись: III. Это римская цифра три. Ее прочтет любой человек, ни слова не понимающий по-русски, даже неграмотный. Если потребуется прибавить или отнять единицу, то в римской цифре достаточно прибавить или отнять палочку (в древнем Риме четыре обозначались не IV, как теперь, а IIII).

Другой способ заключается в том, что специальным значком обозначается не каждый из считаемых предметов, а общий итог счета — **3**. Если теперь к подсчитанным нами предметам прибавить еще один или убавить от них один, то внешний облик значка изменится. И мы получим **4** или **2**. Такие цифры прочтет и человек, не знающий русского языка, но знакомый с числовыми значениями всех арабских цифр.

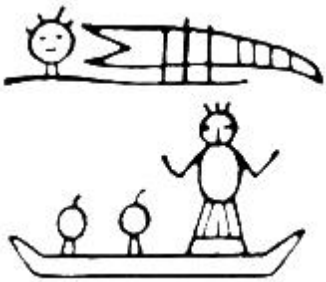
Есть и третий способ, когда название числа пишут буквами: **три**. Такую «цифру» уже не прочтет тот, кто не знает русского языка.

Все три способа служат для обозначения одного и того же содержания и используются в различных письменностях земного шара.

Письменность делится на три главных типа или вида:

рисуночная, картинная, или **пиктографическая** (от лат. **pictus** «писанный красками, нарисованный» + греч. grapho «пишу»), символическая, или **идеографическая** (от греч. **idea** «понятие» + греч. grapho «пишу»), и звуковая, или **буквенная**. Давайте последовательно рассмотрим все основные виды письма и попытаемся представить историю его развития.

Рисуночное письмо — это, собственно, еще и не письмо, а рисунок, изображающий то, о чем идет речь. Рассмотрим пример такого письма. Эти записи взяты из хроники-летописи индейцев дакота, написанной на коже бизона индейцем по имени Одинокая Собака. Каждую весну все мужчины племени собирались вместе и решали, какое событие было наиболее значительным в году (год у дакота считался от лета до лета). Знак для этого события вносили в хронику. Устанавливая ту или иную дату, опирались на эту хронику и говорили так: **Я родился в году, когда отец Одинокой Собаки сломал ногу.**



А вот еще одна надпись рисуночным письмом, но уже меньше похожая на рисунок и скорее напоминающая настоящее письмо, так как обозначено им не просто событие, а содержание определенного, известного текста. Это тоже индейская хроника, на этот раз племени делаваров. Она называется по-делаварски «Валам Олум», что значит «живопись, соответствующая истине». На этих двух рисунках изображена часть рассказа о потопе (это, конечно, «доисторическая», сказочная часть хроники). Каждый рисунок вызывает в памяти рассказчика-делавара строчки хроники:

Амангамек, маркдоппанек, алендьювек, метциранне к. Манитодасин мокол вичемаг. «Пал-пал», пайат, пайат, ведичеман.

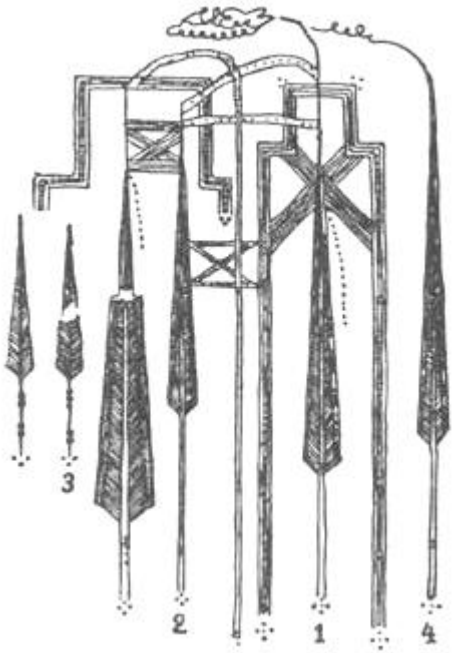
Большие рыбы, их было много, людей некоторых они сожрали. Манитодасин с лодкой помогла им. «Приди!» Пришла, пришла, помогла всем.

Манитодасин — буквально «таинственная дочь». Это прозвище мифологического существа — женщины Нипахумсква, живущей на Луне.

Из этих двух надписей следует вывод: письменность должна

быть, как говорят, мнемоническим (в переводе с греческого — «памятным») приемом, то есть сохранять память о том или ином событии или воспроизводить тот или иной текст. Но письменность не ограничивается мнемонической функцией. Ею часто пользуются для того, чтобы передать от одного человека к другому какое-нибудь важное сообщение. Недаром само слово **письмо** имеет два значения — «письменность» и «письменное сообщение, пересылаемое на далекое расстояние».

На рисунке, помещенном ниже, воспроизведено печальное письмо юкагирской девушки (юкагиры — небольшая народность, живущая в северо-восточной части Якутии и на Чукотке): девушка (1) живет в своем доме, но ее мысли витают над домом другого человека (2), хотя у него жена и двое детей (3). А вокруг дома девушки бродит юноша (4), и все мысли его над ее домом.



Иногда письменные знаки определяют, как человек должен в том или ином случае действовать. Зачатки такого письма — зарубки охотников на деревьях. А в усовершенствованном виде мы можем наблюдать его в знаках уличного движения: например, перечеркнутая стрелка означает, что движение в определенном направлении запрещено.

В современном обществе пиктографическое, или рисуночное письмо встречается на каждом шагу. Может быть, это делается именно для того, чтобы привлечь внимание непривычной в наше время формой сообщения? Вот несколько общеизвестных примеров: череп и кости на трансформаторных будках; значки родов войск на погонах и в петлицах военнослужащих — танки, пушки, крылья; рисунок рюмки на коробках, в которых перевозятся бьющиеся предметы, и т. д.

В сущности, пиктографические надписи ничем не отличаются от рисунка.

Человек + слово = верить

Внешне древнеегипетская письменность, как и всякая **идеографическая письменность**, очень схожа с пиктографией, хотя с самого начала эти два вида письменности существенно различались.

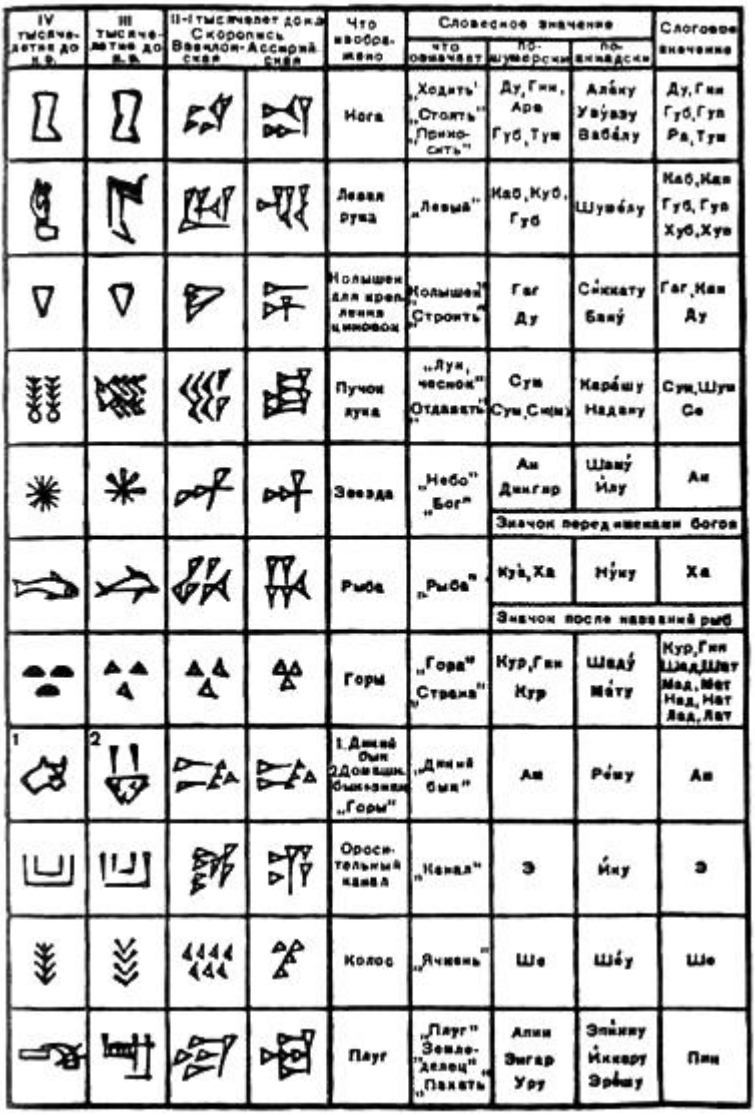
Пиктография служила для изображения целого сообщения, а идеография — только для одного слова. На рисунке, помещенном ниже, изображены как раз некоторые знаки древнеегипетской идеографической письменности — иероглифы для отдельных слов. Верхние три ряда знаков просто изображают предметы, которые они обозначают. Следующие два ряда содержат знаки, значение которых вполне определенно связано с изображаемыми предметами и понятно читателю. Например, две руки со щитом мы воспринимаем как нечто связанное со сражением. А самый нижний ряд знаков примерно тем же способом символизирует отвлеченные понятия.

Например, скипетр обозначает слово **править,** текущая из сосуда вода — слово **прохладный.**

Вот еще одна идеографическая письменность — клинописная, употреблявшаяся народами Древнего Двуречья: шумеров и ассиро-вавилонян. Из таблицы видно, что происходит упрощение рисунков, пока они не доводятся до самой общей схемы, в сущности уже не рисунка, а символа, как цифра 3. Из этой же таблицы ясно, что клинописные идеографические знаки позже перенесли из шумерской письменности (шумерский язык изолированный, его родственные связи нам неизвестны) в аккадскую, или ассиро-вавилонскую, при этом они стали читаться по-другому: не «ду» или «гин», а «алакук»; не «сум», а «карашу»…

Что-то похожее мы с вами уже заметили, когда в самом начале говорили о цифрах: арабские цифры могут встречаться в самых разноязычных текстах, но всюду они будут поняты правильно. В последнем столбце приведены те способы чтения клинописных значков, которые были в ходу для обозначения собственных имен.

Например, чтобы написать **Эра,** брались знаки слов **канал** и **ходить.**



Но самая знаменитая из идеографических письменностей и, кстати, почти единственная дожившая до наших дней — это китайская иероглифика. Ею до сих пор широко пользуются в КНР. Китайские иероглифы легли в основу современной японской письменности. На рисунке изображены некоторые из иероглифов в их древней и современной форме. А нижняя строка показывает, как возникают составные иероглифы, используемые для передачи отвлеченных понятий. (Кстати, и мы, когда хотим сказать, что человеку можно верить, говорим, что это — **человек слова**.)

Всего в современной китайской письменности около 60 тысяч иероглифов. Но не все из них используются одинаково часто. Выучить наизусть столько иероглифов — колоссальный труд, и только немногие люди знают их. Обычно китаец владеет несколькими тысячами иероглифов, и этого вполне хватает для чтения газет, журналов и художественной литературы.

Рождение букв

Египетские иероглифы не так уж долго оставались идеографическими знаками. Довольно скоро наряду со знаками, обозначающими непосредственно содержание слова без учета его звучания, появились фонетические знаки, отражающие именно звучание. Собственно, они существовали в египетской письменности всегда: как иначе можно было написать чье-либо имя? С течением времени грамотных становилось больше: уже не только жрецы, но и купцы, моряки и военачальники нуждались в письменности, чтобы вести свои дела. А фонетический принцип оказался гораздо более легким и доступным для усвоения и употребления, чем идеографический, который требовал механического запоминания сотен знаков. Поэтому египтяне перешли в основном на **фонетическую письменность**.

Появились знаки двух типов. Одни обозначали звучание слова, но при этом воспроизводили только согласные звуки. В древнеегипетском языке, как и в любом другом, многие слова содержали одни и те же согласные, но различались по составу гласных. И чтобы не смешивать друг с другом эти слова, к обозначению согласных прибавляли поясняющий знак. Он

показывал, к какой группе значений относится это слово, и играл роль так называемого определителя.

Приведем пример из русского языка. Представьте себе, что мы с вами пользуемся египетским принципом письма. Может быть множество слов, содержащих согласные **сн: сон, сан, сени, сено, сын, сани, соня, осень, Сеня** (имя). И вот слово **сын** надо было бы обозначить: **сн** + знак мужчины; **сан — сн** + вельможа; **сени — сн** + дом; **сено — сн** + поле; **сани — сн** + двигаться; **осень — сн** + время года; **Сеня — сн** + специальный знак для собственных имен, а **сон — сн** + «отвлеченное понятие».

Определители — поясняющие знаки, которыми пользовались при письме древние египтяне для того, чтобы показать, к какой группе значений относится то или иное слово

От таких значков уже легко было перейти к знакам для отдельных слогов: вместо единого знака для слова **сн** брались два отдельных знака для двух слов или слогов: первый содержал только один согласный **с**, а второй — только один согласный **н**, то есть вместо иероглифа **(сн)** брались два иероглифа и Первый из них происходит от изображения свернутого покрывала, а второй — от изображения воды. Постепенно слоговые знаки стали преобладать в древнеегипетской письменности.

Но наряду с определителями и знаками для слогов и слов в древнеегипетском письме продолжали существовать и иероглифы идеографического характера, и знаки для слов типа **сн**. Важнейший шаг к нашему алфавиту сделали древние финикийцы: они воспользовались для письма египетскими иероглифами, но взяли только те из них, которые обозначали отдельные слоги, а потом создали для недостающих в египетском языке звуков своего языка новые знаки по образцу египетских.

Настоящий — не слоговой, а **буквенный** — алфавит, где есть знаки не только для согласных, но и для гласных, появился

впервые у древних греков. Они заимствовали письменность у финикийцев, но оказалась, что она не очень пригодна для греческого языка: ведь финикийский язык. как арабский, а греческий — индоевропейский, где гласные играют очень важную роль и им тоже нужны обозначения. Тогда-то греки и придумали знаки для гласных.

Греческий алфавит оказался так прост и удобен, что им воспользовались и другие народы Средиземноморья — ликийцы, лидийцы, фракийцы, карийцы, этруски.

На рисунке изображена надпись ранним греческим алфавитом на неизвестном до сих пор языке, относящаяся к VII веку до новой эры. Ее нашли на острове Лемнос в Эгейском море. Надпись эта читается не слева направо, как современные тексты, а справа налево, как финикийские надписи.

В наше время на земном шаре неизвестных письмен осталось уже совсем немного — не больше десятка-двух. Некоторые из них прочитаны не так давно.

В 1951 году всему миру, как мы уже говорили раньше, стало известно имя историка Юрия Валентиновича Кнорозова. Он сделал то, что не удавалось многим ученым разных стран, — прочел древнюю письменность народа майя (Центральная Америка). В Новосибирске результаты расшифровки Ю.В. Кнорозова заложили в виде программы в электронную счетную машину, и, проработав многочисленные тексты майя, машина подтвердила правильность расшифровки.

Особенно интересна история расшифровки одной из малоизвестных письменностей Центральной Азии — киданьской. Ее расшифровала, точнее, помогла ученым расшифровать машина. Она быстро подсчитала, какие значки встречаются реже и только в начале слов (по-видимому, они обозначают корни), какие — чаще, насколько часто и в какой последовательности и т. д. В результате оказалось возможным против каждого слова,

написанного по-киданьски, условными знаками написать, где у него корень, где суффиксы и с каким примерно значением, где окончания. При этом выяснилось, что по строению слов и по некоторым другим признакам киданьский язык очень похож на монгольские и, вероятнее всего, принадлежит именно к этой группе. Теперь стало сравнительно легко прочитать киданьские тексты до конца.

До сих пор никому не удалось полностью расшифровать еще одну таинственную письменность — знаменитые «кохау ронго-ронго» («говорящих досок») острова Пасхи. Несколько таких досок хранится у нас в Санкт-Петербурге. Всего их сохранилось 25. Интересно, что большой вклад в расшифровку письменности острова Пасхи внес ленинградский школьник Борис Кудрявцев, которому удалось проанализировать знаки этой письменности и выделить сходные места в разных текстах. Борис Кудрявцев ушел в 1941 году на фронт и погиб; его первая и единственная печатная работа была опубликована уже посмертно — в 1949 году.

Биография вашего письма

Из финикийского алфавита и родственных ему возникли многие другие письменности, в основном слоговые, в которых гласные стали обозначаться значительно позже.

Сюда относится, например, арабская письменность, распространенная на обширном пространстве от Марокко на западе до некоторых островов Океании на востоке, индийская письменность, различные варианты которой применяются не только в самой Индии, но и в Мьянме, Лаосе, Камбодже, Таиланде, Непале, Шри-Ланке, Индонезии.

В свою очередь, многие письменности, в том числе и латинский алфавит, возникли из греческого письма. Латинским алфавитом с различными дополнительными знаками и двойными буквенными обозначениями для звуков, не существовавших в латинском языке, сейчас пользуется громадная часть человечества. Например, звук **ш** обозначается в немецкой письменности **sch**, во французской — **ch**, в английской — **sh**, в румынской —**ş**, в чешской — **š**, в польской — **sz**, в шведской — **sk**, а в итальянской — **sc**. Латинским алфавитом пользуются и эстонцы, латыши, литовцы, молдаване…

Но нас с вами больше всего интересует русский алфавит, или, как его иначе называют, кириллический. Принято считать, что русский, точнее, славянский алфавит изобрели два ученых-монаха — братья Кирилл и Мефодий. В 1963 году, во всех

славянских странах праздновали юбилей — 1100 лет со времени создания первой славянской азбуки. А в Болгарии, как и в России, День славянской письменности празднуют каждый год.

Строго говоря, кириллическая письменность, или кириллица, — это не единственная раннеславянская письменность. Одновременно с ней существовала еще так называемая глаголица (от слова **глагол** — по-старославянски «слово»). Она более сложна, чем кириллица. Некоторые ученые полагают, что Кирилл изобрел и кириллицу, и глаголицу: ведь многие буквы обеих азбук очень похожи. Другие думают, что одна из них существовала еще до Кирилла, но какая именно — мнения расходятся.

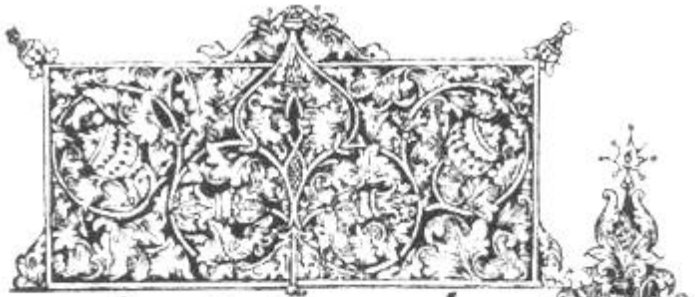
В кириллице 43 буквы. Между прочим, они использовались и для обозначения цифр: для этого над ними ставились особые черточки. С течением времени некоторые из этих букв оказались лишними, потому что исчезли обозначаемые ими звуки, а кое-какие были лишними с самого начала. Дело в том, что славянский алфавит создан на основе греческого и в него попали буквы для звуков греческого языка, которых не было в славянских.

Кириллицей написаны древнейшие славянские книги. Выдающимся памятником книжного искусства Древней Руси является Остромирово Евангелие, которое было написано кириллицей в 1056–1057 гг. дьяком Григорием по поручению новгородского посадника Остромира.

Со временем кириллица в ее строгом старом начертании стала препятствием широкому распространению грамотности на Руси, так как требовала от пишущих и читающих особого искусства. В 1708 г. Петр I издал указ о напечатании «новоизобретенными русскими литерами» «Геометрии». Этот «гражданский» шрифт сохранял конфигурацию кириллических букв, но отличался большей простотой, удобством для письма и для печати. В 1710 г. ПетрI утвердил образец «гражданской» азбуки, пересмотрев для этого весь кириллический алфавит. Девять букв оказались в русском алфавите обузой: **пси, кси, фита, ижица, омега, иже, зело, ять, юс малый**, а три — **юс большой** и еще два **юса** (так называемых **йотованных**) перестали употреблять еще раньше. ПетрI не решился выкинуть все эти лишние буквы из русского алфавита, а ограничился тем, что отказался от **юсов, кси** и **омеги**. Однако уже и эта незначительная реформа сыграла большую роль: стало ясно, что как бы ни были привычны ненужные буквы, ничего страшного не произойдет, если их вычеркнуть из азбуки. И вот понемногу вычеркнули и другие лишние буквы, так что к началу XX века их

сохранилось только четыре: **і** (или **и** с точкой)**, фита, ижица** и **ять.** Такое постепенное исключение лишних букв объясняется тем, что всякую реформу алфавита реакционеры царской России рассматривали как своего рода революцию в области письменности и школьного обучения и мешали ее осуществлению. «Если можно посягнуть на официальные правила письма, то почему нельзя усомниться вообще в законности и целесообразности общественных порядков царской России?» — рассуждали они. И совсем не случайно дело реформы алфавита всегда поддерживали прогрессивные ученые, писатели, общественные деятели. И только Октябрьская революция помогла осуществить коренную реформу русского алфавита.

Легко подсчитать, что после исключения лишних букв их должно остаться в русском алфавите 31. А оказалось 33. Откуда же взялись еще две? Их придумали еще в XVIII веке для звуков, не существовавших в старославянском: **й** — в 1735 году, а **ё** — в 1797 году. Букву **ё** впервые использовал писатель Н.М. Карамзин, автор повести «Бедная Лиза». Этих 33 букв нам сейчас вполне хватает.



ѲЛАГОВѢСТВОВАНІЕ

НАЧАЛО ЕѴАГГЕЛІЯ ІЕ ХА,
СНА БЖІЯ, ЯКОЖЕ
ЕСТЬ ПИСАНО ВО ПРОРО
ЦѢХЪ. СЕ АЗЪ ПОСЫ
ЛАЮ АГГЕЛА МОЕГО ПРЕ
ЛИЦЕ́МЪ ТВОИМЪ,
ИЖЕ ѲУГОТОВИТЪ ПУТЬ
ТВОЙ ПРЕДЪТОБОЮ.

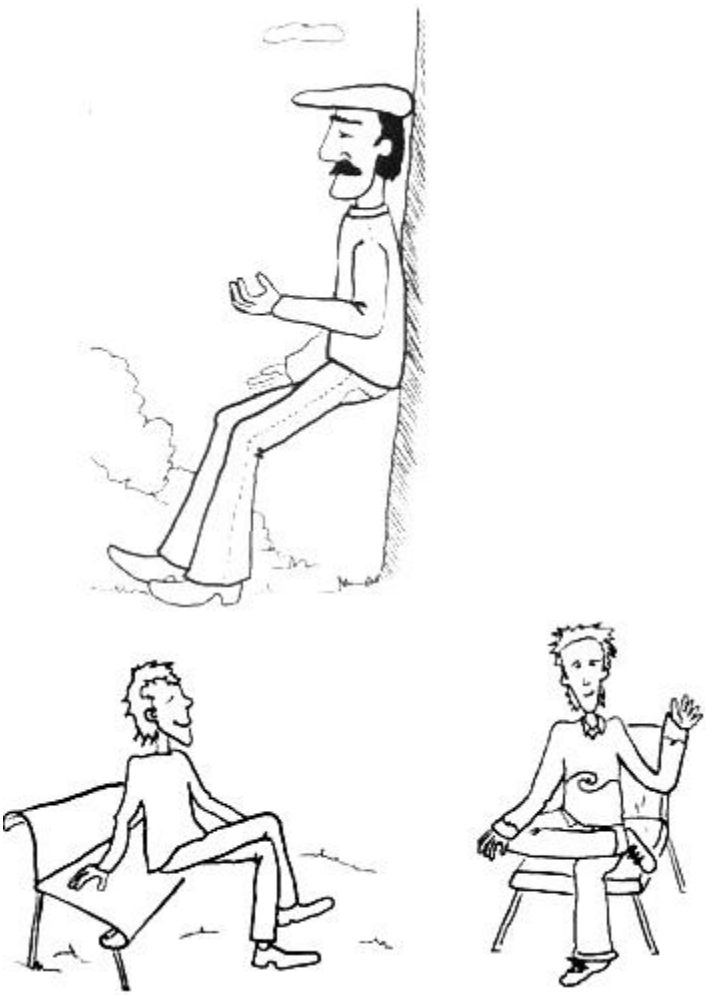
НЕ, ПРЕПРОСВѢЩЕННІЕ. ЗАЛО ЕѴАГГЕЛІЯ Н
СЕ ІНАГМЧАСТЬ ВНАВЕ БГОНАБЛІЯ

Язык, на котором не говорят

Можно ли стоять не по-русски?

Можно! Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на эту зарисовку. Она сделана в городе Тбилиси. Я часто и помногу там бывал и могу подтвердить: грузины нередко стоят именно так. Важнее другое: русские никогда так не стоят!

Сядьте и закиньте ногу на ногу. Готово? Вы положили коленку одной ноги на коленку другой, как на рисунке.



Предложите сделать то же американцу: он положит щиколотку одной ноги на колено другой, как на рисунке.

А теперь давайте попросим людей разных национальностей

сесть на пол. Мы с вами к этому вообще не привыкли, нам нужны либо стул, либо табуретка, либо скамейка. Но если сесть на пол все-таки придется, мы, так сказать, отбросим ноги в сторону. Нам так удобнее. А турки и вообще народы Ближнего и Среднего Востока «сядут» по-турецки. Японцы всегда садятся на корточки. Североамериканский индеец, когда садится, подложит под себя ногу. Художник нарисовал, как **сидят люди разных национальностей**. Внимательно посмотрите этот рисунок и сравните каждого из сидящих.

Чтобы по-русски сделать утвердительный жест, мы киваем головой. Если хотим сказать «нет» — мотаем головой влево и вправо.

У болгар наоборот (или, вернее, почти наоборот).

А вот что пишет один американский исследователь про другие народы:

«У овимбунду в знак отрицания принято махать рукой перед лицом, вытянув указательный палец; негритосы выражают отрицание, опуская глаза. Семанги резко вытягивают шею вперед в знак согласия… В Бенгалии (для утверждения. — А. Л.) четырежды наклоняют голову от плеча к плечу, так что макушка

описывает плавную кривую; в Пенджабе и Синде откидывают голову назад по кривой к левому плечу, причем это движение делается один раз… На Цейлоне опускают подбородок и отводят его вниз и влево по кривой…»

Советский востоковед, большой знаток арабской культуры Ю. Н. Завадовский прибавляет к этому: «…Чтобы сказать просто "нет", арабы поднимают голову (турки при этом прищелкивают языком), а чтобы выразить абсолютное отрицание, кусают ноготь на большом пальце правой руки и затем быстро выбрасывают руку вперед».

Как поманить человека пальцем? Вот так: А арабы Северной Африки делают наоборот: Вы встретили знакомого и хотите с ним поздороваться. Как вы это сделаете?

Первый способ — рукопожатие. Но далеко не единственный! Можно кивнуть головой. Можно поднять правую руку и помахать ею из стороны в сторону. Можно снять кепку или поднести к ней руку, как будто вы хотите ее снять. Можно прикрыть глаза и улыбнуться. Или просто улыбнуться. Можно хлопнуть приятеля по плечу или по спине. Можно обняться и даже поцеловаться с ним. Или поцеловать руку (если это женщина).

Лет пятнадцать назад я открыл еще один способ. Представьте: вы сидите с кем-то и заняты очень важным разговором. Некто проходит мимо и здоровается с вами. Вы не можете оторваться от беседы. Что вы делаете? Не прекращая разговора, поводите глазами на «прохожего» и слегка приподнимаетесь.

И все равно это будет понято как приветствие!

Но всеми этими способами здороваются именно по-русски. Предоставлю слово тому же американцу — Уильяму Ла Барру:

«… Эскимосы реки Коппер приветствуют чужеземцев ударом кулака по голове или по плечам, а жители северо-западных районов Амазонки хлопают друг друга по спине в знак приветствия. Полинезийцы обнимаются и потирают друг другу спину. Южноамериканские испанцы (мужчины) приветствуют друг друга стереотипным объятием: голова над правым плечом партнера, три хлопка по спине, голова над левым плечом партнера, еще три хлопка… Двое курдов при встрече хватают друг друга за правую руку, поднимают руки, не разжимая их, и попеременно целуют друг другу руки. Андаманцы садятся друг другу на колени в знак приветствия, обнимаются за шею и при этом плачут… Прощальное приветствие состоит у андаманцев в том, что подносят руку партнера ко рту и тихонько дуют на нее».

У вас, возможно, возникло желание ввести эскимосское приветствие в школьную практику. Не рекомендую. Тогда уж и все остальное надо делать по-эскимосски. Например, есть сырое мясо (само слово эскимос и означает на одном из индейских языков «сыроед»).

Что такое этикет?

Я встретился со своим узбекским или таджикским другом. Даже если он очень торопится, он никогда не начнет разговора прямо с дела. Сначала он подробно расспросит о моем здоровье, о здоровье моей семьи, а я, зная этот обычай, расспрошу его о том же. Ответа, в сущности, не требуется, но узбекская вежливость требует, чтобы эти вопросы были заданы.

А вот у кабардинцев подобные расспросы считаются неприличными. В прежнее время обычаем было запрещено в течение трех дней (!) задавать гостю вопросы — даже о том, кто он, откуда и куда едет. Так что если гость хотел, он мог оставаться вообще неизвестным никому — сохранять инкогнито…

У каждого народа, и у русского в том числе, есть свои обычаи, свои представления о том, что вежливо и что невежливо — вообще и в данный момент. Ясно, что есть и универсальные, общие правила. Ни один вежливый человек, к какому бы народу он ни принадлежал, на каком бы языке ни говорил, не плюнет в присутствии гостя, не повернется спиной, поздоровавшись с человеком… Невежливость остается невежливостью; а вот

вежливость меняется от народа к народу, от языка к языку.

Немецкий путешественник Кох-Грюнберг рассказывает: у индейцев Бразилии принято такое правило. Если кто-то уходит, он должен подойти к каждому из присутствующих отдельно (сколько бы их ни было!), сообщить о своем уходе и услышать: «Иди». Когда он возвращается, то подходит опять к каждому и каждый спрашивает его: «Вернулся?» И тот отвечает: «Да». Это совершенно обязательно. Общее «пока!» или общее «привет!» — там страшнейшее нарушение правил вежливости, на вас после этого просто смотреть не станут!

Если гость приходит в китайский дом, ему всегда предлагают пообедать. Настойчиво предлагают! А гость — по этикету — обязан отказываться… Так, кстати, и у армян, и у египтян.

У японцев принято говорить о собеседнике только преувеличенно хорошие слова: не «ваше имя», а «ваше почтенное имя», «ваше благоухающее имя». Не «ваше письмо», а «ваше драгоценное письмо». А о себе, напротив, необходимо говорить уничижительно: не «моя работа», а «моя неумелая работа», не «мой дом», а «мой жалкий дом»…

Что означает заяц?

В каждом языке, у каждого народа есть предметы, цвета, изображения, которые значат больше, чем они значат на самом деле.

Как это может быть?

Береза для любого русского не только дерево. Это еще и символ, знак Родины. Помните песню?

…Вернулся я на родину,
Шумят березки стройные…

Красивую, стройную женщину тоже сравнивают с березой, березонькой. Совсем по-другому обращается русский с осиной: осиновый кол, дрожать как осиновый лист. Черепаха — символ медлительности. Заяц — он какой? Торопливый, серый, косой и трусливый. «Эх ты, заяц!» Лиса— хитрая, льстивая («Какие перышки! Какой носок!»). Медведь — неуклюжий, добродушный.

…Англичане, переезжавшие в Австралию или Новую Зеландию, брали с собой рассаду маленького весеннего цветка — первоцвета, или примулы, и высаживали этот цветок под окном дома. Первоцвет — это символ родной страны для англичанина. А для канадца «березой» служит клен: кленовый лист изображен

даже на канадском флаге. И на свитерах канадских хоккеистов.

В странах, где распространена буддийская религия (в Тибете, Монголии, Непале), заяц — животное уважаемое: символ мудрости. А у японцев, африканских негров — символ ума, догадливости: таким он выступает в сказках этих народов.

Корова у нас не слишком почтенное животное. А у древних греков назвать женщину «волоокой», то есть сказать, что у нее глаза коровы (вола), значило сделать ей высший комплимент. В Древней Индии прекрасную женщину называли гаджагамини — «идущая походкой слона». Сравнить ее с коровой тоже было почетно.

А береза для древних индийцев — символ милосердия, любви к людям.

И в заключение один случай, происшедший на моих глазах. Наш монгольский коллега, занимающийся в Монголии преподаванием русского языка, приехал в Москву и работал над учебником. Ему попался текст, названный так: «Собака — друг человека».

Мой знакомый очень смутился. Когда его спросили, в чем дело, он сказал: «Текст не очень подходит для монгольских студентов. Разве собака — друг человека?»

— Ну, а кого же можно назвать другом? — спросили мы.

— Да хотя бы лошадь, — уверенно ответил он.

Заключение

Мы с вами проделали кругосветное путешествие. И не одно.

Мы побывали в джунглях Амазонки и Новой Гвинеи, в пустынях Африки, Центральной Америки и Австралии, в тайге (у кетов) и в тундре (у чукчей, эскимосов, ненцев, нганасанов). Мы познакомились с сотней разнообразных языков. Некоторые из них похожи на русский (например, польский, чешский, словацкий, болгарский). Другие совсем не похожи — вьетнамский, готтентотские, папуасские…

Как вы думаете: зачем мы пустились в этот далекий путь? Неужели только ради того, чтобы узнать, что в бушменских и готтентотских языках есть щелкающие и чмокающие звуки, а в бирманском языке два множественных числа (и в то же время ни одного)? Подумайте сами: стоило ли мне писать эту книжку только для развлечения, только для того, чтобы рассказать вам о странностях языков?

Ну, конечно, не для того, хотя коллекция получилась, кажется, довольно занимательная. И мне самому эту книжку писать было интересно и весело.

Хотел я другого. Чтобы вы, закрыв последнюю страницу книги, по-новому посмотрели на наш с вами родной русский язык. Чтобы вы увидели: каждая, буквально каждая черточка этого языка может быть «начертана» в другом языке совсем по-другому. Звуки и ударения, морфология и синтаксис, слова и предложения…

Когда мы учим грамматику родного языка, нам кажется, что никакой иной грамматики и быть не может. И даже изучая иностранный язык (а в школе это обычно английский или немецкий — они не так уж сильно отличаются от русского), мы меряем его мерками своего родного — русского.

Вот я и стремился, шагая вместе с вами по карте языков, чтобы вы поняли: нет и не может быть такой общей мерки. Нельзя подходить к чужому языку с понятиями родного. Именно такой подход рождает презрение к другим языкам, которые ничем не хуже. А непонимание и презрение рождают самое страшное — презрение к другому народу, его культуре, его духовному богатству. Рождают национализм и шовинизм, уверенность в том, что моя нация — единственно достойная, а прочие, скажем — негры или славяне, не стоят того, чтобы о них (и о их языках) говорить серьезно. Так рассуждали еще древние греки: все, кто говорят на чужих, непонятных языках («бар-бар-бар»), — варвары. (Отсюда и слово!)

Уважение к национальной культуре, к родным языкам других народов невозможно без знания этой культуры, без хотя бы самой общей осведомленности об этих языках.

«Плохих» и «хороших» языков не бывает, как нет «плохих» и «хороших» народов. Зайдите в мастерскую скульптора, чеканщика по металлу, ювелира. Вы увидите там множество разнообразных орудий и инструментов. Каждое из них совершенно для своей цели, хотя применяются они иногда совсем по-разному.

Так совершенен и любой язык: он тоже орудие. Но он не только орудие — он и зеркало. Зеркало жизни и труда народа, зеркало его общественного развития. И в то же время зеркало связей этого народа с другими народами.

Я горд тем, что моя специальность — специальность языковеда — помогает другим людям узнать и полюбить языки и культуры разных народов. И я буду счастлив, если, прочитав мою книгу, вы сможете увлечься моей профессией и в будущем сделать ее своей.

Лингвистика XXI века [15]

Эта книга написана для тех, кто сейчас только учится. Значит, через 25 лет, когда наступит новый век, им будет около 40 лет. Если они изберут своим жизненным поприщем науку, то именно они и будут в начале века ее главной движущей силой.

Рассказывая о науке, надо говорить не только о ее вчерашнем дне, но в первую очередь о сегодняшнем и завтрашнем. Прошлое тоже дело почтенное, но не оно определяет главные линии и основные задачи развития науки.

Итак, о лингвистике.

Живи мы с вами в прошлом, XIX веке, достаточно было бы написать «лингвистика — наука о языке». И этим все было бы сказано. Наука XIX века четко разделялась на отдельные «клеточки», в зависимости от изучаемых ею объектов. Сколько разных объектов — столько разных наук. Физика была наукой о физических объектах, о физических формах движения. Физиология — наука о строении и функционировании человеческого организма. Психология — наука о «душе», наука о человеческой психике. Точно так же и лингвистика была наукой о языке.

В XX веке изменился сам принцип классификации наук. Появилось несчетное количество пограничных областей, смежных дисциплин под «двойными» названиями вроде физической химии, астробиологии, инженерной психологии. Это случилось не потому, что появилось больше объектов для изучения (конечно, в общем-то их стало больше, но не это определяет изменения, о которых здесь говорится). Дело в том, что на смену одной науке, охватывающей целиком один вид объектов, пришло несколько наук, рассматривающих один и тот же объект с различных точек зрения. Науки стали как бы перекрывать и дополнять друг друга. Если раньше жизнь и поведение животных изучались зоологией, то теперь появились зоопсихология, зоосемиотика, экология, этология, зоогеография и множество других научных направлений, а то и сложившихся наук. Если раньше язык, речь, языковая способность человека изучались лингвистикой (языкознанием), то теперь появились социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, биолингвистика. Да и сама «старая» лингвистика стала иной, но об этом ниже.

Заметьте себе, это процесс общий для самых разных наук и при этом совершенно объективный: все названные «лингвистики» с разными «приставками» появились совсем не потому, что кто-то

сел и выдумал новую науку. Так не бывает. Если появилось и укрепилось новое научное направление, значит, для этого были объективные и субъективные причины.

Объективные — т. е. возникли какие-то проблемы и в самой науке (теоретические), и, что особенно важно, вне ее (практические), которые «по-старому» не решаются.

Субъективные — т. е. сами ученые осознали, что надо работать «по-новому», что «старая» наука в чем-то уже не годится.

Казалось бы, не так трудно это осознать. А на самом деле в науке, в том числе и в лингвистике, нередко разыгрываются подлинные драмы. Конечно, лучшие из ученых старого поколения всегда чувствуют веяние времени и способны до самых последних дней идти вперед, вслед за новыми задачами и новыми идеями. Таким был недавно скончавшийся профессор Московского университета Петр Саввич Кузнецов. Воспитанный на «традиционной» лингвистике, он все время удивлял своих коллег странным, с их точки зрения, направлением своих интересов. Петр Саввич оказался первым нашим профессиональным лингвистом, который занялся африканскими языками, так сказать, «дедушкой советской африканистики». Он был первым нашим лингвистом, серьезно отнесшимся к машинному переводу и понявшим его не только прикладную, но и теоретическую значимость для самой лингвистики. А в последних своих работах он всерьез занялся проблемами происхождения человеческой речи. Он не следовал за модой: он ее создавал. Но так, к сожалению, бывает не всегда.

Но оставим субъективные причины в стороне и займемся объективными.

Начнем с самой лингвистической науки. Как и любая наука, она развивается по определенным законам. И, видимо, можно сделать известные выводы о тенденциях ее дальнейшего движения, если попытаться выяснить, есть ли такие закономерности развития, которые были бы общи для всех наук.

Такие закономерности, безусловно, есть. О них (применительно к своей науке — физиологии) прекрасно написал в своей книге известный советский физиолог Н. А. Бернштейн. Ученый пришел к следующему выводу. Сначала любая наука проходит стадию эмпирического собирания фактов. В это время она еще не наука в точном смысле слова, а «становится наукой… в тот момент, когда она оказывается в состоянии применить к каждому явлению своей области два определяющих вопроса: 1) как происходит явление и 2) почему оно происходит».

Наша нынешняя лингвистика уже достаточно хорошо знает, «как происходит явление». Она разработала сложную и

изощренную систему понятий и методов описания разных языков и описания процессов исторического развития языков. И в этом отказать ей никак нельзя.

Скажем больше: она, как это и описывает Н. А. Бернштейн, перешла уже от качественной характеристики явлений к их количественной характеристике. Лет пятнадцать назад наделало много шуму появление у нас так называемой математической лингвистики. Наиболее рьяные ее сторонники, главным образом из числа профессиональных математиков (а не лингвистов), тут же заявили о том, что «качественная» лингвистика вообще не имеет права на существование. Подобного рода «уничтожающие» заявления вообще редко соответствуют реальному положению вещей, а здесь это был просто призыв из одного тупика в другой.

Поэтому какой бы изощренной описательная лингвистика ни была, но на второй вопрос, о котором пишет Н. А. Бернштейн, она ответить не в состоянии: вопрос «почему?».

Это совершенно понятно. Ведь как человек говорит, зависит не только от того, о чем он говорит. А наша лингвистика может оперировать как следует только с этой стороны вопроса, да и то далеко не полностью. Здесь необходимы новые подходы, необходима совместная работа представителей разных специальностей. Ведь речь человека управляется не только собственно языковыми, а и психологическими факторами, и психолингвистическими (т. е. касающимися внутренней организации высказывания), и социально-психологическими (т. е. относящимися к различным употреблениям языка в человеческом обществе), и социологическими, и этнографическими, и антропологическими, и другими.

Сейчас в лингвистике как раз такой период, когда мы уже дали явлениям языка (речи) исчерпывающую описательную характеристику и перешли к «постановке всех суждений об этих явлениях на почву строгой причинности и… формулированию законов протекания в зависимости от этих явлений» (Н. А. Бернштейн). На наших глазах создается новая лингвистика — лингвистика, которая будет располагать достаточными возможностями, чтобы ответить и на вопрос «почему?». Но для этого она должна многому научиться у смежных с ней наук: логики и психологии, физиологии высшей нервной деятельности и антропологии, социологии и этнографии…

Социолингвистику, психолингвистику, этнолингвистику часто называют науками. Едва ли это науки. Пройдет какое-то, не очень долгое, если судить по нынешним темпам научного развития, время, и лингвистика снова «примет в себя», интегрирует все эти «науки». Один из молодых американских

лингвистов, вернее, этнолингвистов, — Делл Хаймс — в рецензии, опубликованной еще в 1965 г., писал, что дело идет к созданию «общей теории места языка в социальной жизни», «эволюционной теории языка», которая включит в себя и лингвистику, и психолингвистику, и социолингвистику.

Он считает, что такая наука будет создана в начале XXI века. Думаю, что с ним можно согласиться.

Итак, что касается внутренних тенденций эволюции лингвистики, у нас есть основания думать, что она коренным образом изменится. Чтобы заниматься языком, к началу XXI века нужно будет знать многое и многое из того, чему сейчас не учат на филологических факультетах.

Учтите это и постарайтесь не оказаться в положении лингвистов нашего поколения, которым пришлось, так сказать, в пожарном порядке овладевать такими несвойственными «традиционному» лингвисту вещами, как математика, психология, социология.

Но хватит о внутренних тенденциях — поговорим теперь о внешнем «давлении» на лингвистику со стороны практики.

Если посмотреть, как обстояло дело в лингвистике за последние полвека, то можно легко увидеть, что таких практических задач, которые стояли бы перед лингвистикой, вынуждая ее к дальнейшему развитию, было крайне мало. Разве что обучение иностранному языку, которое часто именовалось прикладной лингвистикой. Как ни странно, но здесь лингвистика сыграла в какой-то мере даже отрицательную роль. Она породила так называемый переводно-грамматический метод: языку учили, как географии или истории, — не учили общаться на этом языке, а заставляли учить правила. Это случилось, кстати, именно потому, что лингвистика не знала, почему мы говорим, а только как мы говорим. А чтобы научить человека говорить, нужно знать ответ и на вопрос «почему?»

В 50-х годах XX века появились еще две мощные области, в которых языкознание нашло практическое применение. Одна из них, конечно, машинный перевод. Он пережил свой взлет, когда кое-кому казалось, что пройдет два-три, от силы десять лет — и мы сможем с одного конца машины заложить томик «Войны и мира», а из другого вынуть готовый английский перевод чуть ли не в сброшюрованном и переплетенном виде. Потом взлет сменился чем-то вроде упадка. Упадка, впрочем, не было: просто стало ясно, что никаких легких и быстрых успехов здесь добиться не удастся (серьезным специалистам это было ясно с самого начала!).

Другая область менее известна и значительно более

ответственна. Это — афазиология. Афазией называют такое состояние человека, когда из-за ранения, опухоли или другого повреждения мозга он оказывается не в состоянии говорить и понимать речь. Чтобы восстановить у него способность говорить, надо хорошо знать, как человек говорит. Поэтому врачи-афазиологи стали серьезно заниматься лингвистикой.

В дальнейшем, в 60-70-е годы XX века, возникло еще множество задач, для решения которых потребовалась лингвистика. Все их даже нет возможности перечислить. Поэтому мы остановимся только на некоторых.

Как-то ко мне пришел за советом молодой лингвист из одной латиноамериканской страны, получивший образование в московском Университете дружбы народов. Он интересовался, куда можно обратиться, чтобы в его страну приехал советский ученый, занимающийся вопросами так называемого языкового строительства, и помог местным специалистам. Оказывается, в его стране, где наряду с испанским есть множество местных индейских языков, эти языки описаны плохо, почти не преподаются в школе, нет учебников и словарей на них и т. д. Нужно все это создать, нужно дать возможность маленьким индейцам научиться читать и писать на их родном языке. Все это — дело лингвиста, а точнее — социолингвиста.

Вот диспетчер большого аэропорта. Его дело — выслушать рапорты пилотов о том, что они подошли к аэродрому и находятся на такой-то высоте в таком-то секторе, и отдать им соответствующие распоряжения насчет посадки. Многословие здесь неуместно. Вся необходимая информация должна быть вложена в краткую, но очень емкую фразу, которая «пробилась» бы через любые радиопомехи. Какой должна быть эта фраза? Ответить на этот вопрос — дело лингвиста или, скорее, психолингвиста.

Вот следователь, которому надо найти преступника по обрывочной магнитофонной записи телефонного разговора. Сам он этого сделать не сможет. Ему поможет лингвист.

Какие же практические области, нуждающиеся в участии и совете лингвиста, будут интенсивно развиваться в ближайшие 30 лет?

Первая мысль — о космосе. Связь с экипажем космического корабля. Расшифровка возможных сигналов из других цивилизаций.

Революция в области информации. А значит, информационно-поисковые языки. Автоматическое реферирование. Машинный перевод научных текстов.

Развитие национальных культур народов Азии, Африки,

Америки, Океании. А значит, создание новых письменностей, литературных языков, общественно-политической и научно-технической терминологии, написание грамматик, учебников и словарей, разработка методов обучения иностранным языкам. (Попробуйте растолковать папуасу из племени асмат, в языке которого «пристать к берегу на каноэ, чтобы лечь на нем спать» выражается в одном-единственном слове с множеством суффиксов, как вьетнамец обходится в своем языке одними только корнями!)

Кстати, если вы хотите заниматься иностранными языками, но не решили какими, могу подсказать, специалисты по каким именно языкам будут особенно нужны в ближайшие 30 лет. Во-первых, по языкам Африки, особенно тем, на которых говорят в нынешних экономически малоразвитых странах. Смело учите языки банда и багирми, азанде и сонга, макуа и коса. Во-вторых, по языкам индейцев Америки — тупи и кечуа, аймара и гуарани, тукано и гуакуру. И в-третьих, по языкам народов Океании, начиная с Новой Гвинеи, где языков около 500, причем подавляющее большинство их практически не исследовано. Сейчас народы, говорящие на этих языках, участвуют очень мало или совсем не участвуют в политических, торговых, культурных связях с другими народами, их национальная культура развивается слабо и в относительной изоляции. Но близится время, когда они уверенным шагом выйдут на мировую арену. А сейчас, в 70-х годах XX столетия, у нас в Советском Союзе всего-навсего четыре специалиста по языкам Южной Америки и два — по языкам Новой Гвинеи.

Но самое главное, чем лингвисту придется заниматься к 2000 г., относится к изучению самого человека. И даже не столько к его изучению, сколько к его развитию — развитию его умений, навыков, способностей. Как легче и надежнее всего научить первоклассника грамоте и письму? Как развить у старшеклассника чутье языка и стиля, эстетический вкус в области литературы, позволяющий отличить настоящий бриллиант от поддельного? Я уже однажды писал обо всем этом — в книжке «Языкознание и психология». И позволю себе процитировать в заключение несколько абзацев из этой книжки.

«Кому мы нужны?

Этот горький вопрос мне не раз приходилось слышать от лингвистов самых разных возрастов и интересов.

Он не случаен. В наш век спутников и атомных электростанций, антарктических зимовок и большой химии наша специальность кажется какой-то лишней, мало нужной, пятым колесом в телеге современной науки.

Но наука — это не только знание Человека об окружающем его мире. Это и знание Человека о самом себе.

Он борется, изобретает, строит. Он стирает с лица Земли все формы угнетения. Он обеспечивает себе постоянный кусок хлеба. Он узнает все больше и больше о мире, в котором живет, чтобы суметь использовать для своего блага — блага человечества — все, что лежало миллиарды лет в тайниках Природы, дожидаясь его прихода.

И естественно, что для этой цели больше нужны химия и физика, геология и биология, астрономия и математика. Поэтому наш век — век точных наук.

Но наступит такой момент, когда Человек переведет дух, оботрет руки, прокопченные дымом, снимет перепачканную землей, мазутом и кровью спецовку и устало скажет: «Ну, кажется, с первоочередными делами кончено».

И тогда наступит расцвет тех наук, которые по старинке называют гуманитарными. Только, к сожалению, этимологию этого слова никто не вспоминает. Поэтому переведем его на русский язык: человеческие науки.

Расцвет этот наступит не потому, что Человеку нечего будет делать и он от скуки начнет заниматься языкознанием или логикой. Просто ему надо досконально знать, что он такое и на что он способен.

Уже пришла пора закладывать основы той будущей науки о Человеке, которая поможет ему стать Человеком во всех смыслах этого слова. Мы, наше поколение — ученики и подмастерья этой науки. Мы подносим детали, налаживаем станки, набрасываем чертежи. Работать в ней будут те, кто сейчас сидит за школьной партой».

notes

Примечания

1

Произносится «бхраатар». Все приводимые далее слова, кроме греческого, означают «брат», а греческое слово — «родственник», член фратрии.

2

Это тоже древнегерманский язык.

3

Здесь, собственно, не **ом**, а носовое **о**, обозначаемое «юсом большим».

4

Еще один древнегерманский язык, который был распространен в северной части современной Германии. Буква **w** обозначает здесь не русское **в**, а звук типа английского **w**.

Кроме, конечно, заведомо принадлежащих к другим семьям — азербайджанского, осетинского и др.

Кроме того, признаками языков этого типа считается отсутствие фонетических изменений при «приклеивании» аффиксов и закрепленность за каждым аффиксом только одного грамматического значения.

В этих языках, кроме того, при присоединении «внешних флексий» происходят разного рода фонетические изменения, причем присоединяемые аффиксы выражают сразу несколько грамматических значений: — **ам** — дательный падеж множественного числа мужского рода второго склонения.

Кроме того, согласно «строгой агглютинации» должно было бы быть «ат-лы»: **Л→Т** благодаря так называемой ассимиляции

9

Интересно, что между опубликованием первого и второго высказываний прошло три года.

Это особенно важно для поэзии. «Китайские поэты мне говорили, что стихи нельзя слушать, их нужно читать — иероглиф рождает образ», — писал И. Г. Эренбург.

11

Почему именно пожилые? Несколько десятилетий назад и в Корее и во Вьетнаме нельзя было считаться образованным человеком, не зная китайских иероглифов. Сейчас во Вьетнаме повсеместно введена письменность на латинской основе, а в Корее окончательно перешли на национальное письмо онмун, поэтому молодежь, как правило, уже не знает иероглифов. Что касается Японии, то там в письменности, так сказать, сосуществуют китайские иероглифы (читаемые, конечно, совершенно иначе — по-японски) и национальная японская слоговая азбука кана: обычно корень слова пишется иероглифом, а все остальные части слова и служебные слова — каной.

12

Это народ неизвестного происхождения, живущий в Юго-Западной Африке и говорящий на одном из готтентотских диалектов.

13

Почему мы не взяли в качестве примера римские цифры? Потому что в римской системе записи применяется и вычитание. То же самое число 1936 записывается здесь как MCMXXXVI, т. е. 1000 + (1000 -100) + 10 + 10 + 10 + 5 + 1.

Направление письма чередуется в зависимости от четности строки, т. е. первая строка пишется справа налево, вторая — слева направо, третья — снова справа налево и т. д.

15

В новом издании эту главу следовало бы или исключить совсем, или переписать заново. Но я решил пойти по третьему пути — воспроизвести ее без изменений (только с небольшими сокращениями). Ведь мой прогноз оказался близок к действительности. Разве что я, как большинство футурологов, несколько поторопился… — ***Авт.***